

Джейд Дэвлин
и Карбон

ДУБИНА
ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Annotation

Как Прародителю пристроить в хорошие руки своих внуков, если один из них слишком хорош, другой - Хуже не бывает? Отправить их на Землю! Тут точно на каждую дубину найдется своя Золушка. Ну, или наоборот.

- [Carbon Ива Лебедева Дубина для золушки](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Глава 49](#)
  - [Глава 50](#)
  - [Глава 51](#)
  - [Глава 52](#)
  - [Глава 53](#)
  - [Глава 54](#)
  - [Глава 55](#)
-

**Carbon Ива Лебедева Дубина для
золушки**

Пролог

Отступление первое, глобальное:

— Ну вот и этого пристроили, — с довольным вздохом констатировал факт Мортимер, он же Смерть, он же Прародитель, он же кобель гуляющий (по версии его жены).

— С чего это ты столь резко озаботился будущим далеких потомков, причем так... узконаправленно? — спросил... нет, теперь уже спросила его Швея, сидя в огромном мягком кресле из какой-то невезучей туманности и смакуя так приглянувшийся ей коньяк.

Смерть окинул собеседницу укоризненным взглядом. Пришлось даже слегка поиграть с временными рамками и реальностями, чтобы снова восполнить свои запасы и прикрыть от наглой сущности ходы к заначкам. А это было ой как непросто — после обретения прядильщика и полной стабилизации силушкой она сильно подросла.

— Сами виноваты. Все им не так. Не вмешиваюсь — плохо, вмешиваюсь — тоже плохо, — зевнул Мортимер. — Ты не представляешь, как обиженно они сопели на то, что их «прекрасные» клановые дети не могут найти себе Мастера, а я попросил бродяжек распределить на реабилитацию. В глаза претензии, конечно, не высказали, но это не значит, что я их не слышу, — закончил Прародитель.

— И теперь ты отыгрываешься на клановых, — понимающе кивнула сущность.

— Ну почему «отыгрываюсь», я помогаю! Причем — заметь! — лишь самым проблемным, — поправил Морт.

— Это Ксандр-то был проблемный? Или Ричард? Ладно уж, про моего промолчу, — усмехнулась Швея.

— Один слишком независим и нетороплив, чтобы искать, а второй слишком забит, — хмыкнул Прародитель.

— И кто твои следующие жертвы?

— Да вот думаю... — Морт взглянул на нечто вроде огромного бильярдного стола в виде космического пространства с шарами-планетами и пристроил кий к прозрачному бело-голубому шарiku. Что-то похожее на облака колыхнулось внутри шара, и взволнованная

«планета» будто бы попыталась откатиться. — Одно белое полено уже пристроено... Продолжаем лесозаготовку! — И кий резко ударил по белому шарiku. Тот с хрустальным звоном ударился сначала о соседний, серо-фиолетовый, а потом оба закатились в лунки. Что примечательно — разные.

***

Галахад смотрел на себя в зеркальную поверхность выключенного монитора. Темный экран отлично отражал спокойные и равнодушные темно-синие глаза на слегка угловатом мужественном лице молодого человека двадцати пяти — двадцати восьми земных лет.

На самом же деле сегодня ему исполнялось сто восемьдесят четыре года. После первого пятидесятилетия жнецы переставали отмечать каждый год, после столетия — каждый юбилей. Потому «днем рождения» этот день остался лишь номинально, никто уже не обращал на эту дату внимания.

Кроме самого Галахада. Сто восемьдесят четыре года — лишь начало жизни для жнеца, дурная молодость... если ты — Мастер. Или привязанное к Мастеру Оружие.

Галахад же уже сто восемьдесят лет был ничей. И до недавнего времени он не понимал причины, вернее, предпочитал ее игнорировать, искренне считая, что его просто не могут поделить. Тем не менее многие мысли незаметно для других посещали его голову.

Может, он недостаточно силен? Нет, его ставят в пример всем подрастающим Оружиям: третья эволюция, огромная ударная мощь, идеальная калибровка и даже не металл — практически легендарный прочнейший адамантий лезвия.

Недостаточно покорен, несговорчив и с трудным характером? Это в клане Умбрайя-то? Такое до сегодняшнего момента было позволено только больному (и на голову тоже) Мордреду. Галахад же идеально подстраивался под любого Мастера, будь он мужчина или женщина, молодой или древний. Характер же Мастера и вовсе не играл какой-либо роли.

Безмолвному Оружию в принципе не особо важно, находится ли оно в руках сварливого старика, восторженного юнца или экзальтированной девицы. Главное ведь — уничтожить тварь скверны, поглотить и переработать как можно больший объем энергии, точно

просчитать направление удара, требуемый вес и, если надо, молча подправить вектор своего движения в руках Мастера.

И то случалось это редко — неумехам его в руки никогда бы не дали. Потому в своей идеальности он не сомневался... до недавних событий.

После появления в призме нового клана привычная картина жизни стала медленно рушиться.

Галахада готовили стать консортом — главой и примером Оружий всего клана, тем, на кого должны равняться, кому подражать. Кто же знал, что идеал Оружия, который до этого воспевался в легендах тысячелетиями, внезапно, за какие-то жалкие два года, станет глупым, не востребуемым пережитком прошлого?

И что даже древние кланы станут засматриваться на непокорных, невоспитанных, но зато таких «прогрессивных» и с «новым взглядом на мир» железок.

Что тот самый драгоценный процент совместимости станет не более чем второстепенной характеристикой, которую обнаглевшие до крайности потомки инородной для этой реальности сущности-швеи будут подкручивать, будто звук на коммуникаторе.

Да, это очень облегчало взаимодействие, позволяло срабатываться даже безнадежным и... и полностью вычеркивало из вселенной все усилия таких, как он.

В какой-то степени Галахад этих чужаков ненавидел. Ненависть была неподобающая и необоснованная: прогресс нужен был его народу и цивилизации, пусть и такой скачковый. Разумом он это понимал, но эмоции все равно прорывались сквозь многочисленные блоки.

А еще он понимал, что не сможет. Не сможет измениться, как это сделал младший брат. Не сможет словесно унижать (или как говорили чужаки — подкалывать) Мастеров, вызывая в их глазах огонек задорного интереса. Не сможет строить из себя шута, как Оружия клана Ивановых-Лакоста. Не сможет смотреть на своего партнера по вечности умилительно-снисходительно, как делают это древний Кетцалькоатль или Филициус с Михаэлем.

Неужели вкусы Мастеров сменились настолько резко, что теперь ему подобные никому не интересны, скучны и бесцветны, словно сотни раз прочитанная книга?

Но как оказалось, дело даже не в этом. Сильное Оружие легко пристроить в клан пусть не первым, а вторым или третьим партнером. И никакие чувства тут не важны.

Просто... Галахад был неудобный. Да, идеальное, полностью податливое Оружие оказалось банально... никому не удобным. Об этом ему недавно в лицо сказала будущая глава клана, когда он пришел спросить ее о совместной охоте.

— Пойми, Гал, — ласково улыбнулась ему Мастер Артурия, — ты, конечно, наше сокровище, но не зря ведь говорят, что лучшее Оружие для Мастера то, которое он вырастил самостоятельно. Ты прошел уже третью эволюцию без связи с Мастером, это достойно похвалы. Только вот эволюционировал ты, скажем так, универсально. Ты не настраивался на определенного человека, не подгонял себя под его рост и вес, не взаимодействовал с чужой аурой. Ты... — Артурия замешкалась, подбирая слова.

— Я понял, Мастер. — В тот момент Галахад смог лишь спокойно кивнуть и окончательно разбить свои мечты о чем-то большем. Отныне он лишь символ ушедшей эпохи и носитель драгоценной и чистой клановой крови. Что ж, оставалась надежда, что хотя бы его дети, воспитанные уже в новых реалиях, станут сильны и востребованы.

— Тогда позвольте мне хотя бы выполнить свой долг как отца-консорта. Я не смею портить ваши охоты.

— Гал, ну не утрируй. Я не говорила, что ты бесполезный, ни в коем случае. Уверена, ты найдешь себе прекрасного Мастера. — Это было больно. — А для меня ты как второй сын. Конечно, мы не смертные и от союза тетушки и племянника дети будут полностью здоровыми, но... мне кажется, наши предки переоценивали чистоту крови. Порой она даже мешала... — Внезапно коммуникатор Мастера загорелся алым. — Мордред! Ну что опять?! Извини, Галахад, потом договорим. — Артурия исчезла в телепорте.

— Не нужно, Мастер. Я больше не буду вас беспокоить, — сказал он тогда в пустоту.

Что ему оставалось делать? Галахад не успел об этом подумать, прежде чем по клану разнеслась очередная новость: его передали «на воспитание» клану Ивановых.

Хотелось горько усмехнуться, но вокруг было слишком много народа. Похоже, недолго ему осталось остаться носить фамилию Умбрайя. С такой формулировкой Оружие в чужой клан передают только в одном случае: его продали.

Глава 1

Галахад:

— Мне оржавела твоя унылая рожа, — рычал Мордред, со злостью замахиваясь косой и мощным росчерком срезая траву. — Меня бесит эта бесполезная ржавая хер... аур-р-р, — взвыл Боевой Посох, когда браслет на его руке с функцией «антимат», купленный лично главой клана Умбрайя после того, как он не сдержался и обматерил бабушку в присутствии посторонних, щелкнул его безопасным для боевого Оружия зарядом электричества.

— Я урою их! — Мордред зашвырнул косу в середину огромного поля так, что та по пути, вращаясь, срезала всю встречную траву. — Как только избавлюсь от этих кандалов, я засуну им всю эту траву в кишечник, предварительно вскрыв им его со спины! Вот этой гребаной ржавой косой, помани мое слово!

Я лишь равнодушно взглянул на родственника, чем вызвал еще одну судорогу гнева на его лице. С одной стороны, я понимал его возмущение: использовать сильное тренированное Оружие для добычи корма низшим формам жизни, выращенным аборигенами, — глупо и нелепо.

С другой стороны, Мордред давно заслуживал сурового наказания. Если б Мор не был единственным сыном Мастера Артурии, от которого зависело ее ментальное здоровье, его б уже давно развоплотили. Просто... из жалости. И никакие прогрессивные мысли о «единстве и равенстве», что притащили в наш мир чужаки, не были б помехой. Потому выбранная главой местного клана «трудотерапия» была даже слишком щадящей для психически неуравновешенного и больного родственника. Пусть и унижительной.

— Ты ведь сейчас тоже мысленно вскрываешь мне глотку, ржавая оглобля, да? — Мор пнул небольшой стог, который я собирал граблями. Свежескошенная трава взвилась вверх и осела на плечи и волосы, а в нос ударил слишком сильный травяной запах. Двоюродный брат очень быстро приспособивался к ситуации: контролирующие браслеты не позволяли ему использовать силу и вредить себе, но вот такие вот «безопасные» действия не ограничивали.

— Я не желаю твоей смерти, — ответил я абсолютную правду и снова принялся собирать скошенную траву. Присоединиться к работам я решил сам, хоть так поддержав опального родственника.

— Знаешь, а я теперь тоже, — мерзко ухмыльнулся Мор, и я заранее насторожился. — Ведь теперь мы на одном уровне, на самом дне этой су... дрянной выгребной ямы. Ты не представляешь, как у меня стоит на то, что теперь ты, золотой Меч, гордость клана, копаешься в том же дерьме, что и я. — Посох слегка поморщился и сглотнул слюну. Видимо, браслет, снова зафиксировав сильную вспышку эмоций, ограничил его ауру.

Я прикрыл глаза, тоже скрывая бурю чувств, что вызвала во мне его фраза. Пусть грубо и грязно, но Мор прекрасно озвучил мои собственные мысли. Непонятно как, но мы внезапно встали с ним на одну спираль. И я не понимал, за что мироздание меня наказывает.

— Ути-пути, иди и осыпся ржой в ближайшей канаве! — неприлично заржал Посох. — Развлеки меня, выброшенное «сокровище» нации! Я ж только ради этого тут и прозябаю — увидеть наконец, как ты от безысходности коньки отбросишь, — продолжил издеваться Мор.

— Верни косу. Мы должны закончить до исчезновения с неба ближайшей желтой звезды. — Искры гнева чуть привели меня в себя и снова позволили вернуться к хладнокровному состоянию.

— Они называют эту хрень солнцем. Привыкай, болезный, ты тут надолго, — снова запустил в меня травой Мор и все-таки пошел за выброшенной косой.

Отступление второе, разговорное;)

— Не, ба, не в этом дело. Мало ли кто ругается, мы и сами умеем — и материться, и подкалывать. Дело в том, что этот Мор — он... какой-то пустой. Не просто заносчивый или балованный, а вот прям пустой, как оболочка от фантика, он не скрывает в себе другие эмоции, у него что на уме, то и на языке... эм, не понимаю, как ещё пояснить. В общем, с ним не интересно. Его не хочется развернуть, не хочется его перевоспитывать и приручать — не горит в нем... не знаю, искры. Мы всяких по призме видели, и поломанных, и дурных, и слишком умных — все были с изюмом. А эта булочка — пустая, — распиналась темноволосая девушка лет восемнадцати, жестикулируя сушкой, как дирижер палочкой. На плите весело кипел старый жестяной чайник,

чуть посвистывая, а в фигурной вазочке на столе красовалось сразу три вида варенья.

— Я бы на твоём месте не была так категорична. Он обычный парень, не хуже и не лучше других. Просто он не подошел ни одному из вас. Это не повод обзывать его пустышкой, — возразила глава клана, слегка хмурясь. Конечно, в такой вот непосредственности ее внуков было некоторое очарование, но, кажется, придется все же чуть поднасесть на воспитание потомков. Ее уже начинало напрягать их поведение, дети и правда становились слишком... высокомерными? Чересчур уверенными в защите клана. Но здесь, вдали от политики и этикета, в уюте собственного дома, это вполне можно было позволить.

— Ну... наверное. — Девушка зачерпнула ложку ярко-красного вишневого варенья. — Я вообще не поняла, зачем ты согласилась взять их... ну ладно, его. Второй, конечно, мороженный, но хоть не противный. Мы что теперь, колония для несовершеннолетних инопланетных снеговиков?

— Анна, мне казалось, что ты умнее. Все же старшая правнучка. В пятнадцатом поколении, — еще больше нахмурилась Гиттиннэвыт, смотря на облизывающую ложку внучку. Жаль, хмуриться на своих потомков слишком долго она не могла, хоть и честно старалась.

— Ну, значит, не настолько умна. Ты объясни тогда! — фыркнула темноволосая девушка, запуская ложку в следующее лакомство.

— Я объясняю. — Задумчиво постукивая пальцами по столу, за которым родственники пили чай, женщина продолжила: — У старшего мальчика классическая клиническая депрессия. У младшего проблемы посерьезнее. Он с детства нестабилен. Тот браслет, который все время бьет его током за нецензурщину, на самом деле нужен не для воспитания, а для того, чтобы ребенок не убился.

— Хм-м-м... то есть все же поломанный? Тогда да, понятно... но я не знаю, как ему помочь, — теперь уже задумалась девушка.

— Да. Поломан. И серьезно. Ему противопоказано волноваться, — кивнула глава клана, доливая кипятка в чашку.

— Что?! Ба, да он только и делает, что психует! — не поверила Анна. — По поводу и без. Мы честно старались не дразнить, когда поняли, что его реально бесит. Но не помогло.

— Да, он постоянно на взводе. Но браслет держит его в рамках, переключая эмоции, перенаправляя гнев на легкие болевые ощущения

и не давая этому чувству развиваться настолько, чтобы начать рвать ауру, — все еще терпеливо ответила Гиттиннэвыт, задумчиво посматривая на сушеные цветки ромашки.

— То есть без матершинного ограничителя он еще больший псих, но не потому, что козел. Понятно. — Девчушка тяжело вздохнула и тоже отпила горячего напитка. — Знаешь, я уже ему сочувствую. Это, получается, не он сам злится, а его болезнь?

— Без ограничителя он труп. Насчет болезни — не знаю, вполне вероятно, что там и характер не подарок, но это не преступление. И наверняка большая часть его неадекватности — именно от дестабилизации ауры. Сама подумай, когда тебе плохо долгое время, ты тоже не образец терпимости и приветливости. Хорошо, если кусаться не начнешь. Как любой живой человек. Единственное, что его может спасти, — это спокойный, эмоционально уравновешенный и идеально сопряженный Мастер, который проведет привязку. Сложно объяснять, много медицинских терминов, но, как только мальчик получит внешний стабилизирующий фактор в виде привязки, он сам успокоится. И даже сильные эмоции перестанут корежить его ауру.

— М-да... То есть понятно, был шанс, что такой найдется среди наших. Но тут вот «упс» — он никому не срезонировал. Да и второй... Он милый, но... При том что куча девчонок теперь мечтает о таком же принце, как у Лизки, ни одна его не почувствовала. Жалко, конечно... только чем еще мы можем помочь? А что с этими чудо-лекарями в призме?

— Чудо-лекари уже не справились. А для нас Умбрайя — союзный клан. Нам не трудно оказать им услугу, тем более если это в перспективе будет нам очень выгодно. Изначально я и не планировала легкий исход, хоть и очень надеялась.

— Понятно... и что станем делать? Мордредра мы только еще больше злим, а Галахад нас боится. В смысле, не боится-боится, но его мы тоже раздражаем. Слишком шумные, слишком непосредственные, и нас много. Тут ведь самый секрет в том, что Лизиному принцу на самом деле это в нас нравится. Ему подходит. А этим двоим — нет.

— Что же, если привычная нам шоковая терапия действия не возымела, используем нестареющую классику.

— Природа, горы, медитации?

— Ну... почти.

Глава 2

Галахад:

— Мне кажется, они просто ржут над нами, — на удивление спокойно выдал Мордред, рассматривая наше новое место дислокации. — Это че за помойка на задворках Фиолетовой спирали?

— Я не наблюдаю здесь... неорганического мусора, — слегка неуверенно возразил я, оглядываясь по сторонам. Вроде все было отлично, прекрасный вид на небольшие горы, верхушки которых покрыты снегом...

— Зато вполне органического говна здесь до ржи и больше! — взрыкнул Мор, в отчаянии бросая сумку с «гостинцами» под добротную деревянную калитку. — Ты, ржа, чувствуешь?! Тут воняет хуже, чем в бабкином зоопарке, когда там неделю не могли восстановить связь с уборочными дроидами!

— Не... преувеличивай. Просто мы близко... к отсеку с... мелким рогатым скотом. — Я через забор посмотрел на небольшое пушистое животное, чей мех при рождении однозначно был белым. Но, видимо, недавно прошел дождь, отчего грязь была даже на небольших роговых образованиях на голове. Или этих животных и вовсе не мыли...

— А, гости? Захады, дарагой, захады! — раздался у нас за спиной голос, и, обернувшись, мы увидели возле калитки еще на вид крепкого, но явно очень старого человека. Жнецы такими старыми не бывают... чтобы совсем седой и с морщинами. — Тебя Гыта прислала, да? Ай, хорошие гости, захады, захады! Сейчас кушать будем, потом на источнык вас провожу! Потом придем, работу дам, как дагаварылись, а потом и на ночь устрою со всеми удобствами!

— Да что... — начал было Мор, закипая, как то самое железное приспособление, в котором местная глава клана дезинфицировала воду, но я вовремя успел заслонить его собой, оттянув за спину, за что получил злой пинок и шипение.

— Благодарим за гостеприимство, господин... — Слегка поклонившись, я вопросительно посмотрел на старика.

— Дэдушка Гурам меня зови, какой я тебе гаспадин, — засмеялся старик, открывая калитку. — Эй! — зычно крикнул он куда-то в

глубину двора. — Эй, Тамрико! Стол накрывай, гости пришли!

— Госпо... старейшина Гурам, приветствую вас. Мое имя Галахад Умб... хм, — не успел я закончить речь, как почувствовал что-то неладное.

— Отстань от меня, грязное животное! Сгинь в бездну, пока я не переломал тебе культяпки! — раздалось позади голосом Мора.

— Э, дарагой, зачѐм так ругаешься, барашек молодой еще, играет с тобой. А ну, кыш, Чугук, нѐ трогай гостя! — на удивление дружелюбно отреагировал на невежливость брата местный хозяин.

— Я ему за такие игры из черепа кружку сделаю, — прошипел Мордред, потирая бедро. Вряд ли местное животное было способно оставить тренированному Оружию хотя бы синяк, но сам факт того, что его пытались сбить с ног это травоядное...

— Э, дарагой, лучше шашлык! — засмеялся старик. — Или шурпу. Идем, идем к столу, дарагой, поешь — сразу пойдешь... А на воды вас свожу, так и вообще настроение исправится, — чем дальше этот дед говорил, проводя нас через двор в просторный каменный дом в два этажа с резной деревянной галереей по периметру, тем меньше в его речи слышался акцент.

Сам дом оказался достаточно уютным и чистым, пусть и маленьким, как прогулочная космическая яхта. Вся мебель из темного дерева была очень старой, но крепкой и какой-то на удивление удобной. Неброские темные цвета узорчатых ковров и циновок создавали неожиданно комфортную атмосферу, а прохлада каменных полов и стен приятно контрастировала с царившей на улице жарой.

Пахло травами, какими-то специями и хорошо прожаренным мясом. От этих запахов мгновенно проснулся аппетит, и богато, хотя совершенно незнакомо накрытый стол доставил искреннюю радость, чего я от себя в принципе не ожидал.

Старый Мастер (а он был именно Мастером, пусть и очень слабым, чья родословная слишком сильно смешалась с аборигенами) на удивление ловко гасил потоком слов и очередными вкусами на тарелке все вспышки агрессии Мордреда. На все его кровавые замечания Гурам отвечал с улыбкой. Такое отношение приводило двоюродного брата в ступор, и на некоторое время он, кажется, даже забывал о причинах своего недовольства. Нет, он все еще дыбил шерсть, как дикий кот, но на старика поглядывал уже не с презрением,

а с удивлением и даже некоторой опаской. Нетипичное поведение этого Иванова заставляло его насторожиться. А его старая спутница-Оружие по имени Тамрико, которую он называл женой, медлительная, плавная и очень красивая, несмотря на седину и морщины, избородившие темное от загара лицо, несомненно, тоже отличалась... от всего, к чему мы привыкли. С одной стороны, она вела себя так, словно родилась и всю жизнь провела в лучшем клане призмы. То есть по отношению к своему Мастеру и мужу была подчеркнуто почтительна и предупредительна, к гостям приветлива и при этом очень молчалива. Слово в слово и пункт в пункт кодекс правильного кланового Оружия. И в то же время она точно была Иванова — я уже научился распознавать некоторые признаки клановой ауры. Потому женщина создавала ощущение натянутой пружины... ну не может Иванова и не «рвануть».

А еще — она была ОРУЖИЕ Иванова. До сего момента я видел только одного жнеца этого рода, не являвшегося Мастером, — спутника главы клана, деда Алелекэ. Этот персонаж, признаться, тоже вводил в ступор с первого взгляда: он не был железным. Вообще. Ни в какой части. Он был целиком костяным, и как такое возможно, я не понимал. И теперь вот старуха... очень странная старуха.

— Э, дарагой, смотрю, все жену мою разглядываешь, что, хороша? — спросил вдруг Гурам, усмехаясь в седые усы. — Еще бы! Самая горячая девка была в Ткварчели, городская, гордая. Чабану с гор не ровня, да, Тамрико? Царица!

— Да уж не баранов пасла, старый ты болтун, — неожиданно отозвалась женщина, но было в ее словах столько доброй какой-то насмешки и любви, что это ничуть не портило образ правильного Оружия. — Заболтал молодых. Вставай, води воду пить, а потом гостям и отдохнуть надо.

— Правильно, жена, сначала пусть пьют воду, а потом можно будет пить вино! Идемте, гости дарагие, покажу вам источник. О нем чужие не знают, только свои. Надо вам сил набираться, завтра работы много будет.

— Я к баранам не подойду, — привычно огрызнулся Мор.

— Не надо, дарагой. Баранов я с утречка на пастбище выгоню, а загон останется... — усмехнулся старик. — После правильной воды

правильное вино, потом правильная еда и правильная работа — через
месяц будешь здоров как бык!

Глава 3

— После этого Мастер Гурам предоставил нам комнату для проживания, — закончил я отчет перед голограммой Мастера Артурии, опуская голову в ожидании дальнейших приказов.

— Сегодня количество остановленных срывов Мордредра пусть и незначительно, но уменьшилось. Значит, в этом есть какой-то смысл, — резюмировала Мастер. — Хорошо, продолжайте в том же духе. Спокойных сно...

— Мастер Артурия! — перебил я дочь главы нашего клана. — За последние сутки я истратил скверны менее чем десять процентов от общего показателя! Позвольте мне принять участие в охоте!

— Зачем? — не поняла женщина, недоуменно осмотрев меня с ног до головы. — Отдыхай, Гал, считай, что ты на каникулах. Да и... все рейды уже на месяц вперед расписаны, а у тебя все еще нет Мастера. Чтобы включить тебя в охоту, придется расформировывать уже сработанные боевые команды. Ты ведь не маленькое оружие, довеском идти не сможешь. Так что сиди спокойно и пей ту воду, про которую глава Ивановых сказала, что она очень полезна Оружиям. Короче, набирайся сил и присматривай за Мором.

— Да, конечно... Доброй охоты, Мастер, — спокойно закончил я разговор и выключил видеосвязь.

Набирайся сил, да? А зачем? Для кого? Если даже в родном клане раз за разом дают понять, что я никому не нужен. Даже на охоте, где постоянно требуются все свободные тренированные Оружия.

Я не лелеял глупых иллюзий. Меня отдали Ивановым для поиска подходящего партнера. Ни в одном другом клане призма не найдется столько свободных молодых Мастеров. Но и тут я с треском провалился. Мало того, что мне просто неуютно среди этих буйных молодых пси... жнецов. Так и они сами, подойдя поближе и присмотревшись, сразу отходят на безопасное расстояние. С таким видом, словно рассчитывали найти полный куб скверны, а им подсунули пустышку в радужной обертке.

Нет, я понимаю, что несколько несправедлив и пристрастен из-за эмоций. Молодые Мастера меня не обижали ни словом, ни делом. Но я

чувствовал, что они теряют ко мне интерес очень быстро. Слишком быстро... и это неприятно. И с каждым разом, с каждым отвернувшимся ледяного стекла в сердце становится все больше.

Единственное, что еще держало на плаву: понимание, что я не один такой. И от этого же становилось еще мерзостней на душе, нашел чему радоваться!

От Мордредра тоже все отказывались, но потому, что он слишком несдержан и груб. Избалованный юнец, который ловко оправдывает свой отвратительный характер болезнью. Его мать и прочие женщины могут сколько угодно причитать про бедного мальчика и психологическую нестабильность, но я-то прекрасно вижу, что когда Мор хочет — он великолепно умеет держать себя в руках. Но обычно он как раз не хочет. Позволяет себе срываться, а когда эмоции начинают зашкаливать — и вовсе бросает вожжи и идет вразнос, наплевав на сохранность своей ауры, лишь бы истерикой добиться своего. Ему более сотни раз объясняли, почему этого делать нельзя. И что? У него нет желания ничего исправлять, ему и так все приносят на радужном мостике.

И вот с этим... вот с этим вот Оружием я теперь сравниваю себя. И даже радуюсь, что Мастера игнорируют нас обоих. Кажется, я проржавел до самой души, теперь уже окончательно.

Наверное, мало мне было тяжелых мыслей о собственной никчемности. Однозначно мало. Я настолько позволил себе распустить, что перестал смотреть даже под ноги, что уж говорить о постоянном сканировании окружения. А ведь Мастер Гурам предупреждал нас, что в этих горах надо быть внимательнее. А лучше и вовсе не уходить одному.

Наверное, это впервые в моей сознательной жизни, когда я настолько наплевательски отнесся к словам Мастера. Но в моем нынешнем состоянии оставаться в компании Мордредра было буквально невыносимо.

Да, я помогал ему в «трудотерапии», прописанной главами кланов, хотя мог бы этого не делать. Мне как раз прописали «отдых». Но я и так едва не рехнулся от непривычной праздности: я всю жизнь тренировался сам, тренировал других и всегда был занят. А тут... Покидать навоз из коровника вилами — это еще можно хоть как-то отнести к упражнениям, пусть и не на физическую форму, но на

выдержку. А процесс выгуливания местного мелкого рогатого скота при наличии рядом специальных пастушьих животных... Еще немного — и я бы порос мхом на том лугу.

Физической работы на самом деле было мало. Хозяева прекрасно сами справлялись. Мордред «припахали», как он выразился, только для того, чтобы он сливал свою злость не на головы людей вокруг, а на тот же навоз. В основном его тоже «минеральной» водой отпаивали, и на него она хорошо действовала. Я даже со стороны видел, как меняется его структура.

И тем не менее на язык он остался все так же резок. Потому, несмотря на все мои попытки хотя бы установить нейтралитет, ненавидел всеми фибрами души. Так что, получив уже привычную порцию словесных помоев на голову, я опять ушел гулять в одиночестве. Позволил тяжелым мыслям заслонить действительность и в результате свалился в овраг, как последний глупый и неуклюжий теленок. Позорище! Галахад, Меч клана Умбрайя, побежден земляной насыпью.

Кажется, еще и умудрился сломать ребро. Ударился головой, расшиб лоб. Мелочь, за серьезную рану даже считать смешно. Пара кубов скверны — и даже царапины на лезвии не останется. Я уже молчу о ссадинах и порванной одежде. Но неприятно.

— Дяденька, вы там живой?

Пока я лежал на дне оврага и мрачно размышлял, вылезать из него или, ржа все побери, тут и остаться до полного разложения, сверху зашуршало, посыпались мелкие камушки и еще какой-то мусор. А потом тоненький детский голосок испуганно проблеял:

— Дяденька, отзовитесь! Может, вам людей позвать? Я сейчас!

— Рбяф! — не успел я крикнуть, что никого звать не надо (еще этого не хватало), как сверху зашуршало еще громче, на голову мне начали падать камни покрупнее вместе с пучками травы, а потом раздался испуганный визг и в овраг кубарем скатился мохнатый скулящий шар.

— Ой! Кабато! Дяденька, я сейчас! Кабато!

Так. Если мне на голову сейчас спланирует еще и этот ребенок, фиаско будет полным и сокрушительным, ржа меня побери.

— Стой где стоишь! — слегка откашлявшись, скомандовал я детенышу аборигенов. — Не надо на меня падать.

— Дяденька, там у вас Кабато... Вы как? Вы живой? Кабато живой?

— Я живой. И если ты перестанешь кричать и кидать сверху булыжники, скоро буду еще и здоровый. — Тяжело вздохнув от прострелившей грудь боли, я постарался сесть и осмотреться. — Твой мохнатый шар тоже хорошо себя чувствует, оттоптал мне всю грудь, обнаглевшее... животное. — Не благородное это дело — вымещать свою злость на ребенке местного населения, но я ничего не смог с собой поделать.

— Дяденька, я вам веревку скину! Только вытащите, пожалуйста, Кабато! Он еще маленький, сам не вылезет!

— Я вижу. — При ближайшем рассмотрении визгливый мохнатый шар оказался тоже детенышем существа, называемого здесь «собака». Очень крупным и пушистым детенышем и, надо признать, довольно спокойным для этого вида. После того как он верещал во время падения, зверь очень быстро адаптировался и с интересом обнюхивал меня, не проявляя признаков страха или агрессии. — Вербка не нужна. Сейчас я сам поднимусь к тебе наверх и отдам зверя.

— Дяденька, вам точно помощь не нужна? У вас кровь... — все еще не унимался ребенок.

Интересно. Значит, он меня видит, а я только слышу голос. А, нет, вон силуэт чьей-то растрепанной головы на фоне неба. Но против солнца не разобрать, кто это — девочка или мальчик.

Я несколько раз вдохнул и выдохнул, нормализуя циркуляцию скверны, и поморщился — кровь из рассеченного лба заливала правый глаз, ребро остро кололо в боку. С чего я так расслабился? Раньше я не допустил бы подобного промаха и не обратил бы внимания на столь пустяковые ранения. А сейчас отчего-то больно, обидно и неприятно.

Но выбраться из оврага это мне не помешало. Даже с тем самым щенком — Кабато — под мышкой. Зверь вел себя весьма индифферентно, висел, где повесили, и не дергался.

А вот наверху меня поджидал настоящий сюрприз.

Глава 4

— Ты старше, чем казалась, — только и смог сказать я, осматривая нежданную... как обнаружилось, «спасительницу» одним глазом. Второй уже окончательно залило кровью из рассеченной брови.

— Ох, дяденька, вы головой стукнулись, — выхватывая у меня из рук свой меховой шар, пискнула девушка. И тут же смутилась, покраснела и глянула снизу вверх виноватыми глазами. — Пойдемте, дяденька... вы идти-то можете?

— Куда пойдем? — не понял я, но сопротивляться не стал. Никакой угрозы от аборигенки я не чувствовал, лишь излишнее беспокойство и пока непонятный мне страх. Мастер Гурам уже рассказывал мне про ближайшее поселение горного народа, но я практически не слушал — зачем мне информация об обычаях местных жителей этого маленького мирка на Желтой спирали? Одно дело, если б здесь, среди Ивановых, я нашел своего Мастера, а так...

— Да тут рядышком, — зачастила девчонка. Точнее, юная женщина. Я уже немного привык пересчитывать видимый возраст на местный счет — лет восемнадцать-девятнадцать ей, не больше. Совсем молодая, худенькая, глазастая, с темной косой на плече. Еще угловатая, и движения такие — резкие, порывистые. Хотя, возможно, вся ее угловатость просто из-за недоедания. — Идемте, рану промыть надо. Ой, вы и ногу зашибли, и бок... Может, тут полежите, я людей... позову? — последнее предложение отчего-то прозвучало тихо и неуверенно.

— Не надо людей. Я в состоянии передвигаться сам. — От одной нее шума уже было достаточно. Да и после Ивановых на толпы я реагирую... отрицательно, и это мягко говоря.

— Ладно, я все равно вам лоб заклею, и чачей промыть надо, чтоб зараза не попала, — решила девушка. Своего пушистого друга она опустила на траву, и тот моментально ускакал куда-то в кусты. — Идемте... Только лучше бы вас никто в деревне не видел. Вы турист, да? У вас есть телефон, вы сможете позвонить своим друзьям или родственникам?

— Не тараторь. — Я поморщился, потому что ее звонкий голос отдавался в висках стуком маленьких молоточков по наковальням. — Мне вообще не нужна...

Но досказать я не успел, потому что из-за густой зелени вынырнула глинобитная стена какого-то сарая и мне пришлось, пригнувшись, шагнуть в пахнущую сеном и немного навозом темноту.

Через пару секунд глаза привыкли к отсутствию яркого света, и я огляделся. Хм. Насколько я помню материалы по этой планете и этому региону, тут не темные века. Относительно цивилизованная местность, второй демографический переход в общественных отношениях. Так почему эта девушка живет в хлеву?

А она тут именно живет: в одной стороне глинобитного сарая за загородкой жуют траву мелкие рогатые копытные — называются «козы». А в другой стороне — чисто выметенный земляной пол, какой-то топчан, аккуратно застеленный ярким дешевым пледом, непокрытый деревянный стол и одна трехногая табуретка. Какие-то картинки, явно из местных журналов, пришпиленные к стене у изголовья, букетик луговых цветов в консервной банке на столе... Странное впечатление убогости и одновременно с этим — уюта.

На тот самый топчан меня и усадили. Предлагали лечь, но я отказался. А девчонка засуетилась, сбегала куда-то во двор, притащила местные примитивные средства дезинфекции и фиксации ран. И не скажешь же ей, что все «раны» пропадут в течение часа, а если запить скверной, то и вовсе мгновенно. Аборигены просто не поймут и посчитают ложью. Ну или чудом. Вряд ли Мастер Гурам обрадуется, если меня причислят к местным богам... или демонам, что вероятнее.

Зачем я вообще пошел с ней? Ну... сложно сказать. Она так искренне беспокоилась, а мне было все равно. К тому же не хотелось, чтобы девица подняла крик и привлекла еще больше внимания аборигенов.

Тоже ничего страшного, но утомительно, досадно и действует на нервы. В конце концов, пусть почувствует себя спасительницей, мне же по-любому нечем заняться. А так хоть какое-то отвлечение от «отдыха».

— Дяденька, давайте ближе к окошку. — Девчонка похлопала ладонью по трехногой табуретке. — Я сейчас кровь смою... Вот так.

Ой, бровь совсем рассекли... а шов я не умею. Вы, когда в город приедете, к врачу ведь сходите, да?

— Обязательно, — не стал я спорить с девушкой.

И поморщился, потому что, неудачно повернувшись, опять ощутил боль в сломанном ребре.

— Рубашку надо бы снять, тугую повязку сделать. — Почему-то моя спасительница так отчаянно покраснела, что стала напоминать местный овощ «помидор». Она вообще, когда смыла кровь с моего лица, стала вести себя странно — застыла на пару секунд, а потом стала прикасаться ко мне втрое осторожнее, словно боялась разбить фарфоровую статуэтку.

— Надо так надо. — Я чуть было не пожал плечами, но вовремя вспомнил, что лучше этого не делать.

— Ах ты, шлюха! — заорал кто-то, и вход в сарай со двора перегородила здоровенная тень.

— А... я... — внезапно задрожала девушка, со страхом уставившись на огромного пузатого увальня с полуседой щетиной на лице.

— Я так и знал, что ты в сарай мужиков водишь, потаскуха! — ревел абориген раненым громомондом, по всей округе наверняка слышно было. — Приютили на свою голову! Нет бы в благодарность по дому помогла нормально, она непотребством всяким занимается! Ты кто такой?! — это уже мне. — Ты кто такой, наших девушек портить?! А ну, иди сюда, шлюха, я тебе покажу, как приличный дом позорить! — без всякого перехода, снова девушке.

Наверное, если бы этот бурдюк с жиром просто орал, я бы пожал плечами, отвел девушку подальше, пока ее родственник немного успокоится. Затем сказал бы пару слов объяснений, благо причина, как говорится, «на лицо», поблагодарил спасительницу, даже оставил бы им денег, а потом спокойно ушел по своим делам.

Но этот абориген сделал непростительную вещь: с неожиданным для такой горы сала проворством подскочил к девушке и отвесил ей такую затрещину, что она с криком отлетела к стене, на свой топчан.

Дальше я действовал рефлексивно, и мерзавец отправился в полет к другой стене раньше, чем понял, как и куда я его ударил. Но его это не уговонило, потому что бурдюк взвыл еще громче и ринулся из сарая, явно призывая кого-то на помощь. Ржа! Вот только скандала с

местным низкоуровневым народцем мне и не хватало для полного счастья.

А в довершение поганой ситуации ему под ноги попался меховой шар, который явно услышал крик своей хозяйки и неся на помощь со всех своих четырех коротеньких лап. И поскольку бурдюк явно не решался сорвать злость на мне или той, кого я защитил...

— Пшел вон, скотина! — с этими словами здоровый мужик сначала пнул детеныша так, что тот отлетел с коротким визгом, а потом, взъярясь, вдруг схватил стоявшие рядом с дверью вилы и...

Глава 5

В сарае раздался душераздирающий визг и отчаянный крик девушки-аборигенки:

— Кабато!!!

Она буквально бросилась под ноги мужчине и, если бы я не успел вовремя перехватить ее поперек талии, сама бы напоролась на вилы.

— Пусти! Кабато! — Рыдающая девчонка всеми силами пыталась вырваться, но для меня ее трепыхания не значили ровным счетом ничего. А еще... держа ее так близко к себе, я почувствовал... что-то неуловимо родственное, непонятное, но в то же время такое знакомое. Странно.

— Вот и катись к своему кобелю, шлюха! Чтоб в деревне я тебя больше не видел! И собачью шкуру с собой забери как приданое, а то скоро завоняет! — с этими словами жирный хряк еще раз пнул уже истекающее кровью тельце зверька, бросил вилы в сторону, плюнул мне под ноги и ушел.

Девчонка с плачем вырвалась-таки из моих рук и подхватила раненое животное, пачкаясь в его крови и что-то невнятно причитая. А я буквально замер, неверящими глазами глядя на то, как она неумело и, кажется, неосознанно пытается перенаправить тоненький поток скверны в тело зверя. Не то чтобы это было хоть сколько-то эффективно... зверь был обычным зверем, а не Оружием, восприимчивым к энергии.

Но сам факт! Эта девушка... Мастер?!

— Не плачь, это не поможет. — Ее пришлось поднимать с пола, вместе с уже умирающим меховым шаром, она никак не хотела его отпускать. Стоило прикоснуться, и меня опять накрыло странным чувством, а еще по нервам резанула такая боль, что я аж покачнулся. Не моя боль... но я ее почувствовал. Это ведь должно что-то значить?

На самом деле только то, что дикий, слабый и необученный Мастер в этот момент буквально разрывал сам себе душу, теряя единственное живое существо, которое его любило. И неосознанно кричал от боли на всю призму...

— Ржа. Подожди, не... не плачь так! — Я постарался отгородиться от буквально сносящей с ног волны отчаяния и даже встряхнул девушку за плечи, отбирая полутруп зверька. — Еще есть шанс! Надо только отнести Кабата к одним моим... знакомым. — Я прекрасно видел, что зверьку уже не выжить. Но сказать об этом убитой горем абори... нет, Мастеру было выше моих сил.

— К врачу, да? — Даже удивительно, как быстро эта девчонка взяла себя в руки. Вот буквально только что фонила ужасом и болью на всю галактику и вдруг резко сама себя скрутила узлом, заставив успокоиться. Только в глазах безумная надежда и руки еще трясутся. — Пойдем быстрее, пожалуйста!

Я тут же пожалел, что дал ей надежду. Вилы проткнули какой-то жизненно важный орган, и даже лучшие лекари тут вряд ли помогут. Проявил слабость, только бы она замолчала и успокоилась... а теперь отступать поздно.

— Да, идем. — Одной рукой я перехватил поудобнее тельце животного, другой обнял девушку за плечи и решительно зашагал через большой двор, как оказалось, довольно опрятного крестьянского хозяйства. Не обращая внимания на родственников борова, уже столпившихся на крыльце и осыпавших нас непотребной бранью.

Много чести обращать внимание на тараканов. Что удивительно, девчонка тоже никак на них не реагировала, словно не слышала, а ведь самую грязную ржу лили именно на ее голову. И кажется, окончательно выгнали из дома. Надеюсь, она не слишком расстроится... ведь, если она действительно Мастер, пусть и слабый, ей всегда найдется место на призме. Даже если она не присоединится к какому-то клану, в той же Академии есть льготные места... Да в конце концов! Ивановы же есть. Если что, я денег дам, у меня на счету достаточно...

Я даже удивился, что меховой шар не умер, пока мы шли до дома Мастера Гурама — а он находился довольно далеко от селения, в которое притащила меня судьба в лице этого недоразумения. Могу ошибаться, но, кажется, неумелые манипуляции со скверной все же как-то замедлили процесс. Но по-настоящему помочь, конечно, не могли. И кажется, юная Мастер это тоже понимала, но упорно цеплялась за призрачный шанс.

— Э, дарагой, — печально сказал Мастер Гурам, только увидев нас на пороге. — Жалко щенка... но тут уже только чудо поможет.

Они с женой ни о чем не спросили даже. Не поинтересовались, как зовут странную девушку или где я ее взял, даже о том, откуда мы притащили почти мертвого этого... щенка. Только сочувственно качали головами и цокали языками, пытаюсь утешить мою нечаянную находку.

А я сжал зубы и резко выдохнул:

— Мастер, прошу, откройте портал к главе клана. Там много специалистов. Может быть, они... — вслух я не договорил, а вот в ментале целенаправленно и четко транслировал: «Животное уже не спасти, но девушка — Мастер. Возможно ли оказать помощь юному Мастеру? Там ее успокоят и не дадут разорвать душу».

Мастер Гурам понимающе опустил веки, соглашаясь с моей просьбой. И протянул руку жене, явно зачерпнув скверны из ее резерва, а потом выверенным, отточенным жестом активировал портал. Поскольку зареванная и снова начавшая впадать в отчаяние девчонка уже почти ничего не видела от слез, да и большой крытый двор тонул в вечерней полутьме, она даже не сопротивлялась, когда я потянул ее за собой, и шагнула в другую точку пространства, не заметив этого.

— Э, куда?! — еще успел я услышать возмущенный голос Мордредра. — А я?! Вы совсем оржавели, бросать меня тут одного?!

— Не спеши, дарагой, нам некуда больше спешить. — Прежде чем портал закрылся, я еще успел услышать журчащие нотки в голосе Мастера Гурама. — Пойдем, дарагой, пхали кушать будем...

— Какое, на ржу, пха...

На этом возмущенном выкрике Мора пространство схлопнулось, а нас с моей находкой встретила почти морозная свежесть и удивленный возглас:

— Ну ничего себе! Ба-а-а! Смотри, кто пришел! И не один! А что это тут у вас... Ой! БАБУШКА-А-А!

— Не шумите... — попытался немного усмирить детей я, чувствуя, как затряслась в моих руках девушка. — Вы пугаете. И надо скве... Дайте ей Мурку погладить. Успокоиться.

Один из детей, одетый в меховую безрукавку с капюшоном, натянутым чуть ли не на самый нос, отчего было не определить,

мальчик оно или девочка, сверкая подошвами меховых же сапожек, кинулся в соседний чум. Двое других прыснули в разные стороны с такой скоростью, что я не успел даже заметить, куда они пропали.

Первый между тем вернулся, волоча зажатую поперек пуза толстую флегматичную кошку с белой в рыжие пятна шерстью, и сунул ее моей находке. Та машинально перехватила... и изумленно вскрикнула, почувствовав поток скверны, щедро передаваемой в нее сэвеном.

— Что у вас тут? Галахад? — Сама глава клана появилась словно из воздуха, быстро оценила обстановку и скорбно поджала губы. Я вздрогнул.

Пока мы ждали, щенок в моих руках умер...

Глава 6

Галахад:

— Ай, нехорошо, однако, — сказала глава клана, глядя на мертвую зверушку в моих руках. А я впервые в жизни настолько растерялся, что стоял столбом, не в силах пошевелиться. И все потому, что за мой локоть цеплялась эта маленькая аборигенка... Точнее, дикий Мастер. Существо того разряда, с каким мне никогда не приходилось сталкиваться. Слабая, неприспособленная, уязвимая и настолько хрупкая, что я отчетливо понял: если она сейчас поймет, что ее Кабатто все же умер... Пока только отчаянная надежда мешает ей ощутить это.

— Леди Гиттиннэвыт... — Я поднял глаза на главу местного клана и постарался вложить в мысленный образ все, что в этот момент чувствовал. Совершенно против правил клана Умбрайя, против моих собственных принципов — никогда не открываться настолько полно. И по возможности не вступать в ментальный диалог с чужими Мастерами, пока ты сам непривязанное Оружие. Ибо чревато. Но я сегодня уже один раз нарушил этот зарок.

«Леди... если... вы даже дерево превращаете в любого зверя... то возможно ли сделать носитель похожим на этого детеныша? Ей все равно нужна подпитка».

Проговорил в ментале и сам понял, какую глупость сказал. Аборигенка, несмотря на свою слабость и необученность, все же Мастер. Рано или поздно она увидит разницу и поймет, что ей подсунули фальшивку. И сомневаюсь, что ее утешит замена, даже если дать ей другого живого компаньона...

«Или, может, прямо из зверька?» — мысль выскочила сама. Я же в этот момент смотрел на тельце в своих руках и ляпнул не подумав.

Печально прищуренные веки вдруг широко открылись — женщина поняла, о чем я говорю, и очень удивилась.

«Так никогда не делали. Думаю, это невозможно».

У меня внутри все оборвалось.

— Но... Эй, дед! Иди сюда! Иди быстро, дело есть! А ты, «идеальное Оружие дружественного клана», позаботься о своем

Мастере. Уведи ее в тот чум, Карина принесет жир и чай на травах.

— О моем Мастере?! — Я аж икнул.

— Ну а о чьем же еще? Сам нашел, сам привел. Давай, иди.

— Кабато! — словно очнувшись от слез, дернулась маленькая аборигенка. — Кабато!

— Оставь, пусть о нем позаботятся лека... знающие люди. От того, что ты за него хватаешься, лучше ему не станет, — получилось немного грубо, но почему-то эта взъерошенная девчонка просто не воспринималась мной как полноценный Мастер. Скорее как ребенок. А с детьми я всегда... не знал, что делать. Да еще и эти слова про моего Мастера. Вот это вот? Шутите? Она ж меня даже в руках не удержит, даже если я облегчу свой вес до космической пыли! Ее уже только от длины лезвия будет укачивать! Нет, это точно не мой Мастер.

Вот только, когда леди Гиттиннэвыт забрала щенка, чтобы унести в чум к своему подоспевшему мужу, моя нечаянная находка вдруг всхлипнула и осела на землю без сознания. Я едва успел подхватить. И остался стоять посреди тундры в окружении островерхих шатров, как дурак, со «спящей красавицей» на руках.

— Сюда неси, — позвала вдруг меня одна из мелких девчонок, я их даже в лицо не научился различать, все одинаковые, и ауры похожие. — На шкуру положи. Ты чего, специально ее голодом морил, что ли?

— Мы встретились около полутора часов назад, — нахмурился я на такое безрассудное предположение от невоспитанного ребенка. — Поэтому я...

— Ай, да ладно, бабушке будешь рассказывать, — отмахнулась от меня нахалка. — У нее, кажись, голодный обморок, прикинь? Я такого у живого человека еще никогда в жизни не видела... Не знаю, откуда ты ее вытащил, но обратно туда отдавать не надо. Щас я жир пришлю, а еще ей нужен бульон. Сможешь накормить?

— А куда ее тогда отдавать? — под нос пробормотал я, но на вопрос ребенка кивнул.

— Ну, если тебе совсем... — противная девчо... в смысле, юная Мастер выделила интонацией последнее слово, причем так многозначительно, что мне вдруг стало не по себе, — совсем не нужна — мы заберем. Чай, на стойбище никто еще с голоду не помер.

— А у нее спросить не хотите? — внезапно разозлился я, вспомнив, как одна из Ивановых буквально украла моего двоюродного брата. — Прежде чем делить.

На меня посмотрели как на дурака.

— Естественно. — Моя собеседница пожала плечами, поймала поперек пуза сунувшегося в шатер зверька-накопитель и положила его прямо на грудь все еще бессознательной аборигенки. — Мы ж не дикие с призмы. Держи ложку, сейчас будет бульон.

— Я б поспорил, — в сторону вздохнул я, сам не ожидая от себя такой эмоциональности. Кажется, события дня совсем вывели меня из равновесия. Но ложку взял.

— Хи, — неизвестно чему обрадовалась девчонка. — А ты ничего. Не такой мороженный, как со стороны выглядишь. Даже язвить умеешь. Слушай, если все ж не нравится эта девочка, давай я тебя привяжу, а?

— Наглости тебе не занимать, ребенок, — отмахнулся я от девчушки, понимая, что та явно язвит. — Спасибо за предложение, но нет.

— Так и знала, — опять обрадовалось это чу... чудовищ... чудо. — Потому что рыцарю в сверкающих доспехах нужна настоящая нежная принцесса. — Она показала мне язык и резко сменила интонацию: — Во, бульо-о-ончик, красота.

Так она отреагировала на сунувшегося в шатер мальчишку с миской в руках. Забрала посудину у гонца, передала мне и встала.

— Корми, я пойду чаек заварю. От нервов. Она у тебя и правда нежная. Надо поберечь.

— Да почему у меня-то?! — это я уже пустоту спросил. — И как кормить ребенка практически без сознания? — задал я уже более рациональный вопрос, уставившись в дымящуюся миску с варевом. Мне кажется или в нем плавают чей-то глаз?

Тем не менее раз согласился — делать нечего. Пришлось сесть на шкуры, устроив расслабленное тело аборигенки так, чтобы она опиралась на мои колени как на спинку кресла. Дальше пошло легче, потому что запах наваристого мясного (или рыбного? Не понять) бульона подействовал словно магическое зелье. Девушка сначала попыталась открыть рот и только потом глаза.

Оказалось, кормление кого-то с ложки — занятие достаточно медитативное. Сам не понял, как бульон в миске кончился. Зато аборигенка порозовела и стала выглядеть живым жнецом, а не привидением цвирчачьего заморыша. Разве что после еды она опять попыталась уплыть в страну грез, на этот раз сонных. Пристроилась ко мне на плечо и тихонько засопела.

— Ты настоящий, да? — Оттого что я видел, как она заснула, этот вопрос прозвучал особенно неожиданно. Как и продолжение: — Я думала, тебя не бывает... только мечтала. Что ты придешь за мной... И ты пришел. Жалко, что это только во сне...

Глава 7

Я озадаченно вздохнул и попробовал устроить девушку поудобнее на расстеленных шкурах и подушках. Думал, не проснется. Но ошибся.

Стоило попытаться выпустить ее из рук и отползти, как она тревожно вздохнула, вся как-то сжалась и подняла ресницы.

Я в этот момент с любопытством склонился над ней, и так вышло, что замер, глядя ей в глаза, на расстоянии не более двадцати сантиметров.

Чего я меньше всего ожидал, так это робкой улыбки и такого... Раньше мне вообще казалось, что эта маленькая аборигенка даже более чем невзрачная. Ну ребенок и ребенок, тощий, хилый, с острыми скулами и подбородком. Аборигены вообще в большинстве своем достаточно посредственны и имеют множество дефектов из-за сильного влияния внешней среды и образа жизни. Потому я и не приглядывался особо — с какой стати? Какое значение имеет ее внешность, если она просто смертная, мотылек-однодневка?

А сейчас я замер, чувствуя... а ржа знает, что я чувствовал. Просто от этой улыбки большие детские глаза буквально засветились изнутри, а обычное личико на мгновение стало таким пронзительно-беззащитно красивым, что у меня перехватило дыхание.

Мое замешательство длилось всего несколько секунд, а потом я мотнул головой, сбрасывая очарование. Ох, ни ржи себе... что это было? Может, это напиток скверной так подействовала? Или после того как я узнал о ее принадлежности к нашей расе, изменилось мое восприятие?

— Ты мне не приснился? — Девушка тоже заметно пришла в себя, попыталась сесть и начала оглядываться по сторонам. — Что... где мы? — И снова посмотрела на меня... Ржа, да что она творит?!

С какой стати такое... такое... с какой стати она смотрит на меня как незрелая Скрепка на главу клана?! В смысле — с таким открытым доверием и даже восторгом...

— Это резиденция одного... одной очень большой семьи. Раньше, перед тем как упасть в овраг, я жил у их родственника рядом с вашим

поселением. То есть деревней, — поправил себя я. Не похоже, что раньше она получала должное образование, потому нужно говорить проще.

— Ты забрал меня и привел к своим родственникам?.. — Тут, кажется, память к ней полностью вернулась, и она взвилась с расстеленной шкуры. Попыталась взвиться.

— Кабато?!

Я едва успел поймать это недоразумение, чтобы она не упала и не ушиблась. Хотя, если подумать, мог бы и не ловить — тут все вокруг мягкое. Но... руки сами подхватили хрупкое тельце раньше, чем мозги осознали эту реальность.

— Тише, тише, — стиснул я девчонку в объятиях. — Детеныша собаки мы отдали цели... врачам всего несколько минут назад, — приукрасил я действительность. — Думаю, сегодня ты его не увидишь. Не стоит мешать лечению, лучше прийти в себя,

за это время привести себя в порядок. Своим физическим и моральным истощением ты не сделаешь лучше ни себе, ни ему.

— Точно? Увижу? — неуверенно спросила она. В ее глазах можно было отчетливо прочитать колебания: вроде как не верить мне она не могла, да и надеялась на лучшее... С другой стороны, раны у зверька были слишком тяжелые. А еще она, кажется, просто не привыкла верить в хорошее.

— Точно. Увидишь, — уверенно кивнул я.

Возможно, не самого щенка, а просто похожий на него сэвен. Но поймешь ты это уже тогда, когда меня здесь не будет, а тревоги на сердце растворятся от новых впечатлений и ощущений.

И стоило мне об этом подумать, самоуспокоиться, как эта, ржа ее... юная Мастер нанесла по моей уверенности удар такой силы, что я окончательно потерял ориентацию как в пространстве, так и в реальности.

— Спасибо, — сказала она и снова улыбнулась, глядя мне прямо в лицо. Слишком... доверчиво. А еще тот самый свет в серо-лиловых глубинах под длинными ресницами. Я наконец понял — это было что-то такое из детства. Когда издали глядишь на окно в родном доме и знаешь, что тебя там ждут и любят. Зачем она смотрит на меня так? Чтобы совесть замучила?

Я встряхнул головой, мысленно выговаривая себе: ты — превосходное Оружие, выросшее в великом клане. Не смей поддаваться на древнюю уловку, созданную самой природой. Детеныши большинства видов по всей спирали всегда стараются казаться максимально милыми и безобидными, чтобы возможные противники оставили их в живых или и вовсе взяли под свое крыло. А я ведусь, как последний ребенок! Точнее, это она ведет себя как ребенок. Хотя на самом деле вроде как им не является.

— Ржа... в смысле, давай ты отдохнешь? — Таким идиотом я давно себя не чувствовал и не думал, что способен нести явную чушь, лишь бы не молчать.

— Давай, — покладисто кивнула абориген... юная Мастер. Да, надо просто повторять себе, что она именно Мастер. Тогда мое растекание покорной лужей не кажется таким уж противоестественным.

Мастер еще раз улыбнулась, а потом взяла и... устроилась на шкурах, положив голову мне на колени. Свернулась клубочком, как домашний котенок, и почти сразу тихо засопела.

А меня снова прошло противоречивыми чувствами: с одной стороны, я оржавел, поняв, что меня только что напрочь лишили свободы передвижения и возможности просто сбежать от непонятной проблемы. А с другой — я едва не взвыл от прилива щемящей нежности и желания защитить это существо от всего на свете.

Это что, вашу ржу, такое?! Она не домашний питомец, чтоб ей умиляться. Она — пусть и будущий, но Мастер, который обязан сражаться с тварями скверны, владеть Оружием и...

— Ну так и ты не просто Оружие, ты еще и мужчина, — сказал вдруг женский голос у меня за спиной, и я дернулся: хотел резко обернуться, но в последнее мгновение замер, боясь разбудить уснувшую девушку. Да и голос опознал: леди Гиттиннэвыт пожаловала. — А она очень... женщина. Поэтому твоя реакция совершенно нормальна. А учитывая высокую совместимость...

— Разделения обязанностей по полу — это атавизм аборигенов из отсталых миров, — процитировал я учебник. А потом замер, осознав, что сейчас сказала глава клана. Совместимость?! Прародители, нет! Только этого мне не хватало!

— Совершенно с тобой согласна, — хмыкнула леди, проходя в шатер и усаживаясь на шкуры. — Ну тогда скажем так. Ты у нас взрослое обученное двухсотлетнее Оружие, а она пока просто очень маленький Мастер, который ничего не знает, и ей нет даже двадцати. Научится. Точнее, ты и научишь.

Почему-то от улыбки главы местного клана мне захотелось передернуть плечами.

— Кстати, ваш меховой клубок очнулся, — тем временем продолжила она. — Это был интересный опыт: он умер, но не до конца, а потом ожил, но перестал быть просто собакой. Думаю, будет весьма интересно понаблюдать за его развитием в дальнейшем. В качестве оплаты я прошу тебя регулярно информировать нас с дедом о том, как идет его... м-м-м... взросление.

— Меня?! — Я все еще пытался осознать ситуацию. С какой стати «платить» за чужое имущество теперь должен я? Я Оружие! Я не могу «взять» ребенка-Мастера себе! Да и как? Куда? У меня нет ничего своего, я и сам — собственность клана.

— Конечно. Это ведь теперь твоя собака. И твой Мастер.

— Да с чего вы так решили?! — Размышления местных загоняли меня в тупик. Да, я увел ее из того ужасного места, но это ведь не значит, что...

— Я? Ни с чего. Это ты сам так решил.

Глава 8

Галахад:

— Как тебя зовут? — первым делом спросил я юную абориге... Мастера, когда она проснулась. — Мое имя Галахад Умбрайя.

— Алико... Джвария, — тихо ответила девушка, начиная снова испуганно и недоуменно оглядываться по сторонам. Кажется, она опять решила, что все произошедшее ей приснилось. Потом вскинулась, но прежде, чем успела задать вопрос, я просто развернул ее лицом в сторону одной из шкур, на которой мирно дрых толстый меховой холмик. Это было намного лучше, чем сотни слов.

Алико тихо вскрикнула и с места рванула обнимать щенка. Животное, тоже проснувшись, радостно взвизгнуло и принялось лизать лицо хозяйки... одновременно с этим щедро делясь с ней скверной.

Девушка, надо отдать ей должное, оказалась догадлива. Или просто достаточно внимательна к деталям. Во всяком случае сразу заметила странность: ощупала щенка и слегка нахмурилась, не обнаружив повязок. Вообще никаких ран не обнаружив под густой шерстью. Тц, может, надо было навесить бутафорию? Да нет, чем быстрее ей все объяснят, тем лучше. Жаль только, что, скорее всего, объяснять придется мне. А я... не лучший рассказчик. Прочитать учебник или лекции наставников разве что смогу, но вот от моих попыток рассказывать более-менее интересные сказки уши вяли даже у маленьких клановых Оружий.

Тем временем девушка быстро успокоила визгливого детеныша, что-то тихо скомандовав тому едва ли не на ухо, уложила обратно на пол рядом с собой и обернулась ко мне.

— Кто вы? Я очень благодарна за спасение Кабато. Чем я могу расплатиться за вашу помощь? — спросила она и, кажется, даже сама удивилась своему произношению. Глупый акцент аборигенов пропал, и сейчас у девушки не было проблем с общением и выражением своих эмоций.

Слова Мастера, несмотря на ее нежный для призмы возраст, прозвучали совершенно взросло. Да и взгляд быстро сменился с

восторженного и недоуменного на серьезный, пусть и слегка виноватый. Когда она смотрела на меня с таким сосредоточенным выражением лица, она уже не казалась нелепой. Но желание защитить ее от всего на свете почему-то меньше не стало... Что за ржа?

— Я уже расплатился, — слегка раздраженно выдал я, злясь на выверты собственного организма и наглость клана Ивановых. Обнаглевшие потомки иномирной сущности навесили этот долг на меня, еще и заверив, что, видите ли, я сам так захотел. — Точнее, этот момент улажен. Теперь ответь...те мне на несколько вопросов, пожалуйста.

Девушка сосредоточенно кивнула. Я буквально кожей чувствовал, как она подобралась, словно... нет, не в ожидании атаки. Воинственности в этом хрупком существе ни на куб.

— Тот мужчина, что напал на твою собаку, кто он?

— Двоюродный дядя невестки мужа тети Тамуны, — тут же с готовностью ответила Алико и посмотрела на меня так, словно я должен был все понять из этой короткой фразы. Я честно попытался представить его положение в их семейном древе, но даже с моим клановым воспитанием и интуитивным пониманием таких терминов, как «невестка», я не смог осознать его статус.

— Кхм. Понятно. Для краткости — родственник, — решил упростить я.

Она опять кивнула.

— Почему он так... агрессивно себя вел по отношению к тебе и твоей собаке? — Ржа, дурацкая формулировка, но другой я сейчас не нашел. Тут, конечно, больше бы подошло «неадекватно», но кто знает этих аборигенов? У всех свои критерии этой самой адекватности.

Она подняла глаза и посмотрела так, что у меня внутри что-то перевернулось и заныло.

— Потому что я приживалка и бездельница, — будто бы цитируя заученные из учебника фразы, ответила она. — Все мои другие родственники уехали или умерли, а дядя Левон взял меня к себе в дом из милости. А я неблагодарная, больше ем, чем работаю, занимаю чужое место. Да еще и ценного щенка испортила, слишком добрый теперь, тоже зря кормили.

Я едва не подавился воздухом. Ржа... все так просто и в какой-то мере даже знакомо по тысячам вычитанных в сети или рассказанных

историй. И так... отвратительно в своей обыденности.

Хлеб она зря ест. Чужое место занимает — в хлеву, когда остальная семья доброго дяди живет во вполне приличном доме. Бездельница...

Я не выдержал и взял ее руку, развернув ладонью вверх. Так и думал. Сейчас чистая и с коротко остриженными ногтями, но... тонкие пальцы в старых ссадинах и затвердевших мозолях от тяжелой монотонной работы.

Я эту крестьянскую страду только за компанию с Мордредом и ради развлечения чуть-чуть попробовал. Я, тренированное Оружие, чье тело в десятки, если не сотни раз превосходит местных аборигенов, и то моментально стер руки. Да, залечил скверной тоже почти сразу... но теперь узнаю эти отметины с первого взгляда.

— Ты хочешь туда вернуться? — сухо, чтобы не дать эмоциям отразиться в голосе.

Девушка взглянула на меня испуганным диким зверьком, а потом молча замотала головой.

— Меня... меня не примут обратно, — тихо ответила она, перебирая в руках подол нового платья, в которое переодели ее женщины Ивановых. — Но если даже примут... долго не проживу.

— Кхм?! — удивился я.

— Я себя опозорила, была с раздетым чужим мужчиной наедине, — пояснила она мне, все так же... даже не знаю, ржа, как это назвать. — Если я вернусь в дом дяди, многие мужчины в деревне решат, что раз я... раз уже потеряла честь с вами... то и им не должна отказать. Они не будут меня слушать, только разозлятся, что строю из себя. И станет еще хуже.

— Что ты со мной потеряла?! — Нет, ну не может все быть так... глупо! Как в пародии на дурацкую сказку про злодеев-родственников и бедную сироту-Скрепочку. Или может?! Да и честь тут при чем?! Хотя я слышал что-то о том, что местные аборигены называют честью сексуальную неопытность у женщин и отсутствие близких однополых взаимодействий у мужчин. Бред лысого цвирка, конечно, приравнивать честь к этим вещам...

Кажется, она заметила мое недоумение и чуть улыбнулась уголками губ.

— Дядя Левон думает, что, если девушку оставить наедине с мужчиной, они сразу начнут делать всякие... вещи. Потому что по-другому не бывает, — грустно поведала юная Мастер, чем вызвала во мне непонятное желание пойти и оторвать этому аборигену что-нибудь выступающее.

— А раз я тайком... он же не поймет, что вы упали. И никто не поймет... потому что нельзя приводить в дом мужчину. Я сделала глупость... — Кажется, она из последних сил сдерживала слезы, но все же выпрямилась и немного жалко улыбнулась дрожащими губами. — Но вы не беспокойтесь. Мы с Кабато не будем на шее висеть. Я... я что-нибудь придумаю... куда-нибудь...

— Ты не желаешь со мной связываться? — зачем я задал этот вопрос?! Что за ржа, я вообще о таком не думал! Кажется... тогда почему он сам вырвался из моих уст, да еще с такой... обидой?!

— А разве вы хотите? — в свою очередь спросила Алико, посмотрев мне прямо в глаза.

Ржа.

Я не знаю!

Глава 9

— Я... более чем уверен, что твоя жизнь сейчас кардинально изменится. И думаю, ты должна остаться здесь... хотя бы на первое время. Чтобы научиться... жить в нынешних реалиях, — решил я плавно обойти слишком неоднозначный для себя вопрос.

Все вроде правильно сказал? Тогда почему у меня впечатление, что в ее глазах выключили свет? Что я не так сделал?!

— Да, конечно. — Алико уткнулась лицом в залезшего на ее колени щенка, но почти сразу взяла себя в руки, «незаметно» вытерла глаза рукавом и даже попыталась изобразить нечто похожее на улыбку.

— Большое спасибо. Я... я отплачу. Честное слово! Я заработаю, я...

— Так. — Голова у меня уже вот-вот готова была взорваться, как сверхновая в бездне. — Знаешь что? Уже... Да! Уже поздно, — нашел я разумный выход из положения. — Ты не смотри, что светло, на самом деле в этом часовом поясе почти ночь. А ты мало спала и слишком переволновалась. Поэтому... хм... ложись прямо здесь, на шкурах.

— Хорошо. — Девушка покладисто вздохнула, почти сразу забившись куда-то в уголок вместе со своей собакой. И там затихла.

Как она смогла найти угол в круглом шатре — это не ко мне вопрос, я уже вообще ничего не понимал. Как только ритм ее сердца стал спокойным, а дыхание ровным, я с облегчением выскочил на улицу.

Устало прислонившись спиной к шатру, задумчиво смотрел, как красное воспаленное светило путается в рогах четвероногих копытных, заполонивших холодную равнину до самого горизонта. И старался ни о чем не думать.

— Совсем дундук, — удрученно сказали вдруг у меня за спиной.

Я резко обернулся и обнаружил ту самую юную Иванову, с которой разговаривал раньше.

— Почему? — даже не обиделся на фамильярность и нелестную характеристику. Привык уже. Ожидать от Ивановых тактичности — то же самое, что от цвирка — воздержания на складе кубов. Самое

обидное, что временами их дурацкая привычка ляпать правду в лоб работает... Только вот людей с неокрепшей психикой к ним все равно лучше не подпускать. Кстати! Я совсем забыл про Мордред. Вроде бы не обязан его все время пасти, но ведь глава моего клана совершенно точно отправила меня сюда еще и присмотреть за внуком... ржа.

— Потому что головой не думаешь. Ты ее когда из того плохого места забрал? Сколько потом по миру таскал? День прошел.

— И что? — все еще не понимал я.

— Ты ее хоть чем-нибудь, кроме того бульона, кормил? Она, может, и Мастер, но миска наваристой водички за целый день — это как-то маловато. А ты ее спать отправил, даже не предложив поужинать. Да и в остальном... — Она безнадежно махнула рукой, глядя на меня с непонятным выражением то ли жалости, то ли осуждения.

— Если она хотела есть, достаточно было попросить, — ответил я. — Почему ты обвиняешь в этом меня?

— Оспидя и духи предков! — Вот сейчас в ее глазах точно была жалость, только почему-то ко мне. — Ты сам себя слышишь? Она? Попросить еду? Але, рыцарь!

— Если так переживаешь, могла бы и сама покормить, — огрызнулся я на невоспитанного ребенка, — а не насмехаться, как животное-падальщик, стоя в сторонке, а потом приставать к чужому Оружию с нравоучениями.

— Это твой Мастер, — пожала плечами нахалка. — Никто поперек лезть не будет.

— Да с чего... — взвился было я.

— Майя, иди займись своим делом, — из толпы рогатых выступила старейшина клана, словно проявляясь на их фоне. — Не морочь ему голову. Галахад сам разберется.

И ушла обратно. В оленей. А языкатая девчонка хмыкнула и тоже испарилась. И вот что это было? Не разберешь. То ли глава подтвердила слова своего потомка, то ли наоборот.

Чем больше с ними живу, тем меньше их понимаю. И все больше раздражаюсь, будь они хоть десять раз Мастера.

Плюнул в закат и тоже пошел спать. Я, может, и железный, но не в этом воплощении. Телу необходим отдых, а мне завтра с утра понадобится ясная голова.

Зайдя обратно в выделенный нам шатер, прислушался к чужому дыханию — спит. Что ж, будить для ужина сейчас уже неразумно, а потому можно спокойно устроиться на шкурах с другой стороны от очага.

Утро началось... неожиданно.

Сперва я обнаружил, что кто-то утащил мои штаны и рубашку. И сапоги с носками тоже, кстати. Я снял их вечером, перед сном, и, как всегда, аккуратно сложил в ногах. Что за?.. Опять местные цвирчата развлекаются? Они, правда, раньше так не «шутили», но кто их знает? Пропавшая одежда ничем не лучше привязанных к голове оленьих рогов...

Кстати... Мастера и ее странного сэвена-щенка в шатре тоже не было. Интересно, связаны ли эти два события? Неужели юные Ивановы еще и девчонку утащили, подговорив ее перед этим подшутить надо мной? Но зачем? И что смешного в краже одежды?

Я пару минут озадаченно смотрел в светло-голубой лоскут неба в переплетении шестов под крышей этого походного дома, а потом все же встал и пошел на улицу. Выяснять, кто куда делся и что вообще происходит.

Первое, что меня сильно озадачило, это чуть ли не сбивающий с ног невероятно вкусный запах чего-то наваристого и мясного. И совершенно незнакомого — в становище клана я ни разу ничего подобного не пробовал. Потом я озадаченно уставился на распыленную по хитро сплетенным палкам собственную рубашку. Рубашка была влажная и, если не ошибаюсь, чисто выстиранная местными аналогами очищающих шкафов, в которых еще не было функций сушки и разглаживания. Хотя о чем я?! Здесь же у местного клана что-то вроде школы выживания, а значит — полная имитация дикого образа жизни и отсутствие даже элементарных благ цивилизации.

Рубашка, вывешенная на этих самодельных распорках, раздуваемая свежим ветром, медленно сохла, расправлялась и... Я не знаток этих тонкостей. Наверное, робот в клане отгладил бы намного лучше. Но и сейчас вышло довольно неплохо.

А вон штаны. Тоже... э... полощутся по ветру. Рядом с носками. А сапоги... ага. У порога. И вычищены так, что солнце отражается в черной лакированной поверхности.

— Чоб! Чобе! — раздался где-то в глубине привычно пасущегося рядом с шатрами стада оленей знакомый звонкий голос. — Ца-а-а! Ай, молодец, девочка. Хорошая, хоро-о-ошая...

И мне навстречу из леса серо-рыжих тел вышла Алико с ведром. Кажется, молока...

Глава 10

Галахад:

— Что ты делаешь? — обескураженно спросил я у робко подошедшей ко мне Алико. — Тебе чем-то не угодило местное промысловое животное?

— Цоб! — прикрикнула она на сунувшееся следом рогатое копытное, направив его обратно в стадо. Уверенно так крикнула и тут же снова посмотрела на меня так, словно испугалась моей реакции.

— Все очень скоро высохнет, дяденька... Вы чаю хотите?

— Мое имя Галахад, ле... хм, Алико. Можно просто Гал, если тебе трудно выговорить, — поправил ее я, понимая, что девушке неловко, и потому больше не спрашивая ее о ситуации. Если б что-то было не так, местный клан быстро бы поднял бучу. А раз целой толпы Ивановых поблизости не наблюдается — все в порядке.

— Мне не трудно, — торопливо заверила она, ногой отпихнув попытавшегося игриво обхватить ее лодыжку лапами толстого серого щенка. Я сначала решил, что это ее Кабато, но потом присмотрелся — нет, это чей-то местный. Окрас другой, и мордочка более острая. А Кабато вон лежит на солнышке, вывалив розовый язык, и сыто щурится. — Я лепешки уже напекла, с творогом, пойдемте завтракать?

— А творог-то ты где взяла?! — спросили вдруг у меня за спиной, и, обернувшись, я увидел ту самую недавно упомянутую «целую толпу Ивановых». Неужели что-то все-таки натворила?

— Простите! — моментально насмерть перепугалась девчонка и быстро шмыгнула мне за спину. — Я не знала, что скисшее молоко нельзя трогать, я думала... я там свежего взамен...

— Да предки с тобой, ребенок! — замахала на нее руками какая-то женщина в возрасте, но не глава клана. Они все такие похожие, даже аурами, что мне каждый раз нужно время, чтобы привыкнуть и начать их различать. И имена запомнить. — Бери все, что захочешь, никто слова не скажет! Просто творога у нас не было, только простокваша стояла старая, собакам думали плеснуть. А ты вон чего. Все под впечатлением и целое утро приносятся к запахам от вашей яранги, что собаки к праздничной солонине. Слюной изошли

уже. Ты лучше скажи: как ты умудрилась оленях подоить?! Они же наших-то не всех подпускают! И это ж не коровы! Совсем другое... хм. Другая технология.

— Я им травы немного... — смущенно забормотала девушка, выглядывая из-за моего плеча и доверчиво держась за мою руку, — и очистков, а потом шептала, сказки рассказывала. И Кабато помог, он их приводил.

— И ни одна не лягнула?! — поразился кто-то из детей помладше.

— Зачем лягать, они хорошие, — удивилась Алико. — Если к скотине с добром, она никогда не шалит. Хотите чаю? Я сейчас еще вскипячу и лепешек сделаю... Там еще мука есть! Всем хватит.

Я слегка нахмурился, не понимая, как именно мне поступить в этой ситуации. На девчонку никто не нападал и не ругал, наоборот, вроде хвалили. Но как-то странно... и на меня все косились с выражением. Опять же абсолютно мне непонятным. А еще в груди таилось некое чувство. Почему-то мне не хотелось, чтобы найденный мной Мастер вот так вот обслуживал чужой клан, подавая им чай и делая лепешки... чем бы они ни были. Хотя, если судить чисто по статусу, для дикой и не обученной охоте приживалки это было бы нормально, но...

— А котел ты чем отскребла? — вздохнула женщина, подходя к кострищу, над которым была подвешена круглая кастрюля из блестящего белого металла. — Это же чудо. Он никогда таким чистым не был за все двадцать лет службы. Волшебница, не иначе.

— Песком...

— И руками, — вздохнула снова эта Ивано... А, я вспомнил. Эту женщину звали Алина, и она приходилась главе одной из внучатых племянниц, занималась в стойбище хозяйственными вопросами и не слишком часто мелькала во время общих собраний. Вроде как говорила, что дел полно. А теперь она шагнула, ловко поймала пискнувшую Алико за руку и развернула ее ладонью вверх. Я было дернулся снова закрыть девчонку собой, но тут же мысленно дал себе по шее — Оружия не вмешиваются в разборки Мастеров. Надо гасить в себе эти странные порывы.

А потом я увидел ее стертые в кровь пальцы и разом забыл о своем же кодексе.

— С ума сошла?! — Я схватил эту маленькую ладошку, поймал вторую... ну точно. Чуть ли не до мяса! — Тебе только-только руки вылечили, зачем опять... Э-э-э, — недоуменно уставился я на огромные глаза, наполняющиеся слезами.

Ржа-а-а-а...

Идиот.

— Гх... Эм-м... ну не надо. Не плачь, пожалуйста. — Давно я не чувствовал себя таким беспомощным и тупым, как сейчас, стоя посреди территории чужого клана и обнимая рыдающего Мастера, уткнувшегося мне в грудь и буквально сотрясающегося от плача. — Я не на тебя кричал, просто... Просто не надо так... — В голове путались все слова, да и что я мог сейчас сказать? Не пытайся помочь своим спасителям? Бред. Не пытайся выслужиться столь рьяно? Да кто я такой, чтоб решать за нее? Алико, наверное, просто собралась задобрить Ивановых, вот и попыталась... а я накричал, забыв о своем месте. И похоже, этим сильно ее напугал. Наверное, у нее моральная травма после того жирного усатого цвирка, чтоб его под наковальней зажало!

— Вкусно как пахнет! — сбил весь накал ситуации детский голос. — А можно мне тоже лепешку с творогом?

Алико в последний раз всхлипнула мне в грудь, потом оторвалась от меня, быстро-быстро вытерла глаза и лицо подолом старого линялого платья, в которое она опять переделась, сняв подарок Ивановых, и со всех ног кинулась к костру.

— Сейчас! Сейчас еще напеку! Всем хватит!

Я, наверное, почувствовал бы разочарование и даже обиду оттого, что она так легко забыла обо мне, если бы эта ненорма... если бы Алико не метнулась обратно ко мне с расписной пиалой, в которой парил горячий кремовый напиток с приятным запахом какой-то травы и молока, и не шепнула чуть ли не в самое ухо: — Вам...

тебе... чай. Сейчас стол накрою, я бегом!

По позвоночнику внезапно прострелило дрожью, и в какой-то момент захотелось обернуться в оружейную форму и послушно лечь в чужие руки. Я, подобно местным оленям, фыркнул и замотал головой, буквально вытрясая из себя лишние мысли и эмоции.

— Повезло тебе, чужой Меч, — сказал выступивший из-за шатра узкоглазый спутник главы. — Хорошая будет хозяйка нового клана.

Умная, смелая, добрая. Если не упустишь.

— Только вы, кажется, ее спросить забыли, — раздраженно произнес я в пространство. От такого «сватовства» местных я успел порядком устать. Но и воспринималось оно уже не так остро, как поначалу. — Дайте угадаю... еще и сильная? — с намеком на сарказм спросил я, вспомнив хрупкие запястья и испуганные глаза Алико.

— Очень сильная, аднака. Еще разглядишь, — непонятно усмехнулось костяное Копье. — А не разглядишь... значит, у ее клана будет другой отец.

— Это не мне решать, — ответил я привычную фразу. — Мастер выбирает Оружие, а не Оружие Мастера.

— Ай, маладца. Все правильно понял, — ни с того ни с сего довольно разулыбался старик, прищулив и без того узкие глаза. — Верно, аднака. Женщина всегда выбирает, мужчина всегда думает, что он главный, и все довольны.

Да кто им сказал, что меня выбрали?

Смотря на местное холодное солнце и мирно пасущихся на поляне оленей, я отхлебнул глоток очень вкусного чая с молоком и в какой-то момент засомневался в своей проницательности. Что, если...

Погодите, он сказал «хозяйка нового клана»?!

Глава 11

Мои возмущение и недоумение прервал вызов коммуникатора. Я слегка заторможенно посмотрел на маленький браслет, а потом буквально почувствовал, как в моем сердце поднимается волна если не паники, то точно чего-то подобного. Доклад! Я пропустил ежевечерний доклад клану! Целых два вечера!

— Потом поговоришь, сначала еда. — Мне на руку вдруг легла чья-то ладонь, и, оглянувшись, я встретился глазами с костяным Копьем главы Ивановых. Надо было, конечно, стряхнуть его руку и ответить на вызов, но я, сам не знаю почему, кивнул и пошел в шатер из шкур, где Алико уже приготовила мне место и трапезу.

— Нужно хотя бы написать отчет. — Не сразу, только после еще одной плоской чашечки чая, я все-таки скинул с себя непонятные оковы. И обнаружил, что сижу на шкуре и чинно-благородно жую вкусную лепешку, запивая душистым отваром на молоке. А вокруг меня так же чинно, благородно и тихо сидят старшие члены клана Ивановых. Слишком подозрительно тихо, как для Ивановых. Хотя это же старшее поколение, они хоть не галдят круглые сутки, и то поковка. Но тем не менее я упрямо продолжил: — Пока это лишь вызов от моего отца, но, если придется самой Мастеру Артурии или, еще хуже, главе клана... Я и так пренебрег своими обязанностями и не сопровождал Мордред. Лучше не усугублять наказание.

— Не беспокойся. — Глава клана, неизвестно как оказавшаяся в этом же шкурном шалаше, чтоб его, с благодарной улыбкой взяла из рук Алико только что испеченную лепешку. — Ты здесь для того, чтобы решать свои проблемы, а Мордред сам неплохо справляется.

Я только глазами захлопал. Что она хотела этим сказать?! И... ржа. А чем так вкусно пахнет?

А еще: как эта девчонка умудряется так быстро двигаться, не используя силы жнеца и скверну? Я поймал себя на том, что уже какое-то время, как замороженный, слежу только за ней. Девчонка хлопотала у костра, который был прекрасно виден с моего места, поскольку дверной полог был откинут и закреплен наверху. Она постоянно что-то жарила, резала, мешала и переворачивала, раздавала и угощала, чем

вызывала чистый восторг у рассеявшихся в кружок на свежем воздухе крикливых младших Ивановых, которые прямо-таки смотрят на нее как на прародительницу, сошедшую в призму со вкусной лепешкой в руках.

И в самом шатре, где она умудряется подать, подлить, сменить посуду, улыбнуться! И что-то сказать тихое каждому, отчего все сразу расплываются в ответ и смотрят... ну как те дети.

Нет-нет-нет, хватит. Долг перед кланом выше всего, и уж тем более какой-то странной атмосферы. Сейчас я допью и буду исполнять свои обязанности как положено правильному, идеальному клановому Оружию.

— Хочешь еще чаю? — Голос тихий-тихий...

— Хочу... — Чтоб его! Хочу! Ржа. Вот чего я улыбаюсь, как последний придурок?! — Хочу... выйти ненадолго, — быстро поправил я себя, с трудом сбрасывая непонятное очарование момента. Я мгновенно встал со своего места, кажется даже используя максимально возможную скорость Оружия, и буквально телепортировался за стенки шатра, а потом и вовсе на край стойбища.

Вот только браслет мой уже не вибрировал и не мигал, а на мой собственный вызов ответа тоже не было. У меня кровь в жилах похолодела.

Что случилось? Такое ощущение, что кто-то просто взял и заблокировал связь! Что-то такое уже было... Кажется, когда рядом с данной планетой пролетала некая комета и клан Ивановых не мог вернуть похищенного (как тогда казалось) Ричарда. Не может же это происходить во второй раз?!

Но все оказалось еще хуже, чем я думал. Моя небрежность, моя безответственность и то, что я позволил себе отвлечься на неподобающие вещи... все это явно обернулось чем-то страшным. Потому что иначе пространство не пошло бы мелкими складками и на территорию главного становища клана Ивановых не ступила бы глава клана Умбрайя собственной персоной, да еще в сопровождении своего Оружия. За ней из портала вышел наследник клана со своим Мечом, а также Мастер Артурия. И лицо у последней было...

— Приветствую вас, Мастера. — Я буквально упал на колени перед всей делегацией, едва сдерживая бешено бьющееся сердце. Что я им сейчас скажу?! Я... я даже не знаю, где сын госпожи Артурии! Не

готово даже начало доклада! Моя внешность и та оставляет желать лучшего! Я даже не успел переодеться, маленькая аборигенка забрала мою одежду, и пришлось надевать местное! Великие прародители, да как же так!

А еще.. судя по виду и составу группы Мастеров нашего клана и исчезнувшей связи, случилось что-то ужасное. А я, будучи назначенным главным осведомителем, не знаю ни ржи.

Я почувствовал, как меня обдало легким ветерком от прошедших мимо жнецов. Делегация зашла куда-то за мою спину, а меня едва удостоили взглядом. И тем не менее я не позволил себе подняться... приказа встать не было...

Глава моего клана все свое внимание сосредоточила на вышедшей из шатра леди Ивановой и с достоинством ей поклонилась.

— Добрый день, Виктория. Я рада тебя видеть, — спокойно ответила леди Гиттиннэвыт.

Слова вроде не по протоколу, но я нутром чувствовал в них не менее тонкое и правильное проявление чувства собственного достоинства. От этого никакого нарушения этикета не произошло, зато встреча сразу приобрела неформальный характер.

Вот только мне от этого было не легче, особенно когда выступившая вперед Мастер Артурия обернулась, посмотрела на меня и прямо спросила:

— Где мой сын? Разве ты не должен был везде его сопровождать?!

Я склонил голову так низко, как мог. Моя вина. Моя вина. Что же я натворил?! Я не знаю, где Мордред. Водоворот событий был слишком быстр и ярок для меня, и я... я слишком доверился вездесущим Ивановым, ведь они говорили! Делали вид, что все в порядке! Но я и сам понимаю, что это не оправдание, здесь лишь моя вина. Если с Мордредом действительно что-то случилось, в лучшем случае это халатность. В худшем — предательство. Убийство, попытка убийства. И поэтому я...

На плечо вдруг легла теплая ладонь, и я почувствовал, что рядом кто-то стоит. Голос, женский, но совершенно незнакомый, решительный и спокойный, вдруг произнес:

— Простите. Это полностью моя вина. Чем я могу исправить допущенную оплошность?

Незнакомый?! Ржи с две! Я просто не ожидал услышать такую интонацию от перепуганной цвирчушки! Да и эти слова! Их как будто говорила какая-то другая женщина! Взрослая, уверенная в себе, сильная.

Тем не менее рядом со мной стояла именно Алико. Стояла прямо, все так же положив руку мне на плечо и чуть подвинувшись вперед, словно загораживая меня собой. Как... как Мастер, отвечающий за свое Оружие.

Глава 12

Аида:

— Почему-то иного даже не ожидалось, — пробормотала я тихо, смотря на захлопнутую перед носом дверь родной квартиры. Вернее, уже давно не родной... но тем не менее прав находиться в ней у меня было явно гораздо больше, чем у ушедшего сожителя старшей сестры.

Главное, Васька еще в доме ребенка, а этот уе... нехороший человек уже обжился тут как на своем месте. Ну ничего... телефон участкового у меня в контактах, а наш Семен Аркадьич, старожил и мастодонт, не менял место работы с тех пор, как мы с Анькой разбили стекло в дворницкой, когда запускали ракету «Земля — Плутон». Давным-давно уже от полиции в Питере никто особой помощи не ждет, но я бессовестно воспользуюсь личными связями. Но не сразу, не сразу. Кое-что придется сделать, прежде чем выкидывать узурпатора за шиворот.

— Убирайся отсюда, — тем временем раздалось из-за двери. — Сына я заберу, как кормилицу найду! Ишь чего решила, наследница хренова. Пришла на все готовое, с... — дальше я не стала слушать, отходя.

— Это мы еще посмотрим, гаденыш, — хмыкнула я себе под нос, но скандалить в парадной — не мой стиль. Незачем заранее сообщать врагу о своих планах — это раз, и тратить боевой запал на бесполезные вопли я не люблю — это два. Поэтому я спокойно позвонила в соседнюю дверь.

— Баб Катъ, здрасьте, чемодан можно у вас на время оставить?

— Никак Ангелка?! — охнула ссохшаяся от прожитых лет баба Катя, «всехняя бабушка» второй парадной дома номер семь по Грибанау. Только она меня упорно Ангелкой называла всегда, потому что «блажь дурная — дите Адом назвать!».

Ну, не Адом и даже не Адой, а, допустим, Аидой. Очень у меня мама уважала творчество Верди. И свои армянские корни заодно.

Старшую они назвали Анной в честь папиной бабушки, Анны Семеновны Лихновецкой, а меня, стало быть, в честь маминой. Пра-пра... Во Франции мне эти корни оченьгодились, армянская

диаспора традиционно своих не бросает, да и девичья фамилия маман — Вероянц — хорошо переделывается на французский манер — Аида Веро, с ударением на последний слог...

Господи, какие только мысли в голове не пляшут, чтобы заглушить главную боль. Совсем не хотелось вспоминать причину собственного приезда, но...

— Ангелка! Наконец! — тем временем суежилась баба Катя. — Чего чемодан-то, и сама проходи! Прходи, милая... Слава богу, ты приехала. Вот того проходимца теперь и турнешь из квартиры-то! Ты письмо мое получила?

— Нет, баб Кать. Видимо, не успело дойти... в отличие от... плохих известий, — вздохнула я, вспомнив телефонный звонок в ночи, из которого я узнала, что моя старшая сестра, Анна Владимировна Лихновецкая, скончалась вскоре после осложнения от тяжелых родов больше месяца назад. Она провела в больнице достаточно много времени, успела дать сыну имя и поставить в его свидетельстве о рождении прочерк в графе «отец». Видимо, надеялась все же выжить, если даже не написала мне и не позвонила. Анька всегда была такой - до последнего пыталась выбраться из любой беды сама.

Василий Владимирович (по нашему папе отчество записала) Лихновецкий жил в доме ребенка уже пятый месяц. А в нашей с Анькой квартире, доставшейся от родителей, поселился тот самый чертов «прочерк», уверенный в том, что родни у его недавно умершей гражданской жены больше нет.

Сюрприз тебе, зараза.

И хотя на первый взгляд закон должен быть на моей стороне... это Россия, детка. Да и я хороша, придумала тоже — заявиться квартиру проверить. Теперь этот мудака вполне может додуматься провести тест на определение отцовства, и ему ничего не стоит забрать ребенка себе. А с ребенком и все немаленькое наследство, включая родительскую квартиру. Точнее, половину наследства.

Да плевать бы на имущество, если честно. Ну, то есть не плевать, конечно, просто в войну я бы точно вступать не стала — себе дороже выйдет. В смысле, если свести к грубым подсчетам, те деньги, которые я не заработаю за время боевых действий, сами по себе потянут примерно на ту же сумму. Но!

Два больших, буквально огромных, «но». Это квартира моих папы и мамы. Там живет их память. И память бабушек-дедушек тоже.

И даже не это главное. Васька. Анюткин сын. Маленький кутенок, никому, кроме меня, по сути не нужный. Папаня его до моего приезда явно не планировал обременять себя уходом за младенцем. За все эти месяцы он даже не заходил посмотреть на него в доме малютки.

Не знаю уж, какую аферу этот поганец задумал, но ему явно нужны только деньги и квартира, а ребенок ни разу ни в одно место не уперся. А еще — сестра моя не зря не вписала его в свидетельство о рождении. Пусть хоть и в последний момент, но мозги у нее очнулись от гормонов и прочего сумасшествия. Конечно, всех подробностей я не знаю — с тех пор, как она связалась с наглым альфонсом, а я по наивности сразу попыталась раскрыть ей на это глаза, сестра оборвала общение. Эх... что б мне, дуре, тогда поделикатнее вкрутить, подловить гада на чем-нибудь горячем... но я все равно не уверена, что помогло бы.

Ладно. Чемодан оставим бабе Кате, на постой тоже здесь приземлимся — мне нужны союзники, а соседка всерьез обидится, если я уйду в забронированный отель. И вперед, в органы опеки и попечительства. Пока этот козел не опомнился, надо успеть оформить все документы и забрать пацана.

Знать бы еще, что я дальше с ним делать буду... Хотя... Найму няню на первое время, а там разберемся.

***

— Какой еще муж? Зачем? — недоуменно переспросила я, осматривая работницу районной опеки.

— Аида Владимировна, я вам как своей, неофициально. — Слегка полноватая дама за стойкой окинула меня оценивающим взглядом. — Лучше бы вам быть замужем к тому моменту, как в суд поступят документы на усыновление. Да, вы родная сестра покойной матери малыша, но у нас есть информация, что ее сожитель буквально на днях зарегистрировал брак с еще одной женщиной, и если он будет биться до конца, то этот конец может быть... разным. Все же полная семья — это приоритет, — тактично закончила женщина. — А вы одинокая, детей нет, опыта нет. Еще и второе гражданство... ну вы понимаете.

— Понимаю, — сквозь сжатые зубы выдавила я. — Большое спасибо за предупреждение. Я решу эту проблему.

— И возьмите хорошего адвоката, мой вам совет.

— Само собой. Спасибо еще раз. До свидания.

Уф-ф-ф... Первый шаг сделан, и наплевать, что мостик через пропасть шаткий, веревочный. Я справлюсь.

Жаль только, что все мои профессиональные адвокаты остались там, в Париже. Да даже если б я потащила их за собой, вряд ли от них была бы какая-то польза в «честном и справедливом» российском суде. Надо искать местного.

А еще надо искать супруга. И если адвоката по знакомым я быстро изыщу, то где в Питере и окрестностях вот так буквально за три дня найти порядочного мужа, я понятия не имею.

Глава 13

Аида:

Неделя уже прошла, неделя! И что я смогла за нее сделать? Ни-че-го! Глухо, как в танке... И дело далеко не в моем неделании или пассивности, наоборот, я собрала чертову тучу справок и прочего бумажного мусора, обегала еще более противную кучу официальных инстанций, и там все получилось. Но! Самого главного — мужей по разнарядке — там не выдавали. Охренеть вообще, вроде молодая красивая женщина — и такие проблемы... Все потому, что мне не нужен был первый попавшийся муж, вот в чем засада.

Сначала я была полна оптимизма, даже позвонила своему близкому другу и коллеге Гийому. И сделала ему предложение... деловое.

— Э-э-э... — сказал Ги. — Прости, подруга. Еще полгода назад я бы с удовольствием, но Арно наконец-то... ну ты знаешь. Не поймет. Это во-первых. А во-вторых, я тебе даже порекомендовать никого не могу, потому что все наши общие и мои личные друзья для твоей родины — иностранцы. Ненавижу политику, но не замечать ее не могу. Для тебя сейчас муж иностранец хуже, чем никакого мужа.

— Ты прав, спасибо... — Я откровенно приуныла, осознав этот факт. И правда, я без труда воспользовалась бы помощью еще кого-нибудь из друзей и приятелей, их у меня достаточно. Есть и бывшие любовники, с которыми у меня отличные отношения. Но ни один из них не сможет мне помочь, потому что... потому. Зар-р-раза!

Надо искать местного. А как? Я десять лет в Питере не появлялась и вообще жила между Парижем, Миланом и Нью-Йорком, уехала сразу после школы в Сорбонну. У меня тут никого не осталось по сути, кроме Аньки... и теперь Васьки.

А еще за эту неделю стало даже гораздо хуже, потому что Анькин поганец привел в нашу квартиру свою новую жену. И они там весело отмечали новоселье, видимо решив, что победа уже у них в кармане. Мало того, у этой женщины уже есть один ребенок, что еще больше повышает их шансы на усыновление...

От бабы Кати я съехала, объяснив ей, что мелькать перед врагом и поддерживать его бдительность — плохая идея. Но созванивалась с ней каждый день и слушала сводки с фронта.

Эти с-с-су... сволочи уже начали выбрасывать вещи моих родителей. Хорошо, что комитет старых соседок оперативно организовал дежурство в пользу бедной меня и утаскивал с помойки все, что туда попадало из нашей квартиры. Но все равно это было больно... Чужие люди рылись в бережно хранимых старых письмах, потрошили древний бабушкин комод, лазили по шкафам... От одной мысли мне делалось дурно. Приходилось сжимать зубы и давить в себе желание явиться со скандалом и участковым — все равно как минимум половина этой квартиры моя. Но я держалась, опасаясь, что моя настойчивость заставит гада активизироваться с Васькиной опекой. И тогда я могу не успеть...

Я бродила по историческому центру одного из самых красивых городов мира и почти не смотрела по сторонам. Все знакомо, от трещинки на бронзовом копыте вздыбленного коня Клодта и до зеленой патины на крыльях Исаакиевского ангела. Все родное и все чужое, изменившееся за десять лет, равнодушное. Зато не мешает думать... Так просто я не сдамся. Значит, надо спланировать следующий ход.

— Юная леди, не хотите экскурсию? — внезапно возник передо мной переодетый Петром Первым мужчина, заставив выпасть из мыслей. — Сейчас в соборе акция, для российских туристов скидка двадцать процентов на билеты.

— Нет, спасибо. Я уже ходила.

— И что, не хотите увидеть эту красоту снова? — усмехнулся зазывала. — Я сам каждый раз, когда захожу... ух, мурашки по коже. Может, и вы просветление поймаете.

— За просветление спасибо, — хмыкнула я. — А экскурсию могу для вас сама провести. Спорим, знаю даже больше? — И улыбнулась.

— Понятно, — засмеялся мужчина. — Вы местная. Выглядите просто слегка...

— Да, бывает, — снова улыбнулась я. — Удачного улова. А насчет идеи — правда спасибо. Мне как раз нужна ясность мыслей...

Заходя через главный вход собора, я краем глаза заметила небольшую толпу людей, собравшихся у одной из оград. Они бросали

семечки большому белому гусю, зачем-то привязанному к перилам. Это что, какое-то новое развлечение для туристов? Часть декорации? Хм, ладно... Жалко бедную птицу, но каждый зарабатывает как может. Наверное, у владельца гуся тоже свои обстоятельства. С этими мыслями я и вошла в собор.

Когда-то под куполом Исаакия висел маятник Фуко, и папа рассказывал нам, что в те времена в соборе был музей атеизма. А теперь тут горят свечи и тихо поют невидимые певчие. Я не слишком религиозна, но мне не мешает чужая вера в бога, так что о маятнике я не скучаю. Зато здесь пахнет бабушкиной шкатулкой с церковными свечами, а звуки пения удивительным образом не разрушают тишину. И уединение в толпе. Я всегда чувствовала себя здесь так, словно пришла одна в безлюдное место, где тепло и нет никого, кроме меня и... еще чего-то. Я не знаю, что оно такое, но мне с ним спокойно.

«Если я поставлю свечку, это ведь будет все равно “несчитово”? — как в детстве, теми же словами, как когда-то во дворе с девчонками, сказала я мысленно потемневшему лицу с добрыми и печальными глазами. — У тебя и так все вечно кланчат подарки за ароматный дымок. Некрасиво все же... но, может, ты просто подскажешь мне, как быть? Ваську очень жалко. Он такой маленький и несчастный там, в этом странном доме никому не нужных детей... Потому не для себя прошу, для него. Где найти мужчину... такого, что хотя бы не обманет и малыша не тронет? Внешность, характер, возраст, финансы — это все не имеет значения. Да зачем я тебе говорю, ты и так все знаешь ведь. Просто направь, а?»

— Мас... прекрасная незнакомка, не подскажете, как... хм... Не подскажете, где в этом городе продают корм для птиц?

Я удивленно обернулась и оказалась нос к носу с такой фактурной моделью, что аж онемела на пару секунд. Высоченный, даже чуть выше моих метра восьмидесяти, худощавый, но не мосластый, пепельный блондин с классическим профилем... и движениями профессионального... хм... танцора? Нет, тут что-то другое. И не манекенщик.

Черт, я его хочу! В смысле, на обложку. В смысле, в студию! У меня как раз новый фон и серебристая шкура волка, почти как натуральная, для рекламной кампании дорогих часов...

— Леди? Я что-то не так сказал? Я в этом городе впервые...

— Н-нет, простите. — Я с трудом вырвалась из плена профессионального угара. — Корм для птиц? В соборе? М-м... вам в зоомагазин, наверное.

— Тысяча извинений. Мне, право, неловко. Но не могли бы вы меня туда проводить? Я совсем растерялся... — хлопнул он на меня глазами и улыбнулся так, словно и правда собирался продать мне швейцарские платиновые часы за сотни тысяч евро. А-а-а, какая фактура! Ой, не то. Не те мысли.

Так. Я не поняла. Он что, ко мне клеится?!

Не, ну... это.

Я оглянулась на темное дерево в серебряном окладе и встретила глазами с образом. Так быстро?! Офигенный сервис, спасибо, Господи!

Глава 14

Аида:

— Да, я действительно мало знаю об этом городе. — Юноша с кошачьей грацией опирался на перила моста и медленно смаковал рожок с мороженым. Причем делал это с таким видом, будто вкушает как минимум вино 1800-х годов, опираясь на эксклюзивный алый «ламборджини».

С одной стороны — красиво, а с другой — меня почему-то на хихи пробивает. Но я не поддаюсь: во-первых, стараюсь держать лицо серьезным, а во-вторых — изо всех сил не кошусь под ноги, где сидит надутый и недовольный белый гусь в ошейнике с поводком. Гусь! В ошейнике с поводком! В центре Питера!

Мало того, этот скандальный птиц чувствовал себя хозяином положения даже больше, чем его владелец. Последнего он уже пару раз нешуточно ущипнул куда достал, если тот слишком резко дергал за кожаный шнурок. А еще наглый пернатый трижды забраковал зерно, купленное нами в трех разных зоомагазинах. Благо в Питере недостатка в подобных торговых точках нет, много бегать не пришлось. Вот только товарищ гусь каждый раз смотрел на протянутые в ладони зерновые смеси как вегетарианец на отбивную. И натурально клюв кривил. Я даже не знала, что гуси так умеют!

М-да. Если я хотела отвлечься от тяжелых мыслей, то лучшей встречи неведомые силы мне послать не могли.

— Я рос с матерью и практически все свободное время сопровождал ее в деловых поездках. Матушка занималась бизнесом, а я часто был предоставлен сам себе и коротал время в семейных поместьях.

Я покивала, светская беседа непонятно как переросла в изложение биографии нового знакомого, но в целом мне было интересно. Только пришлось изо всех сил давить в себе вопрос, за каким чертом он таскает гуся на поводке. И ладно бы это был любимый зверек, привычный к такому образу жизни. Так нет, оба явно были не в восторге друг от друга. Настолько эксцентричных личностей я еще не встречала даже во французской богемной тусовке.

— И где вы до этого жили? — Обычная вежливость требует уточняющих вопросов.

— О, много где! Не хотите ли проверить мои знания языков? Просто спрашивайте, — подмигнул он, — у меня были хорошие учителя. Уж на что-что, а на образование мои рж... дорогие предки не скупились.

— Parlez-vous français? — в шутку спросила я, опять же поддерживая игру. Бог мой, мне надо было бежать дальше, придумывать выход, может быть, искать того, кому можно дать взятку, чтобы обошлось без мужа... а я стояла на Банковском мосту и болтала с белокурым чудиком. И удивительно, мне как будто становилось легче. И проблема с Васькой уже не казалась такой ужасающе нерешаемой, придумаю что-нибудь. И ноги перестали гудеть от постоянной беготни... даже есть расхотелось, хотя перед визитом в Исаакиевский я чувствовала голод, и он тоже служил делу депрессии верно и праведно.

— Конечно, мадемуазель. Продолжим на этом языке или?.. — на чистом французском ответил мне парень и вдруг перешел на английский, даже не сделав паузы, чтобы обдумать следующую фразу: — Возможно, юной леди больше по душе этот язык? Не переживайте, я подстроюсь под любой выбор.

— Желательно все же на русском, — улыбнулась я. — У вас феноменальные способности, вы говорите совсем без акцента на всех трех языках. Я, увы, не настолько гениальна. Хотя французский для меня второй родной.

Парень улыбнулся и кивнул, потом с полминутки рассеянно смотрел в медленно текущую под мостом янтарно-торфяную воду Грибанала. И вдруг совершенно неожиданно произнес:

— Знаете, мадемуазель, мне постоянно кажется, что вас что-то тревожит. Может, поведаете мне свои печали? Обещаю помочь по мере возможности. Деньги? Связи?

Я даже отступила на полшажочка от такого. Ну, прозвучало как-то... э-э... подозрительно. Вроде как шпиона вербуют. Или проститутку. Я навидалась всякого среди моделей.

Самое интересное, что гусю тоже не понравились слова хозяина, он на него зашипел, а потом вдруг поймал меня клювом за штанину и придержал, глядя снизу вверх в глаза... Э-э-э... Да ну, это мне

показалось. Не бывает у гуся виноватого и извиняющегося выражения... лица? Клюва? Не знаю я, как это у птиц называется. Я человеческий фотограф, а не анималист.

— Я что-то не так сказал? — недоуменно посмотрел на меня парень, машинально потерев бедро, в которое пришелся гусиный щипок. — Помогать женщинам принято в культуре этой страны, не так ли? Тем более тем, которые тебе понравились.

Я почему-то довольно быстро успокоилась. Гусь, наверное, мою бдительность все время сбивает с панталыку. Ну не воспринимается чудик с белой птицей на поводке как опасность.

— Боюсь, вы не сможете мне помочь, — улыбнулась я, пытаюсь перевести разговор в шутку.

— Почему? И потом, откуда вы знаете, если даже не сказали мне суть проблемы? — лукаво улыбнулся блондин. — А вдруг смогу?

— Это вряд ли, — уже прямо рассмеялась я. — Не думаю, что у вас в запасе имеется мужчина, который согласится жениться на мне в самое ближайшее время, причем на моих условиях.

— Жениться... стать партнером на всю жизнь, так? А я не подойду? — вдруг совершенно серьезно спросил парень и перестал улыбаться. — Можно узнать ваши условия?

— Ладно, пошутили — и хватит, — вздохнула я. — Вы где остановились? Может, вас проводить, чтобы не было риска, что заблудитесь? — это я так ненавязчиво попыталась дать понять, что разговор и прогулки окончены.

— Тут такое дело... — внезапно слегка смешался парень. — Я ведь не рассказывал вам свою историю до конца. Так вышло, что мой кла... моя семья решила, что мне резко пора остепениться. И предприняла по этому поводу некоторые шаги, которые мне не нравятся. — Он недовольно сжал губы в тонкую линию. — Вы не поверите, но буквально час назад, разглядывая украшения местного дома поклонения богам, я задумался над тем, что мне, наверное, нужна жена. Как это у вас... а, фиктивная. Я ведь правильно понял, вы сейчас имели в виду не искреннюю любовь на всю жизнь, а всего лишь формальное состояние, зафиксированное документально? Договор двух партнеров?

Вот теперь стало заметно, что русский ему не родной, так забавно и заморочно он подбирал формулировки. Но черт возьми, таких

совпадений просто не бывает!

— Договор будет очень строгим. Я приглашу юристов из-за границы, в случае чего вам даже копеечки не достанется, еще и сами должны останетесь! — решила припугнуть я возможного охотника за наследством.

— Думаю, это возможно, — хмыкнул блондин. Не испугался. М-да.

— А еще нам все же придется какое-то время пожить вместе. На моей территории. И! Самое главное. У меня есть маленький ребенок. Ради которого, собственно, все это затевается. Он будет жить с нами и создавать определенные... неудобства. И требовать ухода. А вы должны будете создавать видимость полноценной семьи.

Пугать так пугать. А еще у меня в глубине души вдруг забрезжила робкая и безумная надежда: а вдруг?! Вдруг получится?

— И что из перечисленного вами должно являться препятствием? — невозмутимо поинтересовался блондин. — Меня все устраивает. Тем более перед моими родственниками вам тоже придется изображать благовоспитанную М... жену и внезапную любовь до гроба. А это, уж поверьте, далеко не легкое занятие.

— Э... не шипи, пожалуйста, — это я машинально, гусю. — Ну да... Тогда... тогда, может, все же познакомимся для начала? Меня зовут Аида.

— Мордред, к вашим услугам, юная леди.

Глава 15

Мордред:

— Фа-а-а-агафа, — раздался требовательный зов где-то сбоку от кровати.

— Р-р-р, еще раз вякнешь — и я использую тебя по прямому назначению... — В надоедливый пучок перьев полетела такая же перьевая подушка. — Вот, познакомься со своим будущим.

Я перевернулся на другой бок и тут же взвыл от смачного щипка этого идиотского... как там эта дрянь называется?! Единственной причиной, почему я еще не свернул животному его уродливую длинную шею, было то, что он все равно не живой. И не гусь. Да, я хотел сэвен! Это круто. Большинство жнецов в призме о нем только и мечтают. А мне выдали... Но почему в такой издевательской форме! И что это вообще за намеки были?!

— Гафа-а-а! — Еще один щипок сквозь одеяло — и я буквально взвился над кроватью. Какой ржи!

— Пошел вон, чокнутое пернатое! — В сэвен полетела вторая и последняя подушка.

— Фафа не га? — клянусь, с совершенно отчетливой и насмешливой интонацией произнес огромный, белый, важный и отвратный пучок перьев. — Га!

— Да успокоился я! Не смей больше щипаться, ты, праздничное блюдо! — Изрядная порция скверны с утра слегка примирила меня с действительностью.

— Фа-га, — удовлетворенно кивнул гусь и уселся прямо на коврик возле кровати. Разложил белоснежные перышки по мягкому ворсу, прикрыл глаза и сделал вид, что задремал.

А я поплелся умыться, бурча себе под нос, что нормальные храны скверну дают по первому требованию и при любом прикосновении. И только мне, ржа, «повезло»: больно и через жо... задницу!

Сразу вспомнилось, как мне вручили это... это... издевательство над вселенной. Когда Гал решить поиграть в героя и спасти какой-то сдохший местный аналог цвирка на пару с аборигенкой, меня

переправили на новое место жительства. Мол, чтоб не обострять моей белобрысой шевелюрой чувства местного населения. Как будто кого-то интересуют чувства низкоразвитых туземцев. Да я сам бы к ним и кончиком лезвия не сунулся.

Ну перетащили и перетащили. Мне пофиг. Та же выгребная яма, только гор нет. Зато я скоро обнаружил одно несомненное, во всяком случае для меня, преимущество: местный крупный город. Хотя, конечно, назвать это скопище обшарпанных каменных миниатюрных пещерок городом — язык не поднимался. Особенно после мегаполисов центральных миров, которые и красотой, и древностью могут поспорить со всей этой задрипанной планеткой целиком...

Ладно, на бестварье и в цвирке найдешь скверну. Меня до того задрало чистить стойла, косить траву и полоть огороды, что я даже на эту провинциальную серую дырищу был согласен.

Только ржи большой меня отпустили гулять одного. Пытались навязать няньку, из местных сумасшедших, а когда я вспылел и чуть не устроил им взрыв сверхновой, с какой-то радости приволокли вот этого вот... гуся.

Не, сначала я обрадовался! Сэвен! Как обещали! А потом рассмотрел и оржавел. Почему?! Не медведь, как у кузена, не тигр, не еще какой благородный крупный хищник... почему гусь?!

Оф-ф-ф... так, выдыхаем. А то опять кое-кого принесет с успокоинком в одно интересное место.

Ну, короче. Теперь эта пернатая дрянь не позволяет мне нормально психовать. Одно лишь хорошо: это произведение извращенного разума местной природы и Ивановых постоянно подкармливает меня невероятно вкусной скверной. Как-то она у него там особо перерабатывается, что ли? Не вникал и вникать не хочу.

Ладно, за несколько часов я почти привык. Гулял, смотрел... делал что хотел. И нежданно-негаданно впервые в жизни обретенная свобода (пусть и с гусем под мышкой) взбурлила у меня в голове целым вулканом мыслей.

Собственно, чего это я вечно всем должен? Умбрайя меня за полноценное Оружие никогда не считали, а Ивановы... мне никто, и звать их никак. Им просто надо подлизаться к большой призме, вот хвостом и виляют, меня «воспитывая». Тогда, может, пора просто свалить от заботливой родни и попробовать пожить самостоятельно?

Да, пусть даже в качестве наемника... эх. Ага, как же. Так меня и отпустили поискать Мастера на бирже, ага. Только высунуть из этого цвирчатника, тут же загребут обратно к маме под крыло.

Значит, что? Значит, надо попробовать найти Мастера здесь. Вон, один ржавый Серп себе тут внучку Прародителя урвал. Я что, хуже?

Только, ржа, чтоб не Иванова. Даже близко не родственница!

Ну что сказать? Его высочество Посох решил — его высочество Посох сделал. Вполне подходящая оказалась особь, внешне в моем вкусе как Мастер... Ну, дикарка, что с нее взять. Но в моем случае это скорее плюс, воспитаю под себя. Наверное. Если понравится и захочу ее себе оставить.

Хм... там, правда, уже какие-то зачатки характера имеются. А еще в нагрузку идут проблемы с клетушкой в местной каменной халупе да плюс некий малопонятный мне смертный — вроде бы бывший спутник мертвой сестры. Аборигенские заморочки, короче. Помогу ей их решить — считай, Мастер у меня в кармане, еще и по сдвиг вселенной мне должна будет.

И да, кстати, Аида — довольно красивое и благозвучное имя. Как и фамилия Веро. Не придется уговаривать поменять. Про то, что это она мне мое может сменить, девица не в курсе, и это хорошо. Никто ее в эти пережитки прошлого просвещать и не собирается. Мордред — звучит гордо!

Я вообще ей могу такую ржу на уши посыпать, что бабку мою удар хватит — и она ни о чем не догадается. Хм-м-м... а это мысль. То есть совсем глупо врать, конечно, не стоит. Но четко и по-умному дозировать информацию, переставить акценты, о чем-то немного недоговорить, где-то преувеличить... и не слишком много контактировать с родней. Хоть где-то пригодятся годы, прожитые в серпентарии Умбрайя. Решено, Мор, ты им всем еще покажешь. Может, даже со временем подготовишь дикарку и вы создадите свой род, где главным будет считаться Оружие... но это совсем мечты. Пока у нас есть более близкие и понятные цели.

Для начала надо, чтобы она в меня влюбилась. Потом подумаем про привязку. Если у нее будут чувства... то все можно проверить на моих условиях.

— Гусь, тьфу ты... Ганс! — Я вышел в комнату уже одетый с иголки. Одежду я заказывал прямо с призмы, благо до такой

дурости, как перекрыть карточку, мои родственники еще не додумались. Тем более у меня еще вторая, мамина, есть. А призмовская одежда гораздо лучше и качественней местного дранья. — Пошли, окорочок недожаренный. Где твой поводок? Тащи. Сегодня мы выкинем из норы незаконно заведшегося там цвирка, а потом заберем этого, как его... Василия Владимировича. Надеюсь, это будет что-то совсем маленькое и необременительное... Во всяком случае, в клане мне дети никогда не казались проблемой.

— Га-фа!

— Сам такой. Пошли уже.

Глава 16

Если бы не полное отчаяние и страх за Ваську, я в жизни не согласилась бы на такую авантюру. Привести совершенно незнакомого и не факт, что нормального, мужика в дом, где буду жить я и маленький ребенок... ну, это по любым параметрам нешуточный риск.

Я, конечно, проверила его документы и не поверила своим глазам. Мужчину действительно звали Мордред Умбрайя, но паспорт... паспорт у него был российским! Чего я с этим паспортом только не делала, даже чуть не попробовала на зуб... но так и не нашла никаких признаков подделки документов.

Втихую отнесла чужие документы нашему участковому и попросила пробить по базам, честно рассказав старику о своих проблемах. Мужчина одобрил мою попытку перестраховаться, хотя саму идею фиктивного брака с первым встречным обругал последними словами. Но поскольку ничего другого предложить не смог и Ваську ему тоже было жалко, то поднял свои старые связи.

И... ничего. Совершенно чистые настоящие документы, выданные отделом УФМС города Москва. И даже вроде как историю их владельца можно было по косвенным признакам проследить — родился, учился, зарегистрирован по такому-то адресу, адрес не фиктивный и не хата, где миллион гастарбайтеров за деньги прописан.

— Отец местный, — вспомнила я, как отмахнулся от моих вопросов Мордред, — а мать иностранка. Двойное гражданство.

— Но в целом ничего подозрительного, — тем временем продолжал участковый. — Судимостей нет, даже приводов. Я попросил нашего спеца электронный след проверить — там тоже все в порядке. Социальные сети, аккаунтам много лет, есть семейные фото в интерьере, не дешевом таком интерьере, скажу я тебе. Фото с друзьями, и у нас, и за границей. Учился он там. Короче, вообще ничего подозрительного.

Я кивала и, с одной стороны, радовалась, а с другой, мне все же было не по себе. Не знаю почему. Сама ситуация уж больно бредовая. И успокоительного гуся под рукой нет.

— Именно поэтому я не понимаю, что этому мажору от тебя надо, — вздохнул дядя Семен. — С тобой-то все понятно. Ты вот что... отцом его Ваське не записывай ни в коем случае. Никакого усыновления с его стороны, поняла? Только ты в документах быть должна. Там неизвестно, как обернется, не хватало еще пацана спасти и от родного папаши, и от этого... слишком правильного мальчика. Вот чую я — кто-то хорошенько с его файлами поработал. Не могут такие... «золотые мальчики» быть святыми, там скорее «святая» семейная система безопасности и пиара.

Документы в загс уже подали?

— Ну нет, конечно, — вздохнула я, беря из его рук полную кружку горячего чая. Беседа происходила на маленькой холостяцкой кухне, поспартански бедной, но чистенькой. — Когда бы? Я сразу к вам...

— Правильно. Насчет загса не волнуйся. Есть у меня связи, распишут в течение двух дней. По большому благу. Если б не этот обмылок, что на моем участке шакалит, — дядя Сеня выразительно дернул подбородком вверх и влево, туда, где предположительно находилась родительская квартира, — не стал бы горячку пороть и тебя б отговорил. Но тут не до жиру, быть бы живу. А белобрысому этому скажи, я за ним присматриваю.

Ну и вот. Теперь не только заветная бумажка из загса у меня в руках, но еще и ее нотариально заверенная копия уже имеется. Именно этот листочек я с чистой совестью отнесла в отделение опеки. Там его кропотливо подшили в папочку ко всем остальным документам, которые потом внесут в базу. И вздохнувшая с явным облегчением инспектор, которая в кои-то веки оказалась не выгоревшей равнодушной шестеренкой бюрократической машины, а вполне еще живой женщиной, наконец заявила мне, что Ваську можно будет забрать со дня на день.

А потом, даже если папаша решит подать в суд, ребенок все равно уже будет у нас и выцарапать его станет не так-то просто. Хорошо, что Анюткин сожитель при всей своей масленой умильности все же не понравился этой женщине. Видать, опыт у нее имелся немалый. Почувствовала она его слащавую и подленькую натуру.

Все это время Мордред (елки-палки, это ж надо было дитё так обозвать! Даже на иностранный манер не спишешь, в британском культурном пространстве этим словом разве что ругаются!) ходил со

мной и «оказывал всяческое содействие». Правда, для похода в опеку пришлось оставить у дяди Сени гуся... и я заметила один очень странный нюанс.

Такое впечатление, что без своего белокрылого скандального, шипящего и щиплющегося всю дорогу питомца блондин, во-первых, внезапно помрачнел и потерял красноречие, а во-вторых, чуть осунулся.

Дела-а-а... Ладно, с этим всем я буду разбираться позже, когда схлынет адреналиновый мандраж и перестанет нервно подергиваться веко. А сейчас мы поедem и выставим из родительской квартиры наглого узурпатора вместе с его новой женой. Документики для этого уже у меня на руках. А Ваську... малыша я заберу буквально завтра, когда от его непутевого спермодонора и его сообщницы и духа не останется в родных пенатах!

Кстати, насчет документов. Я все думала, переживала, как бы так деликатно намекнуть своему деловому партнеру на то, что фамилию в браке я менять не собираюсь и Ваську запишу только на себя. Но кажется, он сам все понял и прямым текстом выдал:

— Записывай в свой клан. Точнее, на свою фамилию. Моей желательно не мелькать, если не хочешь лишних вопросов. — После этих еле слышных слов во мне снова всколыхнулась паранойя. — Вопросов, а не проблем, ржа, не вставай ты в стойку, — странно огрызнулся парень, а потом невесело изогнул уголок губ. — Плюс ко всему, она странная и сложная для этой местности.

— Она для любой местности непростая, — хмыкнула я тогда, и Мордред только коротко кивнул в ответ.

Для начала мы зашли к дяде Сене, провели гуся. Точнее, это Мордред его проводывал, за что получил сразу три щипка: в руку, в бедро и... м-м-м... в то, что выше бедра, но ниже спины. Как ни странно, зашипел-то он в ответ не хуже своего пернатого, но прямо на глазах повеселел и резко вышел из образа драматичного мрачного злодея. Теперь передо мной снова был тот пресытившийся роскошной жизнью молоденький аристократ. Блин, может, он мазохист? И этот, прости господи... как его? Зоофил! Тьфу. Ладно, это их с гусем дела, я даже думать о таком не хочу.

Так вот, мы зашли к дяде Сене, забрали Ганса (это я предложила так окрестить безымянную птичку, а Мордред не возражал), и я

торжествующе продемонстрировала участковому все нужные бумажки. Включая, кстати, заявление на наследство, поданное от моего и Васькиного имени в нужную инстанцию.

Дядя Сеня радостно потер руки и пошел звонить знакомым омоновцам. Или кому-то похожему... ну, короче, штурмовать собственную квартиру в одиночку, пусть даже при поддержке Мордред и гуся, мне не придется. Все будет по-серьезному.

Глава 17

Аида:

— Чтоб ты проклята была! — разорялась на весь подъезд патлатая и красная от эмоций тетка, цепляясь за перила. — Чтоб дети твои были прокляты! Права не имеешь, мочалка драная! А-а-а-а, пустите!

Это она уже ментам. В смысле — доблестному ОМОНу. Так бы, конечно, шиша с два по вызову такие силы на выдворение незаконных жильцов явились, но дядя Сеня и его связи не подвели. Представление для соседей вышло на все сто...

— И вам того же, и вас туда же, дамочка. Не засоряйте собой помещение, нам еще дезинфекторов после вас вызывать, — хмыкнул Мор, обняв меня за плечи. Демонстративно так. Напоказ. А то Анюткин бывший качок уж больно набылчился, косясь в мою сторону поверх омоновских шлемов. Мордред в ответ посмотрел на него так, что мужик вдруг побледнел, увял и быстренько скрылся за широкими камуфлированными спинами. — Ну вот мы и вынесли мусор. Надеюсь, сильно вонять не будет... а то придется закопать. И сжечь, — последнее он тихо так сказал, типа про себя. Я аж поежилась, но быстро решила, что ладно, иногда попугать гадов можно.

— Мы еще посмотрим, чья возьмет! — не унималась новая жена Анькиного сожителя, подпрыгивая и плюясь от избытка эмоций. — И пацана заберем! Явилась, иностранка, на все готовое! Мы в суд подадим! Шлюха! Шпионка!

— Ты своего второго сначала из детдома заberi, — внезапно вмешался наш участковый.

— Что? — ахнула тетка, разом побледнев.

— То. Или ты думала, не раскопают? — демонстративно лениво разглядывая свои ногти, спросил Мор, переглянувшись с дядей Сеней. — Ну так мы же шпионы, да? Тц, мне это уже наскучило. Как на собаку лаять. Давайте-давайте, выносите, парни.

Через полчаса, поблагодарив всех участников, а заодно и сочувствующих из зрителей, я закрыла входную дверь и устало села прямо на тумбочку в прихожей. Вроде бы все вышло, как и хотелось... но на душе все равно почему-то кошки скребут. И смотреть противно

на голый поцарапанный паркет под ногами. Раньше тут всегда лежал пушистый коврик... Мама сама выбирала, а потом регулярно чистила, пылесосила и даже отстирывала. И ругалась, когда ей предлагали постелить у порога тряпку попроще, мол, такой хороший коврик жалко, побережь бы, вдруг еще пригодится... Она всегда говорила, что для себя и своих детей красоты и уюта жалко быть не должно.

— М-да... негусто, — слегка поморщился Мордред, возвращаясь из гостиной. — Тебе принципиально жить именно в этой ха... в этой квартире? Я могу снять помещение посулидней.

— Это квартира моих родителей, я тут выросла. — Пришлось встать с тумбочки. — Пойдем на кухню. Кажется, бабушкину турку эта дама не выбросила и не утащила. Сварю кофе, а потом поедем за Васькой.

— Ностальгия, да? — Парень внезапно снова открыл входную дверь и впустил в квартиру... своего гуся? Откуда он тут взялся?! Я не видела его на лестнице, где он прятался? Все забываю спросить, за каким бесом вроде бы нормальный и, судя по наряду, очень обеспеченный парень таскает за собой несчастную птицу. Это же не собака!

Хорошо еще, что в дом ребенка он с собой своего белого друга не потащил. Хотя гусь был недоволен. Шипел нам что-то вслед и на прощание так ущипнул хозяина за филейную часть, что Мордред аж вскрикнул и потом, пока мы спускались по лестнице, всю дорогу матерился себе под нос на абсолютно незнакомом мне языке. Слова были чужие, некоторые звуки и вовсе практически непронизносимые, но интонации более чем понятные.

Я дико волновалась, настолько, что руки тряслись. В результате мой «муж», посмотрев на меня, решительно отобрал папку с документами и сумочку, чуть ли не под ручку усадил меня в такси и так же вынул из него возле нужного здания.

— Ну-ну, мамаша, не мандражируйте, — поприветствовала меня здоровенная, советской еще закалки нянечка в приемном покое... или как это тут называется? — Сейчас принесут вашего крикуна. Такой горластый мальчишка, здоровенький, загляденье.

Не знаю, что там здорового... он был такой маленький, почему-то упакованный в конверт, как младенец, хотя Ваське уже почти исполнилось пять месяцев. И из этого конверта виднелась только

малиновое от возмущенного крика личико с широко раскрытым беззубым ртом. Из которого мощно лился такой оглушительный рев, что я едва не отступила на шаг от неожиданности.

— Держите, папаша, — радостно выдала нянька и всучила конверт с будущим солистом как минимум вокально-инструментального ансамбля не мне, а Мордреду прямо в руки.

Мордред на секунду замер, неловко держа сверток, потом деревянно кивнул мне и прошагал к выходу. Остановился только на крыльце, заглянул под кружевной уголок одеяла и проникновенно сказал:

— Затк... замолчи, мелкий, а то у меня ухо лопнет... хм! — И ребенок внезапно перестал плакать, угукая и кривя маленький беззубый рот в улыбке.

— Эм, — вздохнул мой карнавальный муж, задумчиво разглядывая детеныша. — Прожорливый. Хотя чему я удивляюсь? По-другому и не могло быть, если уж ты... м... короче, это у вас семейное.

— Сам ты прожорливый, — немного обиделась я и попыталась отобрать Ваську. Ага, не тут-то было. Как только маленький вокалист оказался на моих руках, на всю округу снова начался концерт по заявкам.

— Ну держи, — пожал плечами Мор. — Только от меня подальше отойди.

— Куда подальше? — возмутилась я. — Вон, такси уже приехало.

— Тогда дай сюда этого... крикуна, — распорядился Мордред. — И садись в машину.

— Как ты это делаешь? — поразилась я, глядя на моментально успокоившегося ребенка. Вот словно и правда переключателем щелкнули: только оказался на руках у парня — и моментально замолчал.

— Он чувствует мое величие и неотразимость! Ну еще и безопасность. — И непонятно, то ли в шутку последнее он сказал, то ли нет.

— Родственную душу он чувствует, — хмыкнула я. — Небось, как вырастет, тоже заведет гуся и будет с ним по мостам Петербурга гулять, прохожих шокировать. Все вы, мужики, одним миром мазаны, — вспомнила я тети-Катину поговорку

— Кого волнует шок прохожих? Главное — тебе удобно, — отмахнулся он.

— Вот-вот, его тоже не волнуют ни прохожие, ни наши уши. Пошли уже, а то придется за ожидание такси доплачивать...

А дома нас ждал... тот еще сюрприз.

Глава 18

Мордред:

— И чего теперь? — немного измученно и с искренним испугом спросила Мастер, когда мы вдвоем склонились над кроватью, на которой бешеным цвирком верещал младенец. — Есть он не хочет, пить тоже. Температуры нет...

— Судя по запаху, — сморщил я чувствительный нос, — ему надо в стерилизатор.

— О! Памперс! — Аида хлопнула себя ладонью по лбу и метеором умчалась в прихожую, откуда притащила большую пластиковую упаковку противно-зеленого цвета с щекастым карапузом на боку. — Вот! Та-а-ак...

— Ну, пойду... м-м-м... кофе сварю, — сделал я героическую попытку откосить от неприятной процедуры. Просто резко вспомнил, что на этой задрипанной планетке очень допотопные технологии и нет даже ионного очистителя. И я не хочу думать, как она будет убирать с мелкой личинки орущего Оружия это вот...

Ага, как же. Младенец, на секунду притихший было, пронзительно взвизгнул, отчего у меня в ухе что-то щелкнуло. И Мастер-дикарка, положив вынутый из упаковки пам... памс... что-то на кровать рядом с ребенком, посмотрела так, что я моментально почувствовал себя подлым предателем. Чего-о-о?! Да что эта ржавая себе позволяет?! Будто эта аборигенка смеет мне что-то ука...

— Фа-га! — Болезненный щипок сзади заставил буквально подпрыгнуть и выругаться. Да они сговорились, что ли?!

— Вот сам и помогай, раз такой умный! — злобно прошипел я, обращаясь к сэвену. — Ладно. Что делать надо? — решил я все же принести себя любимого в жертву.

— Я в интернете посмотрела: для начала снять использованный памперс и... э... вытереть ему попу. А потом еще что-то про присыпку. — Теоретические знания она из сети почерпнула, ага. Я только не понял, какие прародители, ржу им в одно место, подсунули мне это насквозь практическое занятие.

— Давай подниму этого ржавого гвозденка... то есть мелкого, а ты снимай, — мрачно предложил я и, дождавшись ответного кивка, осторожно подхватил личинку дикого Оружия поперек его довольно увесистого пуза. Не знаю, чем его кормили в том «доме ребенка», но корма явно не жалели. Толстый, как отожравшийся на складе скверный цвирк. Даже лапки толстые, со складками. Удивительно, но это не вызвало во мне отвращения. Хоть в умилении не расплзся, уже хорошо. Интересно, все личинки Оружия так в первое время выглядят? Тогда что в них эти женщины находят? Страшные же. И уши от них вянут.

— Готово! — Аида тоже не выдержала и сморщилась, запах от снятой обертки, да и от самого цвирчонка шел не самый приятный. — Подержи так, я влажные детские салфетки принесу. Или лучше его помыть?

— Делай что хочешь, только побыстрее. Я и так стараюсь не дышать, — ответил я, на самом деле задержав дыхание. Мой бедный чувствительный нос, способный уловить мельчайшие оттенки запахов, страдал. Хотя эта часть тела у меня страдала все мое пребывание на планете. Отвратительный мирок. Вонючий во всех его проявлениях — от залежей навоза до угарного газа от допотопных повозок.

— Аху-у-у-унь! — радостно сказал избавившийся от грязной одежды гвозденый и... — вашу ржу! — выпустил веселую струйку прямо мне на живот. Уделал и брюки, и рубашку, и...

— И следующим будешь отмывать меня, — мрачно констатировал я. Удивительно, но злости не было. Поразмыслив с мгновение, сам для себя сделал вывод: ну не настолько же я идиот, чтобы взбеситься на младенца. Во-первых, толку-то, эта цвирчня даже не поймет. Во-вторых — он... не нарочно... Личинка настолько жалка, что даже такую мелочь контролировать не в состоянии. Неполноценное существо. Тьфу!

— Ой! — Вот по глазам вижу, что эта ду... Мастер еле-еле сдерживает смех. Нашла себе развлечение. Ну ничего, я тоже потом... посмеюсь...

— Да вытирай ты его уже быстрее! — не выдержал я. Как же тяжело сдерживать нецензурные высказывания! — Замерзнет еще... опять будет испытывать наши барабанные перепонки на прочность.

— Да вытираю, — фыркнула она, сворачивая и убирая в пакет все неприятно пахнущее. Кроме младенца. — Во-о-от, Васенька будет сухой и чистенький. И не орущий... да?

— Понятия не имею, если ты меня спрашиваешь... Ржа! Что это?!

Я чуть младенца не уронил, когда со стороны коридора и входной двери раздался вдруг мощный низкий гул и вой, словно взревел и заскрежетал какой-то старый ржавый механизм.

— Мать моя... — Аида тоже едва не разорвала памперсы. — Я и забыла, что дверной звонок обязательно надо сменить! Пойду открою, подержи Ваську еще чуть-чуть. Ну или надень на него памперс.

Она умчалась отпирать дверь неведомым гостям, а у меня вдруг запищал коммуникационный браслет. Я глянул на него и похолодел. Потому что понял, кто там стоит у входа в эту жалкую нору!

«Мордред, немедленно отзовись!» — мигало на экране зеленым. С пометкой высшего приоритета. И локация указывала на близость объекта под кодовым названием «Главная карга».

Тц... нашли-таки. Быстро. Скорее всего, по карточке отследили, чтоб их в черную дыру засосало, коммуникатор-то я заглянул. Они мне сейчас всю игру порушат, а еще хуже, расскажут девке чего лишнего. Я что, зря тут мучился? Ржу вам в самое глубокое место и пинок туда же, для ускорения.

Собравшись с мыслями, я перехватил поудобнее весело взвизгнувшего младенца и с самым невинным из возможных видов пошел в очередной раз шокировать дражайшую родню. Я с тридцати лет прекрасно знаю, как им рты затыкать...

Выглянув предварительно в коридор, мимолетно удивился про себя. Даже странно, что мои дорогие родственницы снизошли до того, чтобы звонить в дверь, а не вперлись телепортом прямо в комнату, никого не спрашивая. Уж больно вид у них взъерошенный и грозный, будто на охоту собрались.

— Дорогая, кто там пришел? — ележно выдал я Аиде, выходя клановым мегерам навстречу и слегка покачивая на руках личинку жнеца. Я уже заметил, что мелкому это очень нравилось. — Малыша, наверное, уложить надо.

О да... Я прям галактический кайф словил, смотря на эти офигевшие рожи. Не ожидали? И хорошо, от шока молчать больше будете, лишнего не ляпнете.

— О... Матушка? Бабушка? Как неожиданно! — И улыбнулся им во все тридцать зубов и два клыка, соорудив максимально невинные глаза. У главы сразу задергалось веко, а дежурная маска пошла трещинами. Что, неужели опять орать собирается? И это меня еще психопатом называют.

— Мордред?! — не выдержала мать.

— Познакомься, мама, это моя... жена. И наш сын, — продолжил переть напролом, закрывая собой Аиду.

«И мой Мастер», — отправил обеим мегерам по мыслесвязи.

Глава 19

Аида:

Я сначала испугалась, что это Анькин «муж» дождался, пока полиция уедет, и заявился отношения выяснять. Ну честно, сил уже никаких не осталось с ним скандалить. Я так рьяно воевала за то, чтобы вернуть себе племянника, что совершенно выпустила из вида одну очень важную вещь. А что потом я буду с этим племянником делать?!

Да я в жизни с такими маленькими детьми дела не имела. Даже в детстве в куклы не играла, у меня любимая машинка была на радиоуправлении и плюшевый муравьед — папа из загранкомандировки привез.

Нет, понятно, я не окончательная идиотка и как-то планировала свою дальнейшую жизнь с учетом маленького ребенка в доме. Но я сразу предполагала нанять Ваське хорошую няню с проживанием — это дорого, но деньги у меня есть, в конце концов.

Только вот няню я собиралась все же нанимать не прямо сегодня и желательно даже не в России, а уже во Франции. Ага, умница такая... Ребенок — он уже вот он. До Франции не дождется.

Ладно, интернет нам с Мором в помощь, там полно информации об уходе за детьми. Но... все планы псу под хвост, а точнее, Ваське под памперс, чтоб его.

Я как думала же? Вот мы дите у «аспидов» отбираем, вот родительская квартира возвращается к законным наследникам, вот я сажусь в самолет, вот счастливый и довольный Василий Владимирович на руках у невозмутимой и профессиональной французской няни у меня дома в пригороде Сен-Тропе.

Где-то в процессе должен был спокойно, по обоюдному согласию, «потеряться» фиктивный муж — потому что ни ему, ни мне не нужен лишний геморрой.

А теперь что?! А теперь я готова была вцепиться в парня обеими руками и взвыть в голос: «Только не уходи и не оставляй меня с ребенком одну-у-у-у!»

Потому что страшно же, блин! Он маленький, непонятный и все время орет. Кроме тех моментов, когда его нюхает гусь или держит на руках Мордред. А еще говорят, это у женщин «материнский инстинкт» и в подкорке инструкция прописана, как детей нянчить. Не знаю, или наврали, или я не женщина, потому что у меня нигде ничего прописано не было. А вот у моего фиктивного мужа что-то похожее на «успокоить ребенка одним своим присутствием» получалось, хотя он и кривил физиономию. Что, инстинкт адресом ошибся?

Ну, раз у него лучше выходит, я оставила ему Ваську и сбежала — открывать дверь. Выглянула в глазок — вдруг агрессоры и аспиды? Нет, вроде не они... и щелкнула замком.

— Добрый день, уважаемая... леди, — сказала стоявшая прямо посреди давно не отремонтированной лестничной площадки снежная королева. — Не будете ли вы так любезны позвать сюда моего внука?

Ее ослепительная элегантность и неземная красота настолько контрастировали с обшарпанными стенами и обитой старым потрескавшимся дерматином соседской дверью, что на пару секунд я потеряла дар речи. Даже не сразу заметила, что королева не одна, а со свитой. Такой же неуместно неземной.

— О... Матушка? Бабушка? Как неожиданно! — внезапно раздался приторно-сладкий голос фиктивного мужа.

Только сейчас я осознала, что снежная королева попросила позвать внука... Бабушка? Вот это — бабушка? М-да, хотела бы я так сохраниться в ее возрасте. Или она что, его мать в младенчестве родила? А та поддержала семейную традицию? Они обе выглядят моими ровесницами!

Машинально оглянувшись на голос, я обнаружила у себя за спиной Мордреда, походя отметила несомненное фамильное сходство с гостями и только потом узрела, что товарищ явился не один, а с гусем в арьергарде и Васькой на руках. Памперс неведомым чудом был уже правильно надет на ребенка, сам ребенок одной рукой вцепился в платиновые волосы своего носильщика (а тот даже не морщился!), другую сунул в рот и слюнявил с явным удовольствием. А гусь притаился за спиной парня и только осторожно вытягивал шею, посверкивая любопытным глазом.

— Мордред?! — удивленно вскрикнула одна из женщин сопровождения, делая шаг вперед.

— Познакомься, мама, это моя... жена. И наш сын. — Парень с гордостью продемонстрировал на вытянутых руках младенца, будто закрываясь им. Ребенок весело гугукнул и протянул тете обслюнявленный палец.

Вот теперь дар речи потеряли все, а не только я одна.

Первой пришла в себя старшая женщина, «бабушка» моего «мужа».

— Когда ты успел?! — рявкнула она вдруг совершенно не «элегантным» голосом. — Мордред?! — Затем женщина резко развернулась к своей чуточку более молодой копии — как я поняла, матери белобрысого сокровища — и вперила взгляд в нее. — Артурия?! Ты же говорила, что ребенок под контролем!

— Конечно! Я бы не пропустила такого... такого... Малышу где-то года два, — залепетала та. — Мы тогда были на Синей спирали, в резиденции, я его из рук не выпускала. Не мог он!

— Э-э, простите... — не могла не вмешаться я. — Но Васе всего пять месяцев.

Сама не знаю, зачем я это уточнила. Просто не удержалась — они что, сами не видят, что он еще совсем мелкий? Оно, конечно, может, и не важно... что там эти люди думают. Но сказанного не воротишь.

— Ой, ну посмотрите только на эти рожи! — внезапно заржал Мор, прижимая к себе также захихикавшего младенца. — Да приемный он, приемный. Но все равно уже мой. — Парень слегка подкинул Ваську в воздух и поймал, отчего детский смех стал громче. — И вообще... познакомились? Вот и отлично. До свидания! Я теперь вполне свободное от клана Ору... свободный игрок. Все формальности соблюдены!

— Так, — ледяная спокойная интонация вернулась к снежной королеве, из чего я сделала вывод, что ее не так просто сбить с толку даже внезапным размножением внуков. — Во-первых, вы разрешите войти? — обратилась она ко мне, и я, естественно, кивнула, проигнорировав едва слышное шипение на заднем плане. — Спасибо, леди... простите, не знаю вашего имени.

— Эм... Мадемуа... м-м-м... мадам Веро, Аида Веро. — Я вовремя вспомнила, что уже, собсна, никакая не мадемуазель, а вполне себе замужняя дама. И раз в ход пошли английские «леди» — то чего бы не французские «мадам»?

— Виктория Умбрайя, приятно с вами познакомиться. Я глава клана и бабушка юноши, которого вы забрали себе, — очень странно выразилась женщина. Возможно, у нее были такие же проблемы, как у самого Мордреда, с трактовкой явлений на других языках. — Мне хотелось бы все же подробнее побеседовать с...

— Ладно, уговорили, — вмешался вдруг Мор, подошел и сунул мне в руки племянника. А потом подопнул в мою сторону гуся. — Но ребенок устал, и ему пора спать. Дорогая, уложишь малыша? Я пока объяснюсь с родственниками.

Глава 20

Мордред:

— Ну, чем вы теперь недовольны, сиятельная глава клана? — с насмешкой выдал я, плотнее прикрывая дверь в местную миниатюрную столовую. — Я пристроен, крышей не еду. Что еще для счастья надо? И заметьте: за десять минут никакого мата. Так с какой ржи вы еще здесь?! — все же сорвался я.

— Она дикарка? — быстро догадалась глава. Тьфу, догадливая карга, чтоб ее. — Иначе тебе не удалось бы так просто выставить ее вон, чтобы она не услышала нашего разговора.

— И че? — выдал я самый титановый аргумент. — И кстати, сейчас это выражение упоминать нельзя. Этим многочисленным бастардам сам Прародитель жо... Ржа! Это же не матерное ругательство! Зар-раза... Нижний мозг лижет и по Мастерам пристраивает.

— Мордред! — снова не выдержала матушка.

— Вы еще скажите, что это не так. Такими темпами скоро за права иномирных сущностей будут ратовать больше, чем за клановых жнецов, — продолжал я поливать родственников словесным потоком, отвлекая от основной темы. — Ах, да-а-а... уже ратуют. Швей-то у нас на вес золота, да?! Скоро будем в ножках у них валяться. О-о-ой, так уже ж!

— Ты когда-нибудь закроешь свой поганый рот? — Вот это да... Впервые в жизни, ржа, слышу голос дедушки! Я реально думал, что этому Мечу давно лоботомию сделали и рот зашили. А он скрипит еще, старый хре...

— Простите, леди. — Здоровенный фирменно белобрысый дедуля учтиво поклонился сначала бабушке, потом матери и продолжил нести такое, от чего я сам едва не оржавел: — Я прошу прощения за неподобающие действия и, возможно, неуместную инициативу... но я ему сейчас рукоять вправлю, а потом буду готов принять любое наказание от своей леди.

И, не дожидаясь, пока совершенно оржавевшая бабулька (по ее ледяной физиономии почти незаметно было, насколько она выбита из

колеи, но я-то свою родню знаю как облувленную) его остановит, шагнул ко мне и сгреб меня за шиворот здоровенной ручищей. Точнее, попытался сгрести.

— Слушай, ба, твоя оглобля совсем спятила. Скажи ему уже «к ноге». — Я еще раз увернулся от захвата, что в этом ужасно узком помещении было той еще морокой. — Ты молчал двести лет, так и продолжай. Как будто кого-то интересует мнение тупого придатка.

— Заткнись, ржавенок, — сквозь зубы приказал дед, таки поймав меня за воротник рубашки. — Еще раз посмеешь оскорбить мою леди — и я тебе лезвие в спираль скручу, не посмотрю на то, что ты мой родной внук. Или посмотрю и скручу еще раз, в другую сторону!

— Признавайся, его швея укусила. — Чтобы не разнести комнату и не наделать шума, на который могла примчаться «моя» Мастер, пришлось прекратить сопротивление. Тем более что дед меня пару раз встряхнул и дальше пока не продвинулся. Но и воротник не отпустил, маразматик ржавый. — Эти Ивановы заразные, не иначе. Распространяют вирус неадекватности. Засуньте старика в медеску.

— Ланселот, оставь его. — Наконец-то! Проснувшись, бабуля. — Ты же знаешь, юнцу нельзя волноваться. Мы поступим по-другому. Мордред, сейчас же...

— Э, нет! — Воспользовавшись тем, что дед не посмел послушаться, я освободил воротник и мгновенно отскочил подальше. — Ничего у вас не выйдет. Я больше не ваша собственность. У меня есть свой Мастер. И без ее согласия...

— Что-то я не заметила следов привязки. — Мамин голос звучал абсолютно безэмоционально и чуть холодновато. Зная ее, я с ходу определил, что она уже не просто в бешенстве. Еще немного — и даже мне, «нестабильному больному ребеночку», может не поздоровиться. Всего раз в жизни я ее до такого состояния довел, и результат мне не понравился. Две недели сидеть было больно... Э-э-э... нет, сейчас так не выйдет.

— Ну так не все ж сразу. Сами угадали, она у меня дикая, необученная, необъезж... кхм, в общем, — я сделал вид, что успокоился, и даже примерил мирное выражение лица, — любовь случилась нежданно, да и не мог я ее бросить одну, такую потерянную и жалкую в том храме. Бедняжка плакала, что без спутника не может

забрать к себе маленькое Оружие, которое умирало без подпитки скверны, — слегка сгустил я краски.

— То есть ты настаиваешь, что эта аборигенка с кровью жнеца все же станет твоим Мастером и ты полностью добровольно переходишь под ее юрисдикцию уже сейчас? — Вот не нравится мне мамин голос. Она у меня доставучая и вообще задолбала, но... во-первых, все же мать. Я ее даже люблю где-то... где-то в глубине души. Пока она не пытается удушить меня в объятьях или контролировать каждый ржавый вздох. А во-вторых, что она задумала?!

— Настаиваю. — И улыбку понаглее. Потому что внезапно стало страшновато, но я лучше ржой рассыплюсь, чем это покажу.

— Отлично. В таком случае клан Умбрайя снимает с себя ответственность за твое существование, обеспечение... и здоровье.

Что?! То есть мне сейчас вот резко сказали: подыхай на здоровье?! Проща любовь и ржой рассыпались кубы? Не зря я презирал их столько вре...

— Ровно до тех пор, пока твоя привязанная леди не достигнет нужного уровня, не зарегистрируется в призме и сама не явится в резиденцию Умбрайя, чтобы представиться как положено и войти в союз кланов, — все тем же ледяным тоном продолжила маменька. А... не, кажись, не совсем рассыпались. Но тоже не куб скверны. Типа, раз такой умный — побарахтайся, а мы посмотрим, как скоро с повинной приползешь. Чтоб вас всех передалило да приплющило. Не дождетесь!

По ходу, даже бабка оржавела от такого поворота. А я глянул матери в глаза и понял: можно себя поздравить, допек. Она не блефует. Сама сдохнет, если со мной что случится, но не отступится. Вот ржа! Как не вовремя у нее мозги проснулись и материнский инстинкт притупился.

Но я тоже не Скрепка с отбросов спирали. Так, да? Хорошо.

— Понятно, — задумчиво кивнул я, не выказывая даже крохи паники. — В таком случае больше не задерживаю уважаемых леди и лордов! Кажется, я уже это вам говорил... Хм, да свалите уже!

Закрыл дверь я с широченной улыбкой, практически оскалом на всю рожу. И смачно так закрыл, настолько, что с потолка на меня свалилось несколько белых хлопьев. Но как только родственнички пропали из поля зрения, прикрыл глаза и судорожно вздохнул. Достали. Бесят-бесят-бесят-бе...

— Га-ха, — раздался сзади голос сэвена, и в бедро прилетел смачный щипок вместе с порцией скверны.

— Как только я заполучу тебе альтернативу, я зажарю тебя живьем на медленном огне и с упоением сожру, — констатировал я факт гусю очень добрым и нежным голосом. Ганс фыркнул и потопал в комнату, где уже раздавался звонкий плач мелкого Оружия.

А все же мне удалось! Аида, как честная девочка, не подслушивала и вообще так и не поговорила с родственничками. Значит, всю нужную информацию о призме, скверне и связи Мастеров и Оружий может получить только от меня. А я уж постараюсь... преподнести все в нужном ключе. Улыбка снова вернулась на мое лицо, и я уверенным шагом пошел «спасать» своего Мастера от младенца.

Глава 21

— Что, твои родственники уже ушли? — вполголоса с любопытством спросила Аида, стараясь не шевелиться: кажется, крикливая маленькая подковка наконец уснула. В смысле — уснул. На коленях у Мастера, вцепившись крохотными, но ужасно цепкими пальцами (на своих волосах испробовал) в пух на шее моего сэвена. Тому пришлось стоять неподвижно и помалкивать, чтобы не оказаться оципанным налысо — хоть что-то приятное...

— Свалили, будь они неладны. Даже твоего вмешательства не понадобилось, — зевнул я в кулак. Все-таки концерты перед родственниками меня изрядно выматывали. Зато отставали дражайшие соклановцы намного быстрее, постоянно все списывая на мои болячки. С сумасшедшего взятки гладки.

— А откуда им стал известен мой адрес? — спокойно спросила девушка. Мгм, начина-а-ается. Вот почему она не круглая дурочка, которой было бы легко навешать фантастической лапши на уши? Хотя в любом случае для жнецов обмануть аборигена — что куб сожрать, легкотня.

— Не знаю. — Я изо всех сил сделал искренние глаза. — Скорее всего, проследили по... эм... Как это там? Геолокации.

— Ты же сегодня без телефона, — мило улыбнулась эта аборигенка, кося под следователя из департамента хранителей.

— Зато с эксклюзивными эпл-вотч. — Я удачно вспомнил название здешнего примитивного аналога моего браслета, даже ткнул пальцем в запястье для наглядности. И прикусил губу от досады, увидев в глазах Мастера легкую насмешку. Тц, не прокатило. Ну что ей стоило просто кивнуть и промолчать, глупая аборигенка. То есть излишне смышленная... к великому сожалению. Надо было другую поискать.

— Знаешь, я, конечно, была сильно увлечена своими проблемами, но это не значит, что я ослепла и оглохла. — Аида очень аккуратно переложила хныкнувшего, но не проснувшегося ржавенка на подушку и обернулась ко мне с загадочной улыбкой на лице. — Эта твоя штука на руке — все что угодно, только не эпл, — мило прощebetала она. —

Я только не могу понять, зачем ты врешь-то, я ж не святая инквизиция и не Дана Скалли из секретного отдела ФБР, я разоблачением пришельцев не занимаюсь.

— Ой, ну хорошо. — Я едва удержался, чтобы не прикрыть лицо ладонью, изобразив смирение перед глупостью аборигенов. Выпрямился и подобающим тоном поведал: — Я — высшее существо, в истории вашего захолустного мирка известное как Смерть. В том храме я заметил, что в тебе течет кровь моего рода, пусть и сильно разбавленная, и решил познакомиться, заодно и найти себе спутника для совместного сбора и очищения душ. Я лично обучу тебя всему, что тре...

Она какое-то время внимательно слушала, как я распинаяюсь, а потом протянула руку и... ржа!

— Ты что?! — Я даже отпрыгнул в сторону и схватился за то место, куда эта ненормальная меня ущипнула.

— Действует, — удовлетворенно кивнула Аида, обращаясь почему-то к гусю. — Сразу обратно на человека стал похож. А то я уже думала, что сейчас костюмчик треснет и все тараканы наружу вылезут, вещать про то, какая они высшая раса.

— Не веришь? — хмыкнул я. — Ну не верь. Тебе же... даже не знаю, лучше или хуже. — И я действительно над этим задумался. На секунду.

— Почему не верю? — Она встала и подошла вплотную. Мы оказались почти одного роста. Я, естественно, выше, но ей особо не пришлось тянуться, чтобы посмотреть мне прямо в глаза. — Я уже сказала, что не слепая и не глухая. А странностей у тебя столько, что Штирлиц в буденовке и с парашютом на заднице рядом с тобой — гений маскировки.

— Не знаю, о чем ты. Какие-то странные аборигенские сравнения. В любом случае я должен тебе сообщить, что с этого момента ты принадлежишь мне, потому что я тебя избрал. И даже представил своей семье как своего будущего Мастера, — решил я снова вбить в голову дикарки немного здравого смысла и субординации. — Они тебя, полукровку, конечно, не одобрили, и мне пришлось...

— Да слышала я, — вздохнула девушка.

— Слышала?! — Я почувствовал, как мои брови сошлись на переносице. Похоже, кому-то надо укоротить нос. Чуть позже.

— Подслушала, — как ни в чем не бывало призналась ржавая притворщица. - Я, понимаешь ли, впервые в жизни увидела бабушку, которая выглядит ровесницей внука. И собственной дочери. Слишком уж любопытно стало.

Мгм. Я наивно считал, что ее врожденная воспитанность не позволит ей провернуть столь хитроумный трюк. И ошибся. Даже не знаю... негодовать по этому поводу или порадоваться, что в будущем это ее качество может мне пригодиться. Главное, любыми доступными способами отучить девчонку обращать его против меня! Но сейчас мне нужно понять, как много лишнего она смогла уяснить из разговора. Потому еще немного притворимся добрыми и всепрощающими. Пусть распинается, я послушаю.

— А потом сбегала на балкон и посмотрела: эта твоя снежнокаменная родня испарилась еще на лестнице или даже у самой двери в квартиру, потому что из парадной они не выходили. Поскольку вертолетов на крыше не было слышно, значит, убыли они как-то иначе. Как? И кстати, насчет моей тебе принадлежности и всего вот этого... может, объяснишь, что оно все значит?

А еще Аида демонстративно покосилась на газету в углу комнаты. В самом начале я не понял, зачем она ее туда постелила, но Аида мельком объяснила, что для гуся и его туалетных дел. Так вот газета до сих пор чистая, и намек стал ясен: живые представители данного вида гусей... кхм... ну видел я, короче, этих тварей там, где меня приговорили к каторжным работам на хозяйстве аборигенов, и прекрасно осведомлен об их привычке гадить везде и повсюду почти, ржа, безостановочно. Наблюдательная, значит...

Мое всепрощение, пусть и притворное, куда-то испарилось. Я слегка прикрыл глаза и подумал: если я сейчас возьму и вместо увещаний и объяснений обернусь перед ней в посох, она все еще сохранит это самодовольное выражение лица? Да, мне безумно хочется ошарашить, ошеломить и вывести эту аборигенку из себя. И я впервые не могу точно охарактеризовать это ощущение... Она меня бесит? Она меня... возбуждает? Тем не менее мне реально нравится этот коктейль, и я хочу больше...

— Лови! — оскалился я и мгновенно перешел в оружейную форму. Я хочу выпить все ее эмоции до дна и стереть с ее лица любой намек на самоуверенность и самодовольство.

— Твою мать! — Она действительно испугалась и едва успела шарахнуться в сторону, чтобы ей не прилетело моим навершием по лбу. Я уже приготовился грянуться о деревянный пол со всего размаху, это, конечно, неприятно, но стоило той эмоциональной бури.

Уже летя вниз, я вдруг подумал, что от грохота обязательно проснется мелкое и крикливое. Ржа, он ее отвлечет, и я не успею насладиться триумфом! Позже надо решить, как нивелировать препятствие, мешающее мне развлекаться.

Глава 22

Галахад:

— У меня здесь ионный душ, но им я тебе позже покажу, как пользоваться. Вот тут ванна на воде, тебе... вам такая будет привычней. Надо поставить температуру вот здесь. На сенсорной панели выбираешь... — Я чуть запнулся, потом вспомнил: — Первую порцию скверны вы уже усвоили от Кабато, и глава клана активировала минимальные способности, так что читать знаки вы умеете, но... — с сомнением посмотрел на Алико, пытаясь понять, знает ли она такое понятие, как температура воды. Вроде элементарное, но фиг этих аборигенов разберешь. — Ладно, позовешь меня, я отрегулирую. Ты рукой попробуешь, какая нужна бу...

— До того как мои родители погибли, мы жили в городе, — совсем тихо сказала девушка, не поднимая на меня глаз. — Я знаю, что такое температура воды, спасибо...

Я в который раз вспомнил сильную руку на своем плече, уверенный голос, произносящий те самые слова, и опять усомнился — мне точно все это не приснилось?

Особенно учитывая то, что случилось потом...

— Значит, вы нашли ему Мастера, — удовлетворенно заявила глава клана леди Виктория, даже не глядя на меня и обращаясь к леди Гиттиннэвыт. — Что же, спасибо. Мы на это и рассчитывали.

Я буквально онемел и вообще примерз к месту. То есть меня никто и не спрашивает? Хотя... чему я удивляюсь? С какой стати-то спрашивать. Но...

— Сам справился, — как всегда невозмутимо, улыбнулась древняя.

— Процент совместимости удовлетворительный. Но силы почти не развиты, и кровь очень разбавлена, — тем временем констатировала леди Виктория, с легким любопытством разглядывая смущенную Алико и обходя ее по кругу. Как только та получила четкий ответ, что меня ни в чем не винят и не собираются наказывать, тут же выдохнула и... стала собой. Робкой и тихой дикаркой.

— Что ж, Галахад. В твоём пребывании на Земле больше нет нужды. Отправляйся в резиденцию клана. В твои обязанности отныне входит оберегать своего Мастера и обучать всему, что подобает леди из семьи Умбрайя. Иди. Ритуал привязки вы осуществите в клане после подобающей церемонии.

После такого я смог только еще раз молча поклониться. С одной стороны, хорошо, что буря миновала и меня не обвинили в пропаже «бедного больного мальчика», который, ржа, вовсе не пропал, просто загулял. Его уже отследили. С другой, такое отношение явно показывало: от меня ничего не ждали. И то, что я не справился с задачей, все приняли вполне «понимающе» и решили, что это было «более чем ожидаемо», а то и вовсе «естественно».

— Тебя обучали на боевое Оружие, а не на шпиона или няньку, — устало улыбнулась мне тогда Мастер Артурия, явно успокоившись после того, как кто-то из Ивановых узнал, где шляется ее несчастье. — А Мордред всегда был себе на уме и талантлив не в меру... там, где не надо. Ты не представляешь, сколько раз он сбегал от меня. А пару раз и вовсе смог обставить нашу систему безопасности. Его б мозги да в нужное русло...

Звучало так, будто у меня мозгов никогда и в помине не было. И тем не менее даже у себя в мыслях я не мог ей возразить — я действительно не справился. Ни с чем не справился.

— Тем более в тот момент, когда ты встретил своего Мастера, — добила вдруг меня леди Виктория. — Естественно, ты не мог отвлечься на что-либо другое.

Да вашу ржу! С чего они все решили, что меня тут прародителем ударило и сразу в голове осталась лишь одна извилина, и та прямая?! Как в детских сказках, пришел-увидел-привязался, остальное не важно?!

Да не было ничего подобного, я вообще ни о чем таком не думал! Я вспоминал о Мордред и о своем долге, но ржавые Ивановы будто специально забивали мне весь ментал множеством несущественных проблем и вопросов! А потом... а потом. Нет, все-таки я сам виноват. Позволил себе отвлечься на примитивные дикарские ритуалы, или что это было, с костром и лепешками?

А еще, если уж признаться честно самому себе... не о таком Мастере я мечтал эти сотни лет. Пусть и говорил, что приму любого...

Я всегда был сокровищем клана Умбрайя, я был лучшим! И бесконечно долго ждал, что меня оценит по-настоящему сильный, прославленный, опытный Мастер. Или даже пусть молодой и еще не снискавший известности, но обладающий выдающимися способностями.

И теперь то, что меня отдали первой попавшейся дикарке... спокойно и буднично, словно так и надо. Словно я не гоюсь ни на что большее. Сломанный клинок, не забросили на склад — и то спасибо.

— И не вздумай стирать мои носки или штаны... да и вообще любые вещи, в этой воде, — чуть резче, чем хотел, высказал я девчонке. — Здесь не ваши горы и не дикое стойбище. Нет необходимости прислуживать. За тебя все сделают дроиды и техника, причем во много раз лучше и искуснее.

На секунду она подняла на меня глаза, и, ржа побери, я чуть не провалился сквозь пол. А потом сразу разозлился. Я еще никогда и ни к кому не испытывал таких сложных и интенсивных эмоций. В основном отрицательных! С какой стати вот теперь я чувствую себя подонком, пнувшим раненого цвирка?

— Надо тебя еще целителям показать, — угодив в мысленный и эмоциональный тупик, я уже привычно перевел тему. — Руки вылечить, да и... прививки!

— Арряу? — напомнил о себе с кресла (моего, ржа, кресла!) во всю пасть зевнувший меховой клубок. Мало мне было Мастера-дикарки, теперь в моей комнате будет жить еще и собака. Ну и что, что сэвен. Все равно — живая псина. Ест как псина, пахнет как псина и даже в туалет ходит... Меня терзают смутные сомнения, что это далеко не «специфический передвижной куб», а обычный пес. Но с какой стати Ивановы стали бы меня обманывать? Плюс ко всему гавкающее недоразумение исправно выделяло и поглощало скверну, полностью выполняя функции сэвена.

— Тебе к целителям не надо, — рыкнул я на него. — Можешь не вилять хвостом. Только попробуй углы пометить, увидишь, что будет!

— Я выведу его гулять, сколько раз будет нужно, — вмешалась вдруг Алико, быстро подходя к креслу и заслоняя псину собой. И ржа меня побери, я уже ничего не понимаю. А несчастный раненый зверек куда делся?! Голос вдруг прямо резко окреп!

— Лучше купить ему специальный обучающий ошейник,— скрывая раздражение, тяжело вздохнул я. — Я попрошу управляющего организовать дополнительные помещения для питомца. Электрическими импульсами ошейник обучит его, куда можно ходить справлять нужду, заставит вовремя посещать стерилизатор и не позволит грызть мебель.

— Спасибо... но не надо, мы постараемся не доставлять хлопот...

У нее что, где-то внутри переключатель режимов? Как она умудряется это делать, а главное, почему?

— Галахад! — Дверь в мои комнаты вдруг вспыхнула синим, обозначая запрос на вход, и на встроенном экране отобразился тот, кого я меньше всего сейчас хотел бы видеть.

Глава 23

— Приветствую, Кайдэн, — сделав как можно более безразличный вид, открыл я проход в собственные покои. На пороге стоял такой же светловолосый, как все Умбрайя, высокий худощавый парень. Чуть более худощавый, чем его ровесники и братья по клану. Для Рапир вообще не свойственно набирать мышечную массу, их главные качества — это скорость, острота и легкость.

— Что привело тебя ко мне? — решил я сразу разложить все мечи по ножнам. Говорить с этим самоуверенным юнцом из побочной семьи не было ни времени, ни желания.

— Пришел лично принести свои поздравления, Галахад, — расплылся тот в дежурной улыбке. — Говорят, тебя, наконец, нашла твоя... великая судьба.

Кто бы сомневался, что этот изворотливый, как цвирк под лазером, парень первым делом вперит взгляд в Алико. Нет, он не смотрел на нее пристально и долго, это было бы наглостью, не принятой в клане. Но одного взгляда на девчонку, которую я так и не успел переодеть в приличные одежды, хватило, чтобы в глазах моего вечного соперника загорелись искры насмешливого торжества.

Моим «первым и непримиримым соперником» он называл себя сам, и наше «противостояние» тоже существовало только в его воображении. Я же никогда не считал возможным соперничать с Оружиями своего клана. А еще я был лучшим. Просто был. Но оттого мое раздражение не сильно уменьшалось: желающий обойти меня во всем юнец оказался слишком... навязчивым в этом стремлении.

Кайдэн всегда был вторым после меня, и я не мог не признать, что он хорош. Даже то, что он младше на двадцать лет, не мешало ему идти за мной по пятам с должным упорством. И все бы отлично, еще одно высокоранговое Оружие клану не помешает. И если б он остановился на самосовершенствовании, я был бы только рад.

Но вместе с упорством и огромной работоспособностью этот... мальчишка обладал непрошибаемым самомнением, а также непонятной мне манией вечно цепляться ко мне в попытках вывести из себя. Здоровое соревнование все же в некоторых ситуациях прекрасно,

но не когда оппонент всячески пытается облить тебя помоями в глазах окружающих.

— Спасибо за поздравления, — я был предельно сух, но корректен. — Еще что-то?

— Ты не представишь меня Мастеру? — все та же насмешка в глазах и болезненный укол-напоминание: я уже отступил от протокола, не совершив обряд знакомства.

— Мастер Алико, — обернулся я к девушке. — Позвольте познакомить вас с одним из воспитанников нашего клана. Кайден Умбрайя, Оружие из побочной семьи, Рапира типа паппенхаймер.

Алико бросила на меня один быстрый взгляд, и я уловил в нем легкую панику. И сам едва удержался от гримасы. Она не умела отвечать правильно. Не знала стандартных протокольных фраз.

Конечно, это не ее вина, да и я просто не успел так быстро все рассказать и объяснить... но от этого ситуация не становилась менее унижительной.

Кайден же буквально расцвел. Хотя на его лице сохранилась приличествующая вежливая улыбка, глаза так и горели огнем нечистых кузниц.

— К вашим услугам, леди. Думаю, ваш... Клинок слишком ошеломлен свалившимся на него счастьем и потому так легко допускает бестактность, ограничившись личным именем Мастера и не назвав имя вашего клана.

Ах ты... ржавый гвоздь! Это уже не намек, это прямой удар в незащищенное место. Как будто он еще не слышал, что Алико из аборигенов! Нет, прекрасно это знает и вполне не прочь со вкусом потоптаться по ситуации «лучший Меч клана достался дикарке без роду без племени».

— Мастер Элен прислала меня передать вам, — обратился он к девушке, напрочь игнорируя меня, — что вы немного задержались. Жаждающие знакомства с новым членом клана уже собрались в малом зале для неофициального представления. — Выждав паузу, во время которой Алико молчала (прародители благослови ее хотя бы за то, что не ляпнула глупость и не начала извиняться за все подряд), а я мог только глотать воздух, пытаясь побороть гневный спазм, перехвативший горло, Кайден удовлетворенно продолжил: — Я провожу вас.

— Ожидай за дверью, — сквозь зубы процедил я и мгновенно закрыл перед носом у возмущенной Рапиры дверь. Даже этикет почти не нарушил, Мастерам всегда требуется пара минут на сборы. Так, ржа... да не успеет она переодеться, и не во что ей. Я только недавно отправил ИД клана заказ, он еще не обработан. Надо было покупать на свои личные сбережения...

Лихорадочно оглядевшись, я сделал единственное, до чего додумался, — накинул ей на плечи свой плащ. Все лохмотья не прикрыть, но хоть что-то.

А потом мы так же молча вышли из покоев и отправились навстречу судьбе. Кто бы сомневался, что ржавый гвоздь так и ждал нас прямо за дверью и тут же пристроился в хвост...

— Мы идем знакомиться с твоей семьей? — слышался быстрый шепот у левого плеча, и я чуть обернулся, чтобы посмотреть на идущую рядом девушку, поневоле отвлекаясь от тяжелых мыслей о предстоящем публичном унижении.

— С кланом, — поправил я. — В клане одна главная семья и несколько побочных. Есть еще вассальные... но тебе позволено не знать эту информацию, не забивай себе голову, — решил я все же не грузить Алико. За десять минут научиться чему-то нереально, только еще больше запутается.

— Я плохо одета и не знаю ваших обычаев? — прозвучало как вопрос, но на самом деле она не спрашивала, а констатировала факт.

— Да, — не стал увиливать я. Ложь вообще мне не свойственна, тем более... тем более нам теперь делить вечность.

— Твой родственник хочет унижить тебя, показав, что я... — Она запнулась, подбирая слова.

— Да, — в третий раз мрачно подтвердил я. Мне было жаль, что она это поняла, но более всего жгло, что я не мог ничего исправить.

— Я поняла. — Тонкие пальцы вдруг легли мне на локоть и чуть сжались. — Я... постараюсь не подвести тебя.

— Да. — Вот тут я не смог сдержать горькой усмешки. Постарается она... Ее вины во всем происходящем нет, но что теперь исправишь, когда мы уже почти на пороге малого зала для семейных встреч? А Кайдэн вышагивает в трех шагах позади нас, такой самодовольный и предвкушающий.

Что вообще она может сделать, чтобы исправить ситуа...

Мой локоть снова чуть сжали, я скосил глаза и едва не задохнулся.

В прошлый раз я был слишком ошеломлен и успел только оценить результат. И то не до конца. А сейчас прямо на моих глазах происходящая метаморфоза заворожила настолько, что даже дыхание сбилось.

Алико шла рядом, и с каждым шагом ее походка становилась все мягче и плавнее, а спина прямее. Она чуть прикрыла глаза, и с лица, словно вода с мраморной маски, стекли все лишние эмоции, оставляя только безмятежное спокойствие. Не то спокойствие, которое холодило лица наших Мастеров, а что-то такое мягкое, приветливое и уютное, как зеленая лужайка на берегу горной речки или солнечный зайчик с утра на соседней подушке. Но за всем этим чувствовалось еще что-то более... фундаментальное и незыблемое. Именно это «что-то» завораживало, как неясная тень в глубине темного пруда.

Я не понял, как просто миленькое личико могло так быстро стать образцом пусть и экзотической по меркам нашего клана, но несомненной красоты. Даже эти несуразные лохмотья, в которые она была одета, вдруг перестали казаться настолько жалкими. Поневоле вспомнилась поговорка «Ценность клинка не зависит от богатства ножен». Я впервые своими глазами увидел живой пример верности этого высказывания.

Двери малого зала распахнулись, и мы вошли.

Глава 24

— Я приветствую всех собравшихся и благодарю за потраченное на нас время. — Я неглубоко поклонился небольшой толпе родственников. Здесь практически не было представителей основной семьи. Глава с Мастером Артурией и свитой отправились вылавливать гаденыша Мордредра. А потому надобность в коленопреклонении отпала.

— Не на вас, а на твоего будущего Мастера, — шепотом хмыкнул за плечом Кайдена, тоже изобразив поклон. — Хватит уже говорить за нее, будь хорошей оглоблей и тихо мерзни в уголочке.

— Я приветствую всех собравшихся и благодарю за потраченное на нас время. Меня зовут Алико Джвария. Рада видеть свою новую семью, — вышла из-за моей спины девушка.

Я вздохнул с явным облегчением. Это... правильно.

Алико догадалась повторить за мной слова вежливости, даже импровизация в конце вполне укладывается в рамки приличий. Все равно всем сразу видно, что девушка не из призмы, притворяться и судорожно пытаться угадать точную формулировку приветствия нет смысла. Только выставишь себя на посмеище.

А еще мне очень понравились эти уверенные спокойные интонации с нотками доброжелательной приветливости и чувства собственного достоинства.

Всегда бы так, потому что бление жертвенной овечки на самом деле порядком раздражает, когда понимаешь, что человек вполне способен разговаривать нормально.

Что ж, представление семье пошло явно не по тому сценарию, который ожидался Кайденом. В нашем клане не принято в открытую высказывать пренебрежение к Мастерам, пришедшим в семью со стороны, независимо от их происхождения.

Точнее... в глаза и на официальных церемониях не принято. А в личном общении бывает всякое, это даже такой «увалень», как я, понимает. И очень многое зависит именно от первого впечатления.

Потому тут я мог облегченно выдохнуть.

Правда, ненадолго. Потому что Кайден, явно досадуя на непредвиденный оборот, снова решил вмешаться. И сделал это вполне в духе своей сущности — внезапный стремительный укол вместо честного рубящего удара.

— Вы уже пытались сразаться Галахадом? Как вам сокровище нашего клана? Подошел по руке?

— Вполне. — Алико с достоинством кивнула, и ее ответ прозвучал по-прежнему безмятежно-приветливо. Как там говорили давным-давно в школе младших Оружий еще недостаточно воспитанные ученики? Врет и не краснеет?

— Не волнуйтесь, глава клана очень хвалила его за способность подстроиться под любого Мастера... который его, наконец, выберет. Хотя, конечно, тогда странно, что его так никто до вас и не выбрал, да? — У меня вдоль станового хребта скользнуло холодное лезвие — к чему этот гаденыш клонит?

Хотя чего долго гадать? Второму клинку клана, как всегда, не дает покоя мое первенство, хоть тут его умалить. Сокровище Умбрайя нашел совместимость не с лучшими Мастерами призмы, а с необученной девчонкой из самой дремучей дыры... Даже мне намек понятен, хотя я не люблю и не особенно умею играть в игры ядовитых шпилек.

— Я очень рада, что никто не выбрал. — Алико по-прежнему открыто улыбнулась в ответ на подколку, не опуская глаз и не выказывая ни малейшего признака смущения. — Ведь иначе он не смог бы стать моим.

Эм... хм... кхм.

Я как-то читал, что вот так вдруг раскрыться навстречу удару — это иногда означает обезоружить противника. Но раньше не мог полностью осознать, в чем смысл этого утверждения.

Кайден на мгновение замер, а остальные молодые Оружия, выстроившиеся вдоль стен напротив гораздо более короткой и редкой шеренги молодых Мастеров, не посмели, конечно, шушукаться, но... взглядами обмениваться им никто не запрещал.

— Я просто удивился, что у вас настолько большой процент соответствия. — Кайден если и растерялся, то показывать этого не хотел. — Немного странно. Обычно уровень родовитости и подготовки Оружия очень влияет на то, какой Мастер будет совместим с ним

душой. Галахад — гордость клана Умбрайя, лучший из лучших. Мы все ждали, что его Мастер будет...

— А кто вам сказал, что я не буду? — Алико вдруг улыбнулась не формальной вежливой улыбкой, а открыто и чуть лукаво. — Поживем — увидим.

А потом взяла и добавила, глядя Рапире прямо в глаза:

— Не грустите, молодой жнец. Ваша судьба тоже найдет вас рано или поздно. Я понимаю, что одиночество вас гнетет, но думаю, что скоро все изменится. Главное, постарайтесь не упустить свой шанс. Он может ждать вас в самом неожиданном месте.

Она была предельно вежлива и искренна, и, так как тренированные жнецы прекрасно умеют улавливать ментальный фон, если существо целенаправленно не закрывается, все это почувствовали. Я бы даже сказал — прочувствовали.

И именно эта искренность стала тем финальным ударом, который поставил точку в игре Кайдена. Твой враг тебе еще и от всей души сочувствует, что может быть унижительней? Лицо Рапиры слегка скривилось в непонятной мне гримасе, а в глазах мелькнуло очень странное выражение. В тот момент я не осознал, что оно значит.

Через несколько минут церемония знакомства с кланом закончилась и мы медленно шли по коридору обратно в мои покои. Что удивительно, этот говорливый гаденыш, как-то разом растерявший всю свою болтливость, все еще тащился позади нас. Вроде как сопровождал... хм. Это не было обязательным по протоколу, но считалось проявлением вежливости и особого расположения. Расположения?! Кайдена ко мне? Два раза хм.

Когда мы добрались до двери, я, как и положено, активировал входной портал и отступил на полшага, давая Алико войти первой. А сам на секунду замешкался, оглянувшись на Кайдена.

Именно в этот момент он шагнул ко мне почти вплотную, вперился горящим взглядом мне в лицо и прошипел:

— Даже не вздумай вообразить, что я тебе завидую, понял?!

Если бы меня веками не муштровали, приучая никогда и ни при каких обстоятельствах не показывать открыто эмоции, я бы открыл рот от изумления.

Потому что понял, что за выражение мелькнуло в глазах у самозванного «соперника».

Действительно ведь... завидует! И не вовсе месту и славе первого клинка, а...

Глава 25

Закрыв за собой дверь я со странным чувством удовлетворения. Конечно, я понимал, что подобная «победа» была слишком зыбкой и эфемерной, но тем не менее она... приятна. Кто ж знал, что, чтоб отвадить этого прилипалу, достаточно было лишь парочки искренне сочувствующих слов.

Кивнув сам себе, я быстро перевел взгляд на Алико. Мастера явно надо было подбодрить и поблагодарить, она хорошо справилась.

И тут меня ждал неприятный сюрприз. Это определенно уже начинает действовать на нервы. С какой ржи там в зале рядом со мной был Мастер, а стоило вернуться в комнату — и вместо сияющей женственности передо мной опять серая, забитая... я не знаю, как это назвать. Посредственность? Да даже Скрепка и та сделана из железа и прекрасно понимает, что она выше обычных смертных созданий. А тут на ум приходит только дурацкое название аборигенской домашней скотины. Конкретно — овца! А точнее, ягненок, покорный, серый и безынициативный.

Хотя про безынициативность я погорячился. Инициатива вполне присутствует, только вечно направлена куда-то не туда. Вот какой ржи она сейчас кинулась собирать собачью шерсть с кресла? Да еще с таким видом, словно я ее за это прибую?! А то я раньше не видел, что меховой клубок уделывает мое любимое покрывало, или питал иллюзии насчет того, что пакостная псина перестанет линять.

Я раздраженно нажал на кнопку на панели управления.

— Поддерживающая уборка при наличии длинношерстного питомца, — сменил я режим ботам. Из всех щелей повыскакивали механические уборщики и начали кружить по апартаментам.

И вот тут снова на какую-то секунду на место овцы вернулся нормальный Мастер. Я, как ни стыдно было даже себе в этом признаться, в са-а-амой глубине души лелеял позорное и абсолютно детско-мальчишеское желание увидеть, как она завизжит и бросится спасаться ко мне на руки. Ну хоть что-то же должно стряхнуть с нее эту прилипшую намертво овечью личину?

Стряхнул.

— Кхм. Это был... у вас это называется «пылесос». И он не собирався есть ни меня, ни тебя, ни твою собаку, — со вздохом констатировал я, глядя на расплющенного пачкой моих собственных конспектов робота-уборщика. Ржа. Ну, как минимум реакция у нее хорошая, это же плюс, да? Для будущих тренировок...

Да ржа все побери!

— Не смей! — Я резко дернул ее за руку, не давая перепуганной насмерть девчонке с причитанием опуститься на колени, чтобы тут же начать собирать детали от безвременно почившего робота. — Да прекрати же ты! Подумаешь, пылесос, их тут только в комнате несколько десятков! И конспекты старые, ничего с этой макулатурой не случилось. — Я отобрал у нее из трясущихся рук листы галогенной бумаги. — Ну хватит!

Я не знаю... точнее, знаю, что не должен так разговаривать с Мастером, не должен чувствовать такую злость и раздражение, но она... точнее, не она, а эти ее ржавые метаморфозы в овечку... они меня бесят!!!

Алико подняла на меня огромные глазища, полные такой невыразимой растерянности, паники и ужаса, что меня как током ударило. Да ржу вам все во все места!

Ничего другого не оставалось. Я все еще держал ее за локоть, причем достаточно... ну, крепко и, наверное, грубо. С Мастером так совершенно точно нельзя. А что делать? Вот за эту руку я и дернул девчонку на себя, так, что она буквально впечаталась мне в грудь, обнял и прижал, не давая даже трепыхнуться. Наверное, просто чтобы не видеть эти испуганные не по делу глаза и не позволить ей совершить очередную глупость...

Было дико непривычно, я сам толком даже не понимал, что и зачем делаю. Мозг отключился, остались какие-то невнятные инстинкты и интуиция.

— Тихо. Все хорошо, — шептал я какие-то глупости и слегка гладил девушку по голове. — Успокойся, никто тебя не обидит больше. Никто не ругается и не бьет, слышишь? Все хорошо...

Напряженное и тонкое тело (интересно, она же вкусно готовит, почему сама ни ржи не ест тогда? Все ребра наружу) в моих руках на пару секунд замерло, как маленький зверек в момент опасности.

А потом вдруг обмякло, и я тихо охнул про себя. Потому что... потому что еще никто и никогда так отчаянно и горько не рыдал у меня на груди.

Вокруг мерно жужжали роботы-уборщики, распространяя запах стерилизующих средств. Они тыкались в наши ноги, но Алико все рыдала в мою рубашку, судорожно вцепившись тонкими пальцами в отвороты, и уже ни на что не обращала внимания.

Даже на псину свою шерстистую, которая флегматично сползла с моего белого мягкого кресла и с ленивым интересом пыталась схватить пастью каждого робота, подобравшегося к собаке слишком близко.

Кабато это явно забавляло, всерьез он не боялся и агрессии не проявлял. Вообще этот пес был на редкость спокоен и полон чувства собственного достоинства. Почему, спрашивается, его хозяйка так не может?!

Кончилось все закономерно. Поскольку я терпеливо ждал, пока Алико наревется, и не пытался помешать, только обнимал покрепче, эта мелкая абори...хм, Мастер наплакалась до того, что потеряла способность просто стоять на своих ногах. Натурально: отпустишь — падает! Дурдом. Моя жизнь медленно и верно превращается в дурдом.

Мне пришлось на руках нести ее в ванную, раздевать (преодолевая слабое сопротивление. И рывкнуть же было нельзя, чтобы перестала за свои тряпки цепляться), собственноручно купать...

Ржа побери. У меня даже мыслей в сторону секса не возникло, хотя должно бы — это мой Мастер, она сама признала. Мы даже официально уже пара с одобрения главы.

Да вы смеетесь. Во-первых, это не женщина, а тощий птенец какой-то. Не тело, а сплошные локти, колени и ребра. Все острое и хрупкое. И в чем душа только держится? Во-вторых, она опять испугалась. Да так, что аж зубы застучали. В-третьих...

В-третьих, я вымыл ее как маленькую, завернул в свой собственный любимый купальный халат и отнес в кровать. В свою спальню. Сам я, похоже, сегодня переночую в гостиной. Идиотизм... Ну хоть псина в кои-то веки соизволила приползти к своей хозяйке под бок, утешать. Ржа с ней, с собачьей шерстью на простынях, зато они обнялись и уснули. Наконец-то!

У меня у самого уже колени подкашиваются. За все свои двести лет в клане я ни разу так не выкладывался, даже на самых жестких тренировках или рейдах.

Все, спать!

Еще бы мысли выключить... но тут как раз в помощь мне привычка к дисциплине и медитация сосредоточения.

А утром, когда я проснулся, меня ждал очередной сюрприз, чтоб его!

Глава 26

Мордред:

«Ну что сказать? Идеально, ржа!» — думал я, валяясь в виде посоха на диване. Не успел я получить достаточно удовольствия от ее испуга и того, как меня ловили, у моего недо-Мастера зазвонило местное средство связи. Успевшая-таки подхватить меня женщина просто-напросто уложила меня рядом с младенцем и упорхала «по делам» в виртуальную реальность. В смысле, на дите одним глазом косила, а вот на меня ноль внимания, полностью погрузилась в разговор. Реально, ять? У меня на нее просто матов не хватает! У тебя высшее существо в доме, которое способно тебе шею свернуть двумя пальцами, а твоему слюнявому придатку...

Слю... слюнявому?! Хватит меня облизывать, ты, выродок безродного толстого цвирка!

Меня чуть прямо в виде посоха не скрючило. Еще никто в мире не пытался меня так нагло и неприкрыто жрать. В прямом смысле слова! Этот мелкий гвоздь мало того, что напустил слюней в мое резное навершие, так еще и как минимум десятую долю куба высосал, пиявка. Бе-е-е, сейчас стошнит. Все, хватит с меня!

— Отвянь, гаденыш, чтоб тебя в черную дыру засосало и дезинтегрировало! — прошипел я, стирая потеки слюней уже со щеки. Мстительно так стирал, местной подушкой.

— Ня-а-а-ак, — радостно сказал гвозденек ржавый, которого мое превращение из оружия в человека ничуть не смутило. Поскольку я все еще полулежал на диване, а эта пиявка оказалась у меня на груди, ему ничто не помешало подтянуться на хлипких ручонках и сладострастно облизать мне нос.

— Ржа-а-а-а... — на выдохе простонал я. — Пр-рибью...

И мало мне было одного издевательства, так еще и белый пернатый скот вдруг взгромоздился на диван и положил свою клювастую башку мне на плечо.

— Фа-га, — заявил он, внимательно разглядывая композицию.

— Только посмей! — прошипел я вне себя от злости, и, естественно, меня тут же ущипнули. Хорошо хоть, не больно, а скорее

скверно. В смысле — перелили порцию очищенной скверны.

— Иди в задницу, сволочь пернатая, — от души пожелал я сэвену. — Какой ржи ты меня щипаешь? Лучше корми этого цвирка! Пока он меня не сожрал! — шипел я на грани слышимости.

В это время на нас снова обернулась заболтавшаяся Аида и, увидев эту «умилительную» композицию, улыбнулась и продолжила трещать с кем-то на одном из местных языков. На французском, вспомнил. Кажется, что-то про крайние сроки, волчью шкуру и модель для часов. Все слова я понял, но смысла ни капли не уловил. И опять разозлился — какой ржи она треплется, а не спасает меня от младенца и младенца от меня?! Да и вообще, как! Она! Может! Меня! Игнорировать!

— Ты не видишь, что ребенок голодный?! — я не выдержал и громко сказал это вслух по-французски, обвиняюще ткнув в ее сторону писклявым младенцем. — Какая же из тебя мать? Зачем вообще мелкого забирала, раз заботиться не собираешься?

Аида, не прерывая разговора, приподняла одну бровь, подошла поближе и схватила меня за предплечье, потащив куда-то. Как оказалось, в крошечную норку с примитивным кухонным оборудованием. Там она, все еще разговаривая на непонятно-отвлеченные темы, быстро открыла дверцу допотопного шкафчика и выудила оттуда яркую коробку с детским питанием. Мы его вместе же и покупали...

Потом эта вконец обнаглевшая девица по очереди красноречиво ткнула пальцем в инструкцию на упаковке, в стоящую на столе бутылочку с соской (я уже видел, как этим пользоваться, и даже узнал название), в древнюю плиту с открытым огнем и наконец в младенца. Улыбнулась мне сладко-сладко и явно сочла свои материнские обязанности выполненными...

— Знаешь, мелкий, — приподнял я за шкурку попискивающего младенца и любовался на его бессмысленное круглое лицо. Фу... Что женщины в этом находят умильного? Но в окошко мелкое Оружие выкинуть жалко, что подводит нас к странному выводу:

— Как ни противно это признавать, но у нас нет выбора. Если я о тебе сам не позабочусь, ты либо меня сожрешь, либо... даже не знаю что, но что-то нехорошее. С такой мамашкой тебе можно только

посочувствовать. Даже старая карга Виктория и та проявляла больше заинтересованности в жизни внуков.

Болтать по телефону Аида закончила уже после того, как толстопузый гвозденек высосал всю бутылочку молочной смеси и уснул у меня на руках. Я мрачно сидел и даже не пытался от него избавиться, потому что это порождение скверны начинало хныкать и вошкаться при любой попытке спихнуть его на диван. У меня рука затекла, и я тихо мечтал о всяких сладострастных ужасах с Мастером в главной роли, когда эта горе-мамаша отложила наконец свой допотопный телефон и тихо присела рядом.

— Обалдеть, какое ты ценное приобретение, — сказала она вполголоса. — Да если б все матери этого мира знали, что для того, чтобы успокоить младенца, нужно заарканить «высшее существо», вы бы быстро стали вымирающим видом.

Я аж поперхнулся воздухом. Чего?! Потом скривился:

— Я — Оружие, способное раздолбать ко рже половину этого дикарского городка.

— Красивая палка, — согласилась Аида. — Резьба очень тонкая. Прямо хоть сейчас в рекламу Гендальфа. Но когда с руками — пользы от тебя явно больше. Кстати! Ты ведь, если я не ошибаюсь, сказал, что теперь я принадлежу тебе?

— Естественно! — рыкнул я.

— Великолепно! — непонятно чему обрадовалась чокнутая. — Значит, и Васька тоже теперь твой! Собственно, ты же своим так и сказал.

— Женщина... — попытался нагнать жути я, хотя с младенцем на руках это, наверное, смотрелось не очень эффектно. — Ты же понимаешь, что я сильнее тебя раз в десять? И при желании могу и тебя, и всю вашу систему поддержания общественного спокойствия в бараний рог скрутить.

— Конечно! — с готовностью согласилась она. — Это видно невооруженным взглядом. Поэтому самая трудная задача по справедливости на твоих плечах. А я так, деньги буду зарабатывать и все прочие мелочи. У меня работа есть, за нее неплохо платят. А ты будешь домашним хозяином и няней. Договорились?

Я аж рот открыл от такой наглости. И ведь не убьешь же мерзавку. Тогда придется опять ползти к своим родственникам, мол, не

справился даже с той задачей, которую поставил перед собой сам. Не бывать этому!

Но может... может, попытаться под шумок найти Мастера на рынке наемников? А эту... да просто бросить, можно даже не убивать. Хотя не уверен, что с меня сняли тотальную слежку. Перехватят еще на входе в призму. И скверна...

— Тем более тебя же с довольствия сняли, — добила Аида. — Тебе нужна работа, а няням неплохо платят. Хватит и тебе на пропитание, и гусю твоему. Поможем друг другу, короче. Конечно, если бы ты был криворуким рукожопом или Васька бы от тебя шарахался, я бы что-нибудь другое придумала... но раз все так удачно сложилось, то к чему нам лишние сложности, правда же?

Я машинально бросил взгляд на свой браслет и замер. Какого?!

Ржа, кто обнулil не только семейный счет, но и мой личный?! У меня теперь нет скверны даже на дешевый портал за пределы этой загаженной планетки! Они не имели права снимать с него деньги, могли только... ржа!.. только заблокировать, если Оружие признано недееспособным. Сволочи! Да чтоб вы все разом в бездну провалились!

И разблокировать мои счета теперь имеет право только глава клана или Аида. В смысле, мой Мастер, прошедший привязку и имеющий легальный статус в призме — карту, квалификацию, все остальное...

И гуся мне в задницу, если мамочка уже не подсуежилась, выставляя параметры... Я ведь сам — сам!!! — заявил, что эта носатая цапля с отсутствующим чувством самосохранения — мой будущий Мастер. Ни матери, ни бабке ничего не стоило снять с нее мнемокарту и загнать в ИД клана.

Другими словами, ржа мне, а не поискать нормального Мастера на рынке наемников. Но подчиниться какой-то дикарке? Да лучше сдохнуть.

— Не интересует, — в конце концов выдал я, сгружая девушке на руки младенца. Дите будто почувствовало, что кормушка уходит навсегда, захныкало и завозилось. — Я не собираюсь торчать в вашем сером мирке в качестве твоей прислуги ни за какие деньги. Тем более жалкие, ничего не стоящие бумажки.

Аида вдруг наклонилась ко мне и заглянула в глаза. Впервые за время знакомства я увидел в ее расширенных зрачках нечто... незнакомое и настораживающее.

— А куда ты денешься с подводной лодки, инопланетянин? — сказала она и незнакомо усмехнулась одним уголком рта.

Глава 27

Аида:

— А куда ты денешься с подводной лодки, инопланетянин? — сказала я, криво усмехнувшись. Внутри выла и грохотала канонада грозových раскатов, все чувства обострились, и упоительное ощущение тонкого лезвия над пропастью захватило меня целиком. А уж в тот момент, когда начались чудеса с палочкой... в смысле посохом...

Надо же, как не повезло. Или повезло?

Свою адреналиновую наркоманию мне удавалось держать под жестким контролем почти всю свою сознательную жизнь. Сначала самой, потом и при помощи дорогуших специалистов — психологов и психоаналитиков, а иногда и вовсе с помощью легких успокоительных препаратов. И конечно, родители и многие друзья не знали ни о гонках на чужом мотоцикле в детстве, ни о прыжках с парашютом, ни о стритрейсинге, ни о... многом другом, что стало мне доступно вместе с совершеннолетием и неплохими заработками. Зачем их волновать?

Тем более что до сих пор мне невероятно, волшебнo везло. Я ни разу не сломала себе даже мизинца, не убилась и не покалечилась, даже вытворяя самые безумные трюки. Вот только это самое везение буквально подталкивало в спину, побуждая попробовать что-нибудь еще — не менее сумасшедшее и смертельно опасное. Хотя надо отдать мне должное — я все же умела держать этого зверя внутри себя на коротком поводке, со стороны производила впечатление здравомыслящей и спокойной дамы, на редкость законопослушной и неконфликтной в обычной жизни. Собственно, я ею и была, пока очередной вызов не сносил все мое благонравие к чертям.

А сейчас меня вштырило вдвойне, потому что неумолимую жажду риска приходилось жестко взнуздывать и сдерживать железной рукой — у меня появился Васька. Ему никакая опасность угрожать не должна, и точка.

Сочетать бешеный рев крови в ушах и дрожь предвкушения в теле с холодным рассудком — это, скажу я вам... новый для меня опыт.

Я сразу поняла, насколько все непросто с этим волшебным мальчиком с внешностью сказочного принца. А как только увидела

этих его «родственников» у двери, уверенность превратилась в практически железобетонную. И с этой секунды я уже не выпускала их из виду ни на мгновение, внимательно слушая и наблюдая за происходящим.

Выводы были... интересные.

Кажется, маленький мамин принц взбунтовался. И закономерно получил от озверевшей родительницы. А это значит... хм.

Кстати, как бы Мордред ни рычал и ни корчил рожи, с Васькой он был крайне осторожен и даже нежен, хотя скажи ему кто об этом — снежный мальчик лопнет от возмущения. Ну я же не дура, чтобы давать ребенка кому попало в руки и пускать дело на самотек. Я с него глаз не сводила, просто старалась делать это так, чтобы он не заметил. И кое-что протестировала заодно.

Что касается инопланетной сущности и прочих чудес... Знаете, адреналинщики вообще народ такой, во-первых, суеверные фаталисты, а во-вторых, могут поверить во что угодно, потому как твердо уверены: в этом мире возможно все.

Я еще разберусь в нюансах, и наверняка окажется, что всему есть логическое объяснение. А пока... пока важнее сыграть в эту игру. И я намерена ее выиграть.

— Мой клан не единственный имеет допуск в ваше захолустье, — царственно пожал плечами он и, брезгливо стряхнув несуществующую пыль с кухонной табуретки, уселся за стол, подперев руками подбородок. В нем снова проскользнула та хищная ленность, которая в любой момент может превратиться в резкий и беспощадный рывок. Мое сердце пропустило первый удар.

— И поэтому ты все еще здесь? — Я чуть прищурилась, склонив голову к плечу. Ну же, покажи мне больше себя настоящего. — Что же ты сразу не выбрал кого-то из этих других, имеющих доступ?

— Ты в тот момент показалась мне лучшим вариантом. Но на бестварье и цвирка сожрешь. — Он покосился на захныкавшего сильнее младенца в моих руках. Пытается сыграть на материнских инстинктах? Нет, нам не сюда. Мне нужны твои эмоции, а не манипуляции.

— Да, это разумно, — согласилась я. — Только твое бестварье, насколько могу судить, еще больше обестварилось на данный момент.

— Не тебе об этом беспокоиться, смертная. — Мне подарили улыбку-оскал. — Лучше подумай, как своего ржавенка кормить будешь. Ему ведь материальной еды маловато, — ухмыльнулся он и резко встал, слегка нависая надо мной. Явно пытаюсь подавить, приструнить, пристыдить, но... Я вижу, ты тоже уже почти сверкаешь.

— А кто сказал, что я беспокоюсь? — У-у-ух! Да! Вот оно, желанное тонкое лезвие над пропастью! — Я... скорее, наслаждаюсь!

Именно! Наслаждаюсь! Я не хотела признаваться даже самой себе, но прилипчивый и будто политый патокой «прынец», несмотря на все его преимущества, бесил меня неимоверно. Поэтому сначала я даже не думала после усыновления продолжать с ним хоть какое-то тесное знакомство. Разве что действительно нянькой нанять. Или «вешалкой» в модельное агенство отправить с повышенным окладом, в качестве благодарности, не более.

Зато когда он показал зубки... сначала в разговоре с родней, а потом уже и мне... Когда бесстрашно поливал тех высоких господ оскорблениями и смотрел этим непокорным, диким и чуточку безумным взглядом... М-да. Ну признаю: я его нарочно сейчас спровоцировала.

Кажется, моя тщательно скрываемая до этого сумасшедшинка отразилась, наконец, в глазах. Я одной рукой прижала к груди пискнувшего Ваську, а второй вдруг быстро обхватила парня за затылок, рывком притягивая и впиваясь в его губы злым азартным поцелуем. В нем не было ни капли желания соблазнить, скорее это было нападение. Вероломное. Очень!

И так большие голубые глаза расширились, но ненадолго. Секунда — и они уже злорадно сузились, а в меня хлынула волна жара и холода, обжигая и замораживая, сбивая дыхание и унося черт знает на какую вершину. А-а-а-а! Кажется, у меня ни разу в жизни не было почти оргазма во время первого поцелуя... От бешеного восторга закружилась голова, и я яростно рванула навстречу этому бурлящему потоку, врываясь в его средоточие, как половецкая конница в мирную деревню.

— Уи-и-и! Ва! — внезапно весело запищал между нами Васька, отвлекая друг от друга на какие-то доли секунды.

— Р-ребенка... сэве... Гансу! — шепотом прорычал Мордред мне в ухо, еще раз показывая, насколько его напускное равнодушие к

малышу не соответствует настоящему отношению. — Сама р-решилась. Только посмей потом жаловаться, смер-р-ртная. Дикар-р-р-рка. Або-р-р-ригенка... — тут он слегка отстранился и буквально «прокатил» последнее слово по языку, срываясь на некое гортанное рычание и шипение: — Мас-с-стер-р-р-р.

— Не учи ученую, — в свою очередь прошипела я ему прямо в губы. Мозги у меня, к изумлению, все еще не отключились, наоборот, никогда еще в голове не было так кристально ясно и четко. Вокруг бушевала гроза, молнии били прямо в нас двоих, я чувствовала их каждой клеточкой своего тела, но... прекрасно помнила о теплом маленьком комочке у меня в руках. Комочку, кстати, перепавшие электрические разряды так понравились, что он сначала взвизгнул от восторга, а потом зевнул и закрыл глаза, засыпая.

В комнату мы переместились прямо втроем, так и не разжимая объятий, со спящим Васькой между нами. И там уложенного на подушки младенца тут же прикрыл крылом гусь. А мы...

А как мы оказались в соседней комнате и куда подевалась одежда — да кого это вообще волнует?

Глава 28

Мордред:

Йес! Я великолепен и неотразим! Похоже, реальность снова пала к ногам непревзойденного Мордред Умбрайя, расстелившись передо мной мягкой ковровой дорожкой. Привязка! И часа не прошло, как все проблемы решились просто сами собой!

А я ж уже составлял сотню планов, как до самого конца сохранять терпение и ненавязчиво склонить ее к постели. Рассчитывал сроки и оставшиеся в сэвене кубы скверны. Придумывал возможные схемы манипуляции и даже «игру на публике» и общественном мнении спланировал.

Да в конце-то концов, я даже примерно проработал свои действия в случае полного провала с Аидой. У такого исхода был унижительно миниатюрный процент, все-таки в свои актерские способности я верил, как в существование Прародителей, но тем не менее даже там скверны подложил.

А все оказалось настолько просто! Она уже была от меня без ума! А я... а я вовсе не... хм, беспорядок. Меня тоже захватила эта лавина чувств. Чувств, которые я не играл и не контролировал.

Это и есть та самая «связь между Мастером и Оружием»? Досадно, если из-за особенностей моей расы у меня действительно начнут плавиться мозги при виде партнера для охоты. Тем не менее неземной любви или какой-нибудь готовности свернуть себе шею за аборигенку я пока не чувствую, что обнадеживает. Мои мозги не покрылись розовой ржой, как у других Оружий, так и продолжим...

Девушка рядом со мной сладко потянулась и закинула ногу на мое бедро, еще и обняв поперек груди собственническим таким жестом. Значит, я все правильно рассчитал, я все так же сверхмассивен, как черная ды...

— Не вошкайся и перестань шекотаться, — пробурчала Мастер мне в шею.

— Я тебя пальцем не тронул! — фыркнул в ее сторону. Но уворачиваться не стал. Слишком у меня хорошее настроение.

— Пальцем, может, и не тронул, а вот мыслями своими самодовольными уже всю вдоль и поперек истоптал... Да крут ты, крут, самый крутой, круче вареных яиц, только спи!

Ржа!!! Связь! Откуда так рано?! Еще и часа не прошло! В учебниках (которые я все же открывал, пусть и далеко не для зубрежки) и прочей литературе было четко написано о сутках и более!

— Тра... хм, короче, с ума сходить надо было меньше, тогда бы и с учебниками не облажался... — опять залезла в мои мысли слишком уверенная в себе аборигенка. И как смогла так быстро адаптироваться? Для этого мира не свойственна мыслеречь, чтоб так вот, с ходу, понять, как ее использовать. Тем более читать не направленные на тебя мысли.

— Я с ума сходил?! А сама?! — на автомате огрызнулся я. Так, если она ползает по моим мозгам, значит, и в обратную сторону это работает. Но, настроившись на новоиспеченного Мастера, я почувствовал только сонливость, удовлетворение и легкое «р-р-р-р» засыпающей зверушки.

— А я отрицаю? Меня как раз все устраивает, это ты громко думаешь, — снова зевнула она мне в шею. — Насчет быстрой адаптации, кстати... извини, но упс. С чокнутыми всегда так, мы ничему не удивляемся. И кстати, я тебя не читаю, это ты бубнишь мне в ухо... или в мозг не прекращая. Так что кто на кого настроился, еще два раза посмотреть.

— Нам нужна скверна, — решил я взять цвирка за хвост.

— Утром, — мурлыкнула она. — Хоть скверна, хоть пакость, хоть поганка. Все утром... спа-а-ать!

— Уа-а-а-а-а! — поддержал вдруг ее громкий рев из-за стены. А ровно через минуту скрипнула дверь, и в нее просунулась гусиная голова, которая в свете ночника уставилась на меня — на меня!!! — укоризненным недовольным взглядом и с упреком сказала:

— Фа-га!

— Это не мой ребенок, — решил я проигнорировать Ганса. И пихнул в бок эту... эту! Нечего делать вид, что уже спит!

— Фаррага, — настойчивей продолжил тот, а вопль за стенкой уже перешел в ультразвук.

— Ее буди! — снова попытался я перевести стрелки.

— Фа-га! Ш-ш-ш-ш! — Поганый птиц вытянул шею, зашипел и явно вознамерился меня ущипнуть.

— Да вашу ржу! — вспыхнул я, вскакивая и бесцеремонно стряхивая с себя конечности оборзевшего Мастера. Прямо вот делает вид, что мгновенно уснула! Кого она пытается обмануть?!

— Фа-га!

— Уа-а-а-а-а-а!

— Легче дать, чем объяснить, ржу вашу в ... и через ... на ...! — Мне уши свои было жалко, да и после секса я на удивление пребывал в отличном настроении. Один раз можно и помочь. — Иду!

Эх, если бы я видел, как за моей спиной дрогнули ресницы Аиды, и успел оценить расчетливый взгляд, которым она меня проводила... все у нас могло бы пойти совсем другим путем.

Но тогда я слишком устал от обилия впечатлений, событий и эмоций, хотел спать после приятного секс-марафона и мне реально было проще заткнуть мелкого, чем спорить.

Поменять ему памперс самому оказалось опять же быстрее, чем звать кого-то на помощь, я даже сообразил, как обмыть гвозденка под теплой струей воды в допотопной раковине, и не перепутал детскую присыпку с детским питанием.

Вообще ничего сложного, любой дурак справится. Кроме моего бесполезного Мастера из дикого мира. Вот интересно, если бы не я, эта чокнутая уморила бы ребенка за неделю или продержалась бы месяц?

Другое дело, что этот маленький поганец никак не хотел засыпать обратно. В отличие от меня самого. Через десять минут всяческих стараний и гусиного неодобрения мне это все надоело, я просто взял гвозденка в спальню к Аиде, плюхнулся с ним на кровать и положил все еще агукающего ребенка на спящую девушку. Потому что совесть надо иметь!

Кхм. Это я сказал?

Аида что-то бормотнула, не просыпаясь, и перевернулась на бок вместе с пискнувшим младенцем, опрокинув его на простыню и прикрыв рукой. Хм. А она его так не задавит? Это ж недоразумение пальцем перебить можно, не особо напрягаясь.

На всякий случай набрал на коммуникаторе: «Можно ли задавить младенца во сне?» Кхм...

Оказывается, да, ребенка можно «приспать». Так умирали гуманоидные дети племен аборигенов, в том числе и местных, когда во

сне их матери переворачивались с боку на бок и тем самым нечаянно душили отпрыска. Тц, даже спать ей рядом с ребенком доверить нельзя — убьет.

Надеюсь, хоть в охоте от нее будет какая-то польза. А то пока из плюсов только моя независимость от клана. Ну и секс, конечно. Если он останется таким же страстным — ее скудоумие можно еще немного потерпеть.

— Спи, ржавенок, — цыкнул я на мелкого, забирая его из-под руки недоразумения и укладывая пузом себе на грудь. Тот еще раз растянул губы в беззубой улыбке и прикрыл наконец глаза. Гусь тоже влез на кровать и пристроился рядом. Я хотел его шугануть, но передумал. Лень шевелиться, да еще и дополнительный сторож для гвозденка... а я тоже устал и хочу спа-а-а-ать...

Глава 29

Мордред:

Я получил письмо от Галахада. С ума сойти! Я! Получил! Самое что ни на есть натуральное письмо от этой с детства примороженной к наковальне морды! Вот точно не ожидал такого сюрприза.

А еще меньше ожидал узреть в скупых строчках, как безупречное первое Оружие клана Умбрайя натуральным образом просит совета. У меня! Это че, их на пару с дедом швеи покусали? Что за глобальное потепление, плавящее многовековые дубо-льды? Прям смотри-ка, аж мозги проклюнулись, может, скоро позеленеют и зацветут.

Так, вернемся к балке стоеросовой. Ему, видите ли, стало известно, что я тоже нашел себе Мастера на Земле. И этот чудик, прости прародитель, очень осторожно и как смог (вообще не смог) завуалированно спросил: твоя тоже ненормальная или только мне так повезло?

Я подавился воздухом и закашлялся, когда это прочитал. Сразу передумал стирать из коммуникатора послание к ржам гусячьим. Ну-ка, ну-ка... чего? Непредсказуемые изменения характера и скачки из одного образа в другой?

Э-э-э-э... э-э-э-эм-м-м...

Ну... получается, это у местных недо-Мастеров повальное генетическое заболевание. Тц! А я думал, только мне Прародитель выдал такое чуче... чудо. Сам утром не поверил, когда проснулся. Та, что вчера сходила с ума и вела себя подобно дикой кошке в течку, сейчас как ни в чем не бывало воркует с мелким гвоздем, кормит его из бутылочки и выглядит мирной домашней мурлыкой. И вообще, все утро потом ведет себя так, словно ничего не произошло. И глаза такие невинные-невинные...

Разве что вконец обнаглела и, как только наигралась в мамашку, полностью спихнула на меня младенческую пакость.

— Нам же надо что-то есть, а на это надо заработать. Ты инопланетянин, с тебя и взятки гладки, а у меня договор горит с журналом. Хорошо еще, я умная и подгадала съемки в Питере, — протараторила она буквально на бегу и скрылась за входной дверью.

Сунула в руки мелкого гвоздя и умотала на целый день. Куда, зачем? Я даже спросить ничего уточняющего не успел и весь день только и делал, что глушил приступы бешенства. Сам удивился, что вышло не сорваться. А ведь гусь даже ни разу не ущипнул. Наоборот, ходил, помогал и так явно сочувствовал, что аж противно.

Вот как я до такого докатился? Р-р-р... Ну, с другой стороны, логично. Не на мелкого же злиться. Как уже говорил, это глупо. Ни выгоды, ни результата. А ведь не дурак, кто бы что ни воображал. Опять же, Мастер неизвестно где шляется — на нее тратить эмоции надо будет, когда домой придет. А сейчас толку стены пинать, если ни она, ни другие зрители этого даже не увидят?

Зато парочку подлянок в местном стиле я уж точно организовать смогу, чтоб не наглела. Кажется, с детьми надо гулять? А напротив у нас живет местный рассадник сплетен. Хм, столько прекрасных вариантов... Которые пошли цвирку под хвост, когда эта чокнутая приползла домой уже после того, как стемнело.

Я ее злорадно ждал прямо в коридоре с намерением всучить гвоздя в руки прямо с порога, на весь подъезд обвиняя в непристойном поведении. Такую скорбную речь заготовил! И эта наглая аборигенка опять мне обломала все удовольствие!

Дверь открылась, и я замер в предвкушении. Потому что дверь «бабы Кати» напротив тоже приоткрылась — моя печальная одинокая прогулка с коляской во дворе среди местных «мудрых» смертных даром не прошла, и эта «добрая женщина» согласилась дать Аиде мастер-класс «правильного материнства», как только та вернется с работы.

Ну и вот. Дверь, значит, открылась, я взял гвоздя наизготовку... и тихо выругался сквозь зубы, только глянув в лицо этой загулявшей дуре.

Она что там, полпризмы тварей в одиночку голыми руками передавила?! Почему тогда выглядит так, словно на последнем издыхании? Откуда эти круги под глазами и ввалившиеся щеки? Еще и споткнулась о порог, и я, как дурак, вместо того чтобы всучить гвозденка и освободить руки, оказался загружен вдвое! Мало мне младенца, так еще и эту ненормальную пришлось ловить, чтобы она на своем выдающемся носу новую горбинку не набила о паркет!

— Уф-ф-ф-ф... — сказала ходячее несчастье мне в шею. — Господи, как хорошо, что ты дома. Я устала до умопомрачения, загоняла к чертям моделей, реквизиторов и осветителей, но за двенадцать часов отпахала тридцатишестичасовую сессию, прикинь?

— Дура, — шепотом прокомментировал я, с тяжелым вздохом разочарования втаскивая полутруп в квартиру. — Я, конечно, не против, что ты называешь меня богом, но это не спасет тебя от вопроса — с какой ржи?!

— Чтобы тебя следующие несколько дней надолго одного не оставлять, — спокойно призналась Аида, не отрываясь от моего плеча.

Я на секунду аж дар речи потерял. Посмотрел поверх нее на бабу Катю, наткнулся на умиленный взгляд старухи (чего это она?!), плюнул мысленно и закрыл дверь.

— Жрать хочешь, смертная?! — рычать злобно я умею, да.

— И пить... и спать... и тебя.

— Р-р-р-р-р-р-р!

Глава 30

Около недели спустя

— Эта твоя работа подождет. — Я свел брови к переносице и недовольно посмотрел на Ганса. За последние дни птица стала словно меньше, белые перья будто бы пообтрепались на концах, и вообще весь вид у гуся стал потертый, грязный и голодный. — Сэвен почти пуст. Я тебе уже объяснял насчет того, что твоих разноцветных бумажек и человеческой еды нам с гвоздем недостаточно. Да и тебе нужна скверна. Если бы у тебя с собой была хотя бы парочка малых кубов, сейчас ты бы не была похожа на несвежий труп. — Я недовольно окинул ее взглядом. — Потасканный несвежий труп. И в таком виде ты еще хочешь МЕНЯ? Хм.

— Я не виновата, что ты такой... соблазнительно-вредный, — хмыкнула она, порождая во мне странную смесь раздражения и удовлетворения. И, ржа ее побери, желания. Так, не отвлекаться!

— Именно поэтому нужно срочно отправляться в офис искателей и регистрировать тебя как Мастера, нам необходима миссия! Хотя бы на еду заработать. — Не видя энтузиазма в ее взгляде, я решил надавить на ее чувство ответственности: — Да вот... на ту же нормальную детскую молочную смесь. Никогда не интересовался, но более чем уверен, что на межгалактическом рынке найдется что-то получше сухого молока под кучей консервантов. Но и стоит это питание не бумажек, а нормальных денег.

М-да. Странно и отвратительно считать и экономить милликубы. И начинать охоту с самых тухлых и дешевых заданий от гильдии мне претило до кислоты во рту. Но я уже понял, что это одна из ловушек взросления, когда не мама с бабкой и не лекари, а ты сам себя заставляешь делать неприятные вещи, потому что... так надо. Гадость какая. Хуже даже, чем гвоздю памперс менять. А уж заставлять делать эти правильные противные вещи кого-то другого, кто еще и сопротивляется... нет, я не буду сейчас сочувствовать матери. Вообще не буду думать об этом.

— Завтра пойдем, честное слово! — заверила меня Аида. — А пока проект горит! Не могу!

— Ты мне это уже неделю говоришь! — буквально прорычал я. — Что такого важного в этих идиотских плоских картинках, которые ты делаешь?! Даже у вас уже есть технологии, которые тебе любую картинку нарисуют. Бессмыслица.

— Деньги, которые за них платят, — пожала плечами Мастер, набрасывая куртку и проверяя, все ли положила в свою рабочую торбу. — Ну, и мое чувство прекрасного еще, да... Что купить к вечеру? У нас Васькина смесь не кончается?

— Ничего у нас не кончается, кроме моего терпения! — рывкнул я, вдруг представив еще один день в замкнутом пространстве наедине с капризным младенцем и почти пустым сэвеном, который мало того, что больше не мог помочь успокоить голодного до скверны гвоздя, так еще и всем своим задрипанным видом действовал мне на нервы. — Хватит. Я еду с тобой.

— О! — Аида замерла на пороге. — Серьезно? Прямо сам? А как же «не хватало еще играть клоуна для дурацких аборигенских реклам»?

— Чем быстрее ты закончишь этот маскарад с кривлянием, тем быстрее пойдем на охоту. А там, почувствовав величие моего мира и вкус скверны, уже плюнешь на свою «работу», — уверенно сказал я.

— Волчья шкура и черные кожаные штаны? — хитро сощурилась она, притормаживая в дверях. — За эти часы столько заплатят, что точно появится время на твои инопланетные игрушки с охотой.

— Тьфу, — искренне сплюнул я, натягивая комбинезон на притихшего гвоздя. — Свежо предание. Ты уже сколько раз говорила, что «все-все, теперь неделю буду дома»? Один звонок — и снова «срочная съемка», ага. Ладно. — Я махнул на эту лгунюю рукой, уклоняясь от объятий. — Не стой на пороге с таким лицом, как будто я согласился на бесплатный стриптиз для престарелых Скрепок. Памперсы запасные иди в рюкзак положи. И бутылочку. Там у вас будет где ребенку смесь приготовить? А обмыть? Присыпку тоже положи. Нужно исключить все возможности его истерики, иначе тебе самой станет стыдно. Ведь все увидят, какая ты фиговая мамаша. Бестолковая...

— Ничего, твоя отцовская серьезность компенсирует и вызовет очередную волну бесплатных помощниц, — ехидно отмахнулась Аида, послушно складывая детские вещи в свой рюкзак. И не ревнует же,

зараза. Хотя по большей части этим добровольным помощницам уже свои внуки правнуков принесли, так что ревновать к ним глупо. А жаль. Хоть так бы поумерил градус Аидиной самоуверенности!

Правда, в огромном железном ангаре, полном людей, допотопной аппаратуры, разных странных вещей и запахов, на нас налетели не бабушки, а вполне симпатичные молодые аборигенки. И аборигены тоже... М-м-м... Я спокойно отношусь к тому, что Мастер и его Оружие могут оказаться одного пола и, возможно, даже делить постель, но вот эти странные размалеванные представители местных меньшинств мне не понравились. Конечно, ничего плохого мне никто сделать не посмел, но гвоздя я им даже подержать бы не дал.

— Аида, душка! — Откуда-то появился еще один странный персонаж, по внешнему виду которого я вообще не сразу определил, мужчина оно или женщина. — Какая великолепная идея! Концепт меняем? Северный волк с младенцем — это гениально! Упор на семейные ценности! Покупательницы будут кипятком писать и все побегут за этими часиками в подарок для своих мужей! Где ты взяла такую фактуру, детка?! Я же прошерстил все местные агентства!

Ага, то есть мужчина. Ну, везде не без уроды.

— Это не из агентства, это мое, — хмыкнула Мастер, быстро что-то шебурша в своей допотопной аппаратуре.

— В смысле? — не понял... не знаю, как это называть. Никаких манер, даже не представился, а уже глазами меня облизывает так, что хочется прищучить его, словно тварь скверны. — На улице подобрала? С дикого каста?! Ну ты везучая!

— В точку, — хихикнула Аида, глянув на меня искоса. Я скривился. — Прямо с улицы и в загс. И ребенок, кстати, тоже мой, в смысле наш. Поэтому все лапы прочь, поняли?

— Му-у-у-уж?! — не поверил персонаж, а все вокруг тоже загомонили. — И ребе-е-енок? Когда ты успела?!

— Уметь надо. Короче! Реквизит готов? Мор, отдай ребенка Стеше и переодеваться! Где гример? Стоп галдеж, работаем!

М-да. Ну, иногда она умеет вести себя как... как Мастер. Даже мне не захотелось послать ее пешеходным маршрутом в соседний сектор призмы, что уже говорить об остальных. Все забежали, как мелкие твари в только что раздавленном муравейнике.

— Если после этого фотосета... — прорычал я, укладываясь в одних тесных кожаных штанах на чью-то пушистую серо-черную шкуру и ощущая, как то, чем намазали мне лицо и тело, противно пощипывает кожу, — ты не получишь карточку Мастера, я тебя в квартире запру. Одну. С младенцем. А сам уйду на пару суток... гулять.

— Во-во-во! — обрадовалась ненормальная, яростно защелкав камерой. — Еще раз сделай такое лицо! Только руку положи, как я показывала, чтоб часы видны были. И Ваську другой рукой прямо к кубикам прижимай, ага.

— Ву-у-у, — пролепетал мелкий, которого слепило от софитов.

— Тише, ржавенок. Чем быстрее закончим, тем быстрее вставим твоей мамке мозги. — Я улыбнулся гвоздю и потрепал его по макушке.

— Снято! — обрадовала нас садистка с допотопной камерой. — Теперь стоя. Ну потерпи-ите еще чуть-чуть!

— Р-р-р-р-р-р! — Может, мне показалось, но мелкий в моих руках тоже издал похожий звук.

— Внимание, снима...

И тут в павильоне что-то изменилось. На мгновение исчезли все звуки, я понял только, что моя Мастер, точно как и я, вдруг напряглась и уставилась в ту же сторону, откуда меня буквально просквизило чувством опасности.

Глава 31

Галахад:

— Даже думать не хочу, где они. — Я тяжело вздохнул и осмотрелся вокруг.

Комната выглядела вроде бы... как обычно. Вот только именно что вроде бы. Все вещи на своих местах, привычно чисто, даже стерильно. Но у меня появилось и нарастало странное чувство, что не изменилось ничего и в то же время поменялось все. Стандартный интерьер вдруг ожил, что ли. Он стал... уютным.

И ладно бы! Ржа с ним, с тем, что, формально оставив все мои вещи на своих местах, лишь чуть-чуть сдвинув их по одной ей понятной системе, эта девчонка превратила холостяцкое жилище в настоящий... дом. Это ерунда. Меня другой вопрос волнует.

Где эта ржавая девчонка и где ее ржавая собака?! Куда она могла деться, если дверь в мои покои по-прежнему закрыта на мой личный пароль, а этих двоих в комнатах НЕТ?!

Какое тут наслаждение уютом. Не до того! Ибо совершенно непонятно, куда ржа нелегкая унесла этих двоих и что они натворят без меня, шатаясь по резиденции. Еще не хватало, чтобы Алико развела костер на лужайке у общежития и попробовала печь там свои дурацкие лепешки.

При воспоминании об этой аборигенской еде у меня вдруг рот сам собой наполнился слюной, и я в очередной раз вспыхнул. Внутренне. Что за ржа?! Думать надо о том, как я буду объясняться с соклановцами после ее выкрутасов и как ехидно будет ухмыляться этот проклятый Кайдэн. Она ведь и его небось лепешкой угостить попробует. А это вполне можно будет засчитать как ухаживания за свободным Оружием! А если он сообразит взять ее кусок жареного теста и дать официальное согласие?!

Я подскочил и чуть ли не впервые в жизни заметался по комнатам, одеваясь так поспешно, словно проспал все тренировки сразу. От этой спешки было только хуже — я совершенно по-глупому не попадал с первого раза в рукава и штанины, даже застёжки умудрился перекосить самым нелепым образом.

Ржа с ним, с позором, я не хочу Рапиру младшим Оружием к моему Мастеру! Только этого мне не хватало!!!

В разгар моих метаний входная мембрана мелодично пропищала и на пороге возникла пропажа. Сначала пес, довольный жизнью и почему-то мокрый, а потом и его хозяйка. С подносом, ржа! И с запахом тех самых лепешек.

У меня волосы на голове зашевелились: угадал! На костре пекла, хорошо, если не посреди главного холла...

— И сколько народу ты уже благодетельствовала?! — буквально прохрипел я, отчаянно дергая заклинившую наперекосяк молнию куртки.

— Что?! — сразу испугалась Алико, вызывая во мне очередную волну злости. — Что я... сделала?

— Сколько у тебя теперь Оружий... мужей? — Я изо всех сил постарался успокоиться. Какой ржи я веду себя словно двадцатилетний мальчишка со своим первым кандидатом в Мастера?! Я вообще не помню, когда в последний раз чувствовал себя настолько... настолько... да я в жизни столько нервов не истратил, как за последние три дня! — Ты ведь раздавала этот хлеб всем встречным, как у Ивановых?

— Нет, — окончательно растерялась девушка, и поднос в ее руках задрожал. Пришлось, внутренне рыча, подхватывать и поднос, и Мастера, чтобы вся конструкция со звоном не посыпалась на ковер. — Все еще спят... наверное... а на кухне была только тетушка Дана...

— Какая еще тетушка Дана? — не понял я.

— Она сказала... что я могу ее так называть, если хочу... Она сказала, что разрешает мне всем пользоваться, чем хочу... потому что жена наследника позволила...

Я быстро прокрутил в голове всех знакомых соклановцев, вспомнил и онемел. Даная? Оружие наследника?! «Тетушка Дана»?! А что она делала на кух... А где у нас вообще кухня, если мы большее количество блюд заказываем вне клана по договору?! И как там оказалась Алико, если даже я сам не знаю, куда идти? Да и судя по времени... все действительно еще спят, кто ей дорогу показал?!

— Как ты нашла кухню? — Я решил начать с самого простого и на первый взгляд безопасного вопроса. — Тебе кто-то показал дорогу? Или у ИД спросила?

Девушка вдруг отчаянно покраснела и опустила глаза. Что?! Вот ржа. Ну что случилось-то?

— Кто-то тебя обидел? — Я попытался заглянуть ей в глаза. — Приставал? Что?!

— Я по... по запаху. — Алико буквально горела нездоровым румянцем. Мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать последние слова: — Очень есть хотелось... простите.

Прародители! Я чуть не взвыл вслух. Ну да, ну да, ржа! Я и сам последний раз ел ту самую лепешку у костра Ивановых в стойбище, а потом все так завертелось, что... забыл про еду напрочь.

Свой собственный телесный голод я так давно научился игнорировать, что пошел привычным путем, даже не задумавшись. А это недоразумение когда ело в последний раз?

Правильно, еще позавчера, когда я сам ее бульоном с ложечки накормил. Из маленькой мисочки. Очень маленькой! Потом-то она всех умудрилась угостить — и детей, и собак, и меня. Только сама, кажется, не съела ни ржи.

— Так. Садись и ешь. — Я устало провел рукой по лицу (а ведь только проснулся!) и указал девчонке на свой рабочий стол. Идти в столовую смысла не было, а на этикет уже точно было наплевать.

— Это... тебе. — Вот уж не ожидал, что это мелкое и вечно перепуганное вдруг упрется. — Я сейчас накрою, и ты поешь. Потому что...

— Я сказал, за стол и ешь! — рявкнул так, что со стены упал один из все еще трудившихся роботов-уборщиков, а Кабато присел и испуганно тявкнул, тут же напустив лужу на светлый ковер. Р-р-р-р, хорошо, малахольная этого не видела, иначе она бы тут же, уверен, кинулась стирать проклятый ковер руками в моей ванной. Ржу вам всем в зад, да что такое?! Я в жизни ни на кого голос не повышал, тем более на Мастера! Но она же меня до распада на молекулы доведет такими темпами.

— Сначала ты, — шепотом, не поднимая глаз, но, ржа ей... и расставила по столу кучу всякой снеди и две тарелки.

— Хорошо, давай пойдем на компромисс. — Я забарабанил пальцами по спинке стула, понимая, что от овечки у моего Мастера не только жертвенность, но и упрямство. — Вместе. Одинаково. Садись ты уже!

В мою тарелку она все равно положила больше мяса и две лепешки вместо одной, полуобгрызенной, для себя. Я сжал зубы, терпеливо дождался, пока она закончит сервировку, и быстро поменял тарелки местами. Ну конечно, стоило приглядеться — и в ее порции обнаружились только огрызки овощей и травы.

— Алико, давай договоримся. — Я уже понял, что ни к ржам у меня больше не получится жить как нормальное Оружие и что обретение дикого Мастера не зря втихаря считается самым большим геморроем в призме. Ладно. Не получается по-хорошему, будем хитрить. Ржа. Я — и хитрить? А куда деваться? — Ты выросла в мире, где мужчина главный, так?

— Да...

— И женщина, когда выходит замуж, должна принять обычаи и устои его семьи, так?

— Так...

— Отлично. С этого момента ты делаешь только то и так, как я тебе скажу. Потому что иначе ты причинишь мне вред и вообще опозоришь перед родными. Такое для тебя понятно?

— Д-да...

— Великолепно, — нервно улыбнулся я. — А теперь... вилку в руки и ЕШЬ!

Глава 32

— А вообще, ему повезло. — Голос был молодым и звонким. Незнакомым, конечно... Впрочем, я давно потерял счет младшим родственникам-Оружиям и точно не опознаю их по голосам. — Такая необычная красота, и не скажешь, что дикарка. И вести себя умеет. И язык подвешен. Ты слышал, как она отбрила Конкордию? Ну, когда та проехала по боевым качествам засидевшегося в непривязках Меча?

— Ага. Вот бы мой Мастер так меня защищал. Так нет, все шишки и оплеухи — мне. Еще и виноват потом остаюсь, — буркнул второй.

— Кайдена прямо на ржу исходит. Кажется, его клинит: идти под Галахада вторым Оружием — это же ему поперек лезвия, а по-другому-то никак.

— Да не светит Рапире ничего, он не годится вторым под подобный меч, а эволюционировать в дагу — это он заржавеет стараться. И вообще...

— Ну, наверное, Мастер того стоит, не зря же двое лучших Оружий клана на нее запали, да? Я сначала не понял почему, а потом присмотрелся и... а как ты думаешь, кто из наших туда третьим подходит?

— Н-ну-у-у-у... даже не знаю... многие хотят. А ты сам?

Я молча шарахнулся обратно за угол и изобразил жест, который сбившийся с клановых настроек младший кузен Ричард называет «рукалицо».

Вот только Кайдена мне не хватало для полного счастья, хоть рапирой, хоть дагой, хоть зубочисткой.

Почему-то у меня не было никаких сомнений, о ком идет речь. В течение всей недели я выслушивал поздравления разной степени искренности со свалившимся мне на голову счастьем в виде «очень хорошего Мастера». И умница она, и красавица, и добрая, и за себя... то бишь за меня постоять умеет.

Одна беда — все этого Мастера видели, все с ней беседовали, все восхищаются. Один я, оказывается, как дурак, мимо подобных радостей. Потому что со мной наедине как была овца, так и осталась.

Благо хоть кормить ее я научился, и то приходилось самому следить, чтобы нормально ела, а не скармливала все со стола вшивой собаке, которая растолстела раза в два, или не подпихивала втихаря в мою тарелку. Маньячка какая-то, хлебом не корми, дай пожертвовать собой.

Я уже уловил закономерность. В странной психике этого существа на уровне подкорки была прописана идея, что сама по себе она ничего не стоит и вообще не имеет права на существование. Только принося пользу всем подряд и жертвуя собой, она оправдывает собственное пребывание на этом свете. Отсюда и ее переключения из одного образа в другой: просто себя она тупо и нелогично не считала достойным защиты объектом, а других... а за других могла во ржу разложиться. Сразу и мозг обнаруживался на нужном месте, и все другие коммуникативные функции.

И самое нелепое, что, как только о ней начинают заботиться, она зависает, как ИД с критической ошибкой, а потом и вовсе — либо в слезы бросается, либо обижается, что я ей, гад такой, не позволяю цвиркам последние кубы отдать. Они ж просят, голодные! Еле отвадил, ржа их пожри, этих «голодных», а то наострились пасть возле нашей двери, поганцы.

Прямо умрут, если не расскажут доброму Мастеру, как их обидели, не дали на кухне лепешки (слава тебе прародитель, ИД клана просто скопировал рецепт и теперь пек эти куски теста в любом количестве по первому требованию) или не взяли на миссию.

Но хитрой Оружейной мелочи ведь даже не того надо было! То кубик скверны — «Найту проиграл, а стипендия только через неделю», — то с другом поругался, то «просто грустно». Хитрые ржавянцы.

И Алико всем старалась прямо от души кусок оторвать и выдать. То ли наивность, то ли глупость, то ли... К мозгоправам, что ли, на прием ее записать? Ну, точнее, к психологам. Это ведь ненормально!

Я даже Мордреду написал от безнадёжности, пытаюсь разобраться с неожиданным феноменом. У него, по слухам, тоже теперь Мастер-землянка. Ответа особо не ждал, это был жест отчаяния.

Одно хорошо: хотя бы необходимые начальные знания о призме, ее устройстве и законах Алико усваивала на удивление быстро и без сопротивления. И даже не пыталась отказаться от тренировок. Другое дело, что я сам некоторое время не представлял, с чего начать. Она же ничего страшнее кухонного ножа отродясь в руках не держала. Вроде

не рыхлая и не слабая, но такая тощая, что даже усиленный откорм пока не помогал. И моторика под оружие совершенно не заточена. Как ее переучивать?

К тому же на первой тренировке обнаружились такие проблемы, что у меня волосы дыбом встали.

— Ты что делаешь, идиотка?! — Перевоплотившись еще в полете, я приземлился в стойку и с ходу рванул к своей ненормальной. — Ты... ты... Я тебе что сказал?! — Я буквально тряс Алико за плечи, нервно срываясь на крик. — Ты вообще помнишь, чему тебя учили?

А кто бы не орал на моем месте? Вроде все лекции про тварей ей прочитал, технику безопасности объяснил, стойки показал, начальные упражнения и разминку выполнили, вес свой облегчил по максимуму. И все было отлично — в руках она меня удерживала, и на удивление не так коряво, как я боялся. Комплекс движений на координацию, на умение попадать мной по нужному месту — ну прямо хоть радуйся. Пусть через раз, но получается. Бегать-уворачиваться — тоже навык есть, натаскаю — будет вообще отлично. То есть все в целом для будущих боев не так уж и безнадежно.

И тут, когда я уже начал разделять всеобщее ликование по поводу «способного и доброго Мастера», все свалилось в черную дыру и развеялось по вселенной пеплом.

Убедившись, что девушка усвоила уроки, под конец тренировки решил попробовать выпустить фантом твари скверны. Самой слабенькой и несерьезной, таких в детской группе на потеху выпускают, но немного неприятной на вид. Зубы там, щупальца, спецэффекты для малышни. Подобные нарочно были созданы на клановом полигоне, чтобы юные жнецы привыкали к их виду.

Вот. Передал мысленно приказ ИД полигона. Выпустил. И скомандовал: «Внимание, опасность сзади! Разворот и БЕЙ!»

Эта ду... ид... дикарка, ржу ей во все места, развернулась, увидела монстра, мгновенно оценила ситуацию — демонстрационный образец, как запрограммировано, на ее глазах жрал иллюзорное лезвие иллюзорного меча. Я приготовился к удару и почувствовал, что лечу... только не в ту, ржа, сторону!

Эта клиническая идиотка с проржавевшими насквозь мозгами настолько впечатлилась картинкой, что ОТБРОСИЛА меня себе за

спину и кинулась на тварь с голыми руками!!! Будто и не было всех уроков, занятий и лекций.

— Поздравляю! Была бы это настоящая тварь, тут было бы два трупа. — Выпустив ее из захвата, я просто развернулся и ушел с полигона. Всё. Белый флаг. Не могу больше...

Глава 33

— Галахад? — вдруг окликнули меня со спины, когда я, стараясь держать спину прямо, шел по центральной аллее от тренировочного комплекса к жилым корпусам.

Обернувшись, я встретился взглядом с практически полной своей копией, разве что чуть более массивной и взрослой. Таким я стану еще лет через пятьсот, наверное, если не распадусь ржой от преждевременной кончины в руках недо-Мастера...

— Приветствую вас, консорт. — Я церемониально поклонился Ланселоту, Оружию главы клана. — Чем могу вам помочь?

— Кажется, это мне стоит предложить помощь, — слегка мотнул головой он, смотря на меня такими знакомыми синими глазами.

— Эм... — Я слегка замялся, не ожидая от принца-консорта такого предложения, но затем от испуга даже отступил на шаг. — Не нужно, господин Ланселот, я понимаю, что был слишком несдержан по отношению к своему Мастеру, и впредь... впредь приложу еще больше усилий...

— Я не ругал тебя, — внезапно прервал меня старший. — Пойдем в беседку, травяной сбор уже заварился. Нам обоим надо собраться с мыслями... внук.

Кажется, я впервые слышу от консорта клана так много слов в один день. Да и «внук»? Неофициальное обращение из его уст звучало практически... неуместно. Непривычно.

Наверное, мы просидели в этой неловкой тишине, разбавленной звуками чаепития, минут двадцать.

— Рассказывай, — наконец начал разговор Ланселот.

— Что именно? — решил уточнить я, нервно сжимая в руках опустевшую окружность полупрозрачной чашки.

— Всё, — пожал плечами тот и жестом руки отправил дроида за очередной порцией сбора на кухню. Судя по запаху, он был успокоительным. Тяжело вздохнув, я все же решился... Никому другому я не открылся бы и не стал бы рассказывать о своих проблемах. Но Ланселот... Я не могу сказать, что отношения между нами были какими-то особенно близкими. Но они были...

особенными. Мы нечасто встречались и еще реже разговаривали, но каждый раз, когда мне был нужен по-настоящему серьезный совет, я находил его у Ланселота.

Сейчас мне пришлось сконцентрироваться, чтобы приличными словами и достаточно сдержанно описать проблему Алико. Я припомнил малейшие детали из тех, что можно рассказать, и постарался обрисовать их как можно более нейтрально. Всю эту ее непонятную зажатость и одновременно открытость для других. Бесконечную возню со всеми, кроме себя. Лепешки эти... Да все. А самое главное — то, что я только сейчас осознал: у нас нет ни малейших подвижек в сторону привязки, это раз, и я не понимаю, что делать с ее ненормальной жертвенностью в бою с тварями, это два.

— Забавно. — Взгляд консорта по-прежнему оставался спокойным, как гладь пруда в безветренную погоду. — О ком ты сейчас рассказываешь, о своем Мастере или о себе?

— В смысле? — Я осекся. Мне показалось странным это замечание.

— Идеальный на людях, всеобщий любимец, самый лучший, тот, к кому тянутся и идут за советом. Готовый жизнь отдать за то, что считаешь своим долгом. И абсолютно не умеющий делать что-то для себя самого. Тот, кто искренне уверен: если он не лучший, не приносит пользы, не служит клану — значит, он ненужный. Разве это не о тебе? — констатировал факт Ланселот, отпивая из сферической кружки очередной глоток.

— Когда это я был всеобщим любимцем? — В голове никак не укладывались слова Ланселота. — Я...

— А разве не вокруг тебя вечно крутилась малышня, пока ты не окончил среднюю степень? Не у тебя постоянно в карманах были конфеты и милликубики для особо страждущих? Не тебя ли желали все молодые Мастера, причем не только нашего клана? — улыбнулось Оружие главы.

Я почувствовал, что, хотя мое лицо остается правильно безмятежным, мочки ушей начинают гореть. Я всегда так странно краснел — щеки и лоб оставались белыми, а вот шея и уши заливало жаром. Ржа.

— Это было давно, и...

— Покажешь мне, что у тебя в кармане сейчас? — еле заметно приподнял брови Ланселот.

— К чему этот... осмотр? — Я старался не грубить, ведь я мало кого настолько сильно уважаю, как Ланселота. Но что за глупости? Да, я раньше много занимался с детьми клана, да, я... Пара конфет в кармане ничего не значит.

— Да прародитель с тобой, — отмахнулся собеседник, отвечая все так же безэмоционально. — Просто... забавно, насколько похожего Мастера ты себе в результате нашел. Вы словно нож и ножны с одной наковальни.

— Похожего?! — Я все никак не мог уловить логику. А потом выдохнул, задумался и замер, пораженный. Ведь если так прикинуть...

— Ты не понимаешь, что у нее в голове, потому что привязки у вас нет, а угадывать мысли женщины, тем более Мастера, — занятие неблагодарное. — Ланселот аккуратно подлил мне еще травяного отвара в тонкую прозрачную сферу. — И у тебя есть выбор. Ты можешь пойти по легкому пути, как обычное клановое Оружие, честно выполняющее свои обязанности и не думающее ни о чем, что выходит за их рамки. И тогда нынешние проблемы Мастера перестанут быть твоими проблемами. Она со временем решит их сама, а другие Мастера ей в этом помогут. Даже обучать ее будут отдельно от тебя. И так, не сразу, конечно, но лет через сто у тебя будет нормальный, обычный Мастер клана Умбрайя. Вполне достойный своего имени и твоего уровня. Не меньше, но и... не больше.

— Либо? — Я почему-то почувствовал страшное напряжение, словно Ланселот говорил не обыденные и всем известные вещи, а делился каким-то сокровенным секретом.

— Либо ты выберешь быть тем, кто всегда стоит за плечом своего Мастера не только безмолвной тенью, но и... второй половиной души? — со странной вопросительной интонацией ответил консорт. Будто он задавал вопрос не только мне, но и себе.

— А что выбрали вы? — решил я все же спросить своего... дедушку.

Ланселот вдруг чуть иронично и, как мне показалось, горько улыбнулся — буквально на секунду уголки его губ приподнялись, если бы я не смотрел ему в лицо в тот момент, я бы и не заметил этой мимолетной улыбки. Она тут же исчезла.

— Я ошибся, — без эмоций ответил консорт, разглядывая что-то вдалеке. — Да и выбор передо мной стоял немного другой.

— И все же... — почему-то мне очень хотелось услышать это именно от него.

— Чтобы обмануть врага, обмани союзника, знаешь такую поговорку? Только вот Мастер... это не союзник. Это намного глубже и больше. Массивнее и чувственней. И обман, пусть и во благо, может очень дорого тебе стоить. — Сфера мелодично звякнула и рассыпалась в его руках. — Однажды надетая маска может приклеиться к лицу навсегда. И даже вторая половина твоей души не будет знать твоего настоящего облика. И не видеть того, что ты вынужден делать за ее спиной, чтобы защитить. А все потому, что когда-то ты решил, что легкий путь тебе подходит больше, а проблемы Мастера не касаются «идеального Оружия».

Пару минут в беседке царила глубокая, почти идеальная тишина. А потом я совершенно растерянно спросил:

— И что мне делать теперь?

— Легко не будет. Вы слишком похожи. Загляни в себя самого, рассмотри зверей, что прячутся в самых темных закоулках твоего «я», и ты поймешь, с чем встретишься, попытавшись проникнуть в ее душу. Усмири своих тварей, и тогда ее страхи тебе тоже подчинятся.

Глава 34

Совет, конечно, оказался очень «полезным». Посмотри в себя, и ты все поймешь про своего Мастера... Так и хочется вспомнить лексикон невоспитанного Мордредра и прошептать: «Зашиби-и-и-ись, умная мысль!» Нет, мысль-то, конечно, умная, но толку от этой велеречивости.

Однако выбросить из головы слова своего предка Ланселота я тоже не смог. Что-то меня в них сильно зацепило. Скорее всего, его признание в том, что он когда-то сильно ошибся, и еще этот странный намек. Очень странный...

Консорт главы всегда был именно образцовым Оружием, как его представляют в кодексе Умбрайя: послушным, молчаливым и точно следующим всем указаниям Мастера. Без личной инициативы. Никаких ярких проявлений характера. Идеальное... да, кажется, теперь понял. Идеальная вещь.

Все так думали, и я в том числе. Более того, я стремился стать таким же. Ровно до этого странного разговора в беседке. После которого меня вдруг посетили сомнения и желание разобраться.

И это при том, что заглядывать в себя я не люблю. Ничего хорошего там нет. Я сам отнюдь не считаю себя безупречным, а начав сравнивать свои мысли с поступками Алико, и вовсе пришел в раздражение. Потому что... ржа потому что. Все плохо.

Не буду искать ответы, ну их в бездну. Пойду и найду просто эту дикарку, скажу... скажу, что ничего страшного, научится. Вернется из дипломатической поездки Виктория и выделит ей учителей получше, чем не слишком умное Оружие вроде меня.

Успокоив себя этим ясным и простым планом действий, я прекратил нарезать круги по парку резиденции и отправился обратно в тренировочный комплекс. Сам не знаю, с чего решил, что Алико все еще там. Наверное, по привычке положился на ее заторможенность.

Никого защищать сейчас не требовалось, в заботе тоже никто не нуждался. До обеда еще далеко. Значит, она как замерла в испуге посреди полигона, так с большой долей вероятности там и стоит. Ну, может, в уголок забилась.

К сожалению, я ошибся. Моего Мастера на полигоне не было. И в жилом корпусе не было. И в парке возле дома. И в общих комнатах, где молодежь привыкла собираться толпой и общаться. И в детской. Ее не было даже на кухне, которую я с трудом обнаружил в цокольном этаже собственного дома.

Помимо воли я начал чувствовать тревогу. Куда она пропала? Покинуть резиденцию клана Алико не может — у нее нет ни доступа, ни скверны, ни умения открывать порталы. ИД клана тоже не откликнется на ее просьбу — пока у нас не произошла привязка, эта дикарка в статусе гостя. Ей позволено много, но отнюдь не все.

Более того, на мой запрос этот консервный мозг тоже ничего толком не смог ответить. «Мастер Алико не покидала территорию резиденции клана Умбрайя». А то я сам не догадался! «Система не фиксирует присутствия Мастера Алико в пределах чувствительности своих датчиков». А это вообще как?! За границу территории не уходила, но и внутри ее нет?! Провалилась в соседнюю спираль сама по себе? Телепортировалась без коммуникатора и проводника?

Через час я уже мог только мысленно материться на чем кузня стоит. Обегал чуть ли не всю резиденцию. Вымотал все искусственные мозги системе. Обшарил все углы и закоулки. При этом стараясь, чтобы моя суета не выглядела слишком подозрительно. А то Кайден уже пару раз мелькнул на заднем плане, и его взгляд мне не понравился. Если Рапира узнает, что я умудрился потерять Мастера у себя под носом... даже думать не хочу, что будет тогда. Как минимум я стану посмешищем всего клана, как максимум этот ржавый выскочка рванет тоже искать и, чего доброго, найдет первый. А я подозреваю, что эта дикарка сейчас в таком состоянии... как бы не кончилось тем, что потянется к первому, кто ее «спас», и привяжет не того! А ведь привязки нет даже у меня!

Я могу злиться, психовать и пребывать в депрессии. Но это МОЙ Мастер!

— Что-то случилось? — Ржавый Кайден, как нарочно, в третий раз возник за спиной, одарив меня своей фирменной гнусной ухмылочкой. — Кого-то потерял, первый клинок клана?

— Не твоего ума дело, второй огрызок меча, — буркнул я и буквально бегом рванул от него за угол коридора. А потом еще и еще. Оторвался... Я найду ее. Не важно как — найду.

Алико:

— Ушел... — тихо шептала я, глядя на собственные трясущиеся руки, — он ушел. Ушел. — По щеке скатилась невольная слеза, потом еще одна. И еще. — Кажется, я опять... опять все не так!

Тут я уже разрыдалась в голос. Первым порывом было забиться в угол, но тут даже угла того не было, где бы я могла позволить себе такую позорную слабость.

Я так старалась... так старалась все делать правильно. И все равно не получилось. Я слишком глупая, слишком растерялась. Все чужое, все непривычное и непонятное. Страшная сказка, ставшая реальностью, в которой было чудесное спасение на руках прекрасного... принца. Вот только менее страшной она от этого так и не стала.

Привычный мир рассыпался мутными пятнами, расплылся в ручье, как дешевая картинка, вырезанная из журнала, и уплыл куда-то вниз по течению, оставив голые скользкие камни чужой жизни, на которых я пыталась устоять. Уже второй раз...

Когда наш дом разрушили, а мама, папа и брат остались под обломками вместе с нашими соседями, мы с бабушкой тоже оказались словно в другой реальности — сначала в лагере беженцев, потом... потом бабушка тоже умерла. А меня взяли к себе дальние родственники. Мне было двенадцать, еще месяц назад я училась в школе и менялась с девчонками наклейками с куклой Барби. Помогала маме по дому, готовилась стать хорошей девушкой и скромной работающей невестой в будущем. Обожала младшего брата, долгожданного мальчика в семье, училась с ним нянчиться. И вдруг ничего не осталось. Только чужой холодный двор, добрые рогатые звери в загоне и неласковые люди, которым я должна быть благодарна.

Я старалась. Правда старалась. Я научилась всему, что нужно было по хозяйству, даже полюбила деревенский труд и всех животных. Но так и не смогла стать своей для людей. Вещи и животные меня приняли, а люди — нет.

Здесь все получилось наоборот, но тоже нехорошо. Я легко нашла общий язык с большой семьей, но так и не смогла понять, что же мне делать с тем, кто меня сюда привел.

Я... еще тогда, когда я привела чужака в свой дом и убрала упавшие на его лицо волосы... Уже тогда я вздрогнула от необычного

цвета и глубины его глаз. Я таких никогда не видела. Мне показалось...

Мне показалось, что он, как древний воин из бабушкиной легенды, тот, который живет в башне на самом высоком утесе и спускается в долину только для того, чтобы защитить слабых и спасти невинных. Витязь в тигровой шкуре.

И он правда защитил и спас, только вот...

Только вот я оказалась недостойна быть его царицей. Я...

— Мастер Алико? — бессмысленно бродя по тропинкам, я вдруг услышала за спиной чей-то голос. — Почему вы здесь одна? А впрочем... это и к лучшему.

Глава 35

Аида:

— Что это было? — Я осторожно положила фотоаппарат на столик и нахмурилась. Странное ощущение. Как будто перед прыжком с высоты или особенно головокружительным трюком на отвесной стене.

— Сдох кто-то, — зевнул Мордред и кивнул в направлении гримерок. — Щас приберут. Не дергайся.

Потом он вдруг вскинулся и подскочил со шкуры, зажав пискнувшего Ваську поперек толстого пузика. Рванул к стулу, на котором висела его рубашка, на ходу расстегивая молнию слишком узких кожаных штанов.

— Ты чего?

— Не хватало еще... — пробухтел мой белокурый викинг, ловко прыгая на одной ноге, жонглируя младенцем и джинсами. Младенец весело повизгивал, как и всегда в руках своего няня, джинсы оперативно натягивались вместо моментально спущенных реквизитных штанов. — Не хватало еще...

Остальную часть реплики он не сказал вслух, но я ее все равно услышала: не хватало еще, чтобы кто-то из нормальных жнецов застал его в таком клоунском наряде... и макияже!

— Постой, ты сказал, кто-то умер? — Меня снова что-то буквально потянуло туда, откуда в первый раз пришло это ощущение холодного сквозняка. Упс, что-то сильно не так. Я чувствую, как ударная доза адреналина уже вскипает в крови, словно... хм. Это и есть тварь? Я ее чувствую? Забавно, ведь до этого момента я верила во все эти сказки Мордреда про жнецов смерти и призму, но как-то больше умозрительно. А теперь...

— Угу. Смертные постоянно дохнут как мухи, чему удивляться. Еще и пространство после своей смерти загаживают. Да я же тебе объяснял! — Мор торопливо сунул мне в руки Ваську и выхватил из моей сумки пачку детских влажных салфеток. Макияж на нем был минимальный — чуть подчеркнули глаза, матировали кожу, чтоб не бликовала, и добавили блеска на губы, но оттирал он этот легкий

профессиональный гламур так яростно и быстро, словно его и правда раскрасили под клоуна. — Сейчас придут наши... коллеги. Тоже жнецы. Но слабаки, сильно ниже рангом. По сравнению со мной, естественно. Ты-то вообще на дне сейчас где-то на этой иерархической лестнице.

— Хм-м-м... — машинально ответила я, не сводя глаз с темного участка стены. Что-то удерживало мое внимание, более того, буквально манило в ту сторону. Так сильно, как никогда еще. Меня даже прыжок на тарзанке с Эйфелевой башни настолько не возбуждал...

У меня еще хватило мозгов сообразить, что все неспроста. И передать Ваську подвернувшейся ассистентке. Почему не Мордреду? Ну, у меня склероза нет, и мозги тоже работают нормально. Сопоставлять факты и делать выводы я умею.

За стеной кто-то умер. Мордред все уши прожужжал мне про скверну, тварей и инстинкты жнецов. Это значит, меня не просто так туда тянет и посох мне нужен без прицепа в виде младенца.

— И куда ты собралась, недоучка? Нет, ты даже не недоучка, для этого гордого звания нужно хотя бы чему-то научиться. Тем более это не наша тварь, не лезь в чужую охоту, — попытался образумить меня Мор.

Правильные слова. Я их даже услышала. Только вот беда в том, что он поздновато их сказал. Кипящая кровь азарта уже ударила мне в голову, я протянула руку и вцепилась Мордреду в запястье, с неожиданной даже для себя силой увлекая его за собой в темный коридор позади гримерок. Буквально несколько шагов — и мы скрылись из поля зрения ассистентов и других обитателей съемочного павильона. На наш уход никто не обратил особого внимания, все были заняты своими делами.

Еще шаг — и по нервам ударил неприятный скрежет, как железом по стеклу. Я его скорее почувствовала, чем услышала. И в ответ на него вместо страха в душе взметнулось ликование.

«Эй! Это я здесь неуравновешенный псих. Не смей перенимать мою роль! — возмутился Мор, попытавшись сначала вывернуться из моего захвата, а потом наоборот — поймать и выдернуть обратно в студию меня. — Да стой же! Это... что-то не так!»

— Ага, — вслух мурлыкнула я, чувствуя, как блаженное забытие кипящей крови заливает пространство алыми сполохами предвкушения. — Очень не так...

А потом я что-то сделала. Сама не знаю что. Но вместо запястья мужчины в моих руках оказался уже знакомый посох с резным навершием.

«Ржа! — емко выразился Посох у меня в голове. — Стой, дура ненормальная! Да куда ж тебя... Это тварь минимум третьего уровня! Откуда она тут и почему эти цвирковы щенки так долго непонятно где шляются? У меня тут Мастер совсем туманностью поехала».

Его голос в голове звучал гулко и раскатисто, но постепенно затихал, словно я удалялась от своего неожиданного мужа. И чем дальше я отходила от Мордред, тем ярче сиял в душе черный свет азарта. Движения сделались привычно плавными и медленными, словно я плыла сквозь воду. Так уже бывало — каждый раз, когда судьба и собственное сумасшествие кидали меня в очередную опасную эскападу. Время замедлялось и висело вокруг меня, как стеклянное море.

«Да твою мать! — Почти утихший голос вдруг взорвался в голове светошумовой гранатой. — Не смей! Куда?! Какой тебе, к рже, боевой транс, да еще без меня?!»

Я резко остановилась и удивленно выдохнула. Его голос словно за шиворот из проруби выдернул меня из упоительного ощущения опасности обратно в реальный мир. Не совсем, но достаточно для того, чтобы я осознала окружающую действительность.

— Мордред?

«Нет, ржа, прародитель! Повезло же мне наткнуться на окончательно ушибленную инстинктами жнеца-дуру! А я-то думал, что с тобой не так... Осторожнее!» — Перед нами внезапно появилась огромная черная фигура, похожая на человекообразную кляксу. С непропорционально большим ртом, перекошенным в хищной улыбке, длинными и тонкими лапами с когтями-стилетами и отсутствующей задней частью тела. Я инстинктивно перехватила посох, выставив его навершие вперед.

«И чего, ты собралась ее мной как палкой по башке бить? Раскрывай уже, раз полезла», — буркнул Мор.

Раскрывать? Что раскрывать? Зачем? Надо просто ударить вон туда... в глубину разинутой пасти, в тусклый багровый огонек... Подобраться почти вплотную, дать зубам твари скрежетать у самого уха...

«Прародители... как мне все это надоело. Что в лоб, что по лбу. Даже тут придется все сделать самому. И за что мне это... наказание?» — продолжал ворчать Мор, упорно зависнув прямо посреди моего мозга и явно не давая последнему скатиться в кровавый угар охоты.

«За излишнее стремление к самостоятельности», — не знаю даже, откуда всплыла вдруг эта слегка ехидная фраза. Я сама на нее даже почти не обратила внимания, хищно следя за легко плывущей через темноту тварью. Это была моя добыча, ее надо было подманить поближе и ни в коем случае не спугнуть.

«Бей влево!» — рявкнул вдруг только что из всех сил тормозивший мои инстинкты и движения Посох. И я послушалась не раздумывая, молниеносно разрезав пространство его нижним заостренным концом вовсе не там, где еще секунду назад заманчиво пылал багровый огонь темной энергии.

Мир взорвался, и я закричала. А прямо туда, откуда только что слышался голос моего оружия, вдруг хлынул мощный поток света, норовя смыть меня из сознания куда-то за край вселенной.

Я удержалась только потому, что вонзила прямо в середину этого потока посох и он там заклинился намертво, не давая звездному свету унести нас обоих черт знает куда.

Глава 36

— Ну, ржа, как дубину меня еще никто не пользовал. Я ж тебе раз двадцать говорил, что Умбрайя — мечи. И ты даже параллель не сумела провести? В твой маленький мозг не просочилась ни одна капля подозрения, что даже у посоха может быть скрытое лезвие? Хорошо хоть, догадалась нижним концом колоть, а не резным навершием гвоздить! — распекал меня Мордред. Он уже успел послать далеко и надолго прибывшую на место событий пару жнецов, да так, что нам еще и должны остались. Ведь не убитая вовремя тварь «угрожала мелкому гвозденку», и нам, как настоящим родителям, пришлось выполнять работу «за ржавых недоучек, опоздунов и бездельников». А потом буквально телепортировал нас домой, не обращая внимания на «смертные факторы». Скинул Гансу излишек скверны вместе с Васькой, закрыл дверь в нашу спальню и...

Все это прошло мимо меня как-то фоном, потому что все то время, пока Мор меня тащил, раздевал и укладывал, в голове набатом стучала лишь одна мысль:

— Ну дава-а-ай еще куда-нибудь сходим поохотимся? Ну давай, а? Можно сразу в морг, как думаешь? Или просто по улицам походим, вдруг повезет?

— Прародитель! — простонал Мордред, вжимая меня в подушку и нависая сверху. — Я тебя сейчас к кровати привяжу! Да что ж такое, то на охоту ее никакими кубами не заманишь, то теперь с поводка спускать нельзя, а то не успокоится, пока всех тварей в округе не сожрет. Лежи, я сказал! — Он встряхнул меня за плечи, как нашкодившего котенка за шкурку. — Сначала регистрация и карта Мастера! Потом задания от совета! И только потом можно бить тварей, понятно?

— Ну одна маленькая охоточка... просто вот совсем малюсенькая! — Я призывно потерлась о свой Посох бедрами, животом и грудью, заставляя дыхание парня участиться. — Зато потом можем покормить ребенка так, чтобы спал всю ночь и не мешал нам заниматься чем-нибудь интересным... м-м-м?

— Ты вот так прямо без трусов собралась тварей по улицам ловить? — ехидно прищурился белобрысый гад, глядя на меня сверху вниз. — Гвозденюк и так едва не лопнул, обожрался, спит без задних ног. А с тобой у меня сейчас будет серьезный разговор... Похоже, тебя надо учить послушанию, пока не убились к рже.

— Вот прямо в такой позе и учить? — Я прикусила губу и провокационно опустила ресницы.

— Начнем с этой. А там я посмотрю... на твоё поведение.

Мордред:

Маленькая сумасшедшая провокаторша. У меня едва мозг не взорвался от натуги, когда я из последних сил удерживал её сознание от падения в боевой транс жнеца.

Потому что какой, ко всем ржам, боевой транс у неподготовленной девчонки из смертной дыры?! Первый, ржа! И последний! Вот какой!

Самое страшное, что она едва не утянула меня за собой. Это было... настолько пьянящее ощущение... хуже чем тогда, когда она в первый раз спровоцировала меня на секс и привязку. Я на своей шкуре ощутил все те ржавые сказки, коих наслушался в детстве, — про совместное упоение боем и высшее наслаждение охоты. Чуть не перегорел к прародителям!

И это что теперь... каждый раз будет так «штырить»? Словечко из лексикона Аиды подходит к ситуации идеально. Только что мне со всем этим делать?!

Идея привязать её к кровати и на первый, и даже на второй взгляд не кажется такой уж плохой. Тем более что... раньше я думал, что у нас отличный секс, и на многое готов был закрыть глаза ради этого. Но сегодня, после охоты и всплеска бешеного азарта, эта ненормальная показала мне новые вершины. Или наоборот, бездны. Это с какой стороны смотреть.

Короче, по ходу, мне и тут придется как-то контролировать ситуацию, как бы паршиво это ни звучало. Потому что, если я дам волю и ей и себе, мы из постели вовсе никогда не вылезем. Как те грызуны, которым дали кнопочку, вызывающую оргазм, и они нажимали её, пока не подошли к ржам. Убиваться от собственной дурости, подобно животным, у меня нет никакого желания, потому что хоть у кого-то в нашей паре должны быть мозги и чувство меры. Вот

кто бы мог подумать... искал ту, что можно контролировать, — нашел. На свою голову.

Только как-то уж сильно выборочно она отдает эти самые вожжи в мои руки. Да и когда паразитка чего-то не хочет делать — ржа лысого я могу ее заставить. Вроде и не спорит, но выворачивается буквально из пальцев, как противная, скользкая, змееподобная рыба. Хвостом махнула и утекла, а я остался как дурак с дитем под мышкой и проблемой на носу... которую никто, кроме меня, не решит. Ну ничего, у нас еще вся вечность впереди, долго она изворачиваться не сможет... особенно если и правда привязать. Вот к этим самым кроватным столбикам, которые будто специально сделаны для таких забав.

Я приподнялся на локте и взгляделся в лицо спящего Мастера. Темнота в комнате мне не помеха. Хм, а ведь когда спит, становится такой... мирной. И даже немножко милой. Никуда не дергается, ничего не творит, молчит в подушку. Не Мастер, а загляденье.

Кто бы мог подумать, что разбавленная кровь жнецов может дать подобный эффект. Скорее всего, именно оттуда в Аиде это вечное стремление самоубиться как-нибудь позатейливее. У нее просто-напросто природная жажда охоты на тварей. А поскольку никого из знающих рядом не оказалось, никто не объяснил дикарке, что нужно вселенную очищать, разнося «добро и справедливость», а не прыгать вниз головой со всех более-менее высоких поверхностей. Посмотрел я тут записи ее прежних «подвигов». Друзьям и родным она их не показывала, а от меня почему-то не стала скрывать. И чуть не поседел по второму кругу от одной мысли, что эта ненормальная может вытворить, получив силу и скорость настоящего жнеца.

Эта психическая даже без всяких сверхспособностей умудрилась сигануть в каждую ржавую дыру без дна... лишь бы нервы себе пощекотать и приглушить нереализованный инстинкт охоты.

Удивительно, что сохранился хоть какой-то мозг. И любовь к родителям. Они ей ничего не запрещали, совершенно не контролировали (а что, так бывает? И никто по психушкам даже не гонял?), просто любили.

И лишь ее желание их не волновать позволяло ей трезво думать головой и подыскивать своему сумасшествию относительно законный выход. Даже умудрилась не влипнуть в криминал и не подсесть на вещества. Хотя до последнего этой идиотке было недалеко, так что

пусть восхваляет прародителей, а главное — меня. Не появись я так вовремя в ее жизни, совсем бы во ржу скатилась и гвозденка туда утащила.

— Мор-р-рдред, хватит столько думать, мне щекотные сны от этого снятся...

— Скажи спасибо, что не битые, — хмыкнул я, откидываясь на подушку. — По заднице точно не помешало бы.

— Хм-м-м-м, а ты затейник, — мурлыкнула Аида мне в шею, и я, ржа, снова почувствовал, что уснуть получится еще не скоро. — Ничего не имею против таких игр в постели, — провокационно и жарко прошептали мне в ухо тем временем. — Попробуем прямо сейчас?

— Р-р-р-р-р!

Глава 37

Алико:

— Что... что происходит? — Я тревожно огляделась. Только что вокруг был красивый парк, и вдруг, в одно мгновение, все изменилось. Серое поле... нет, не поле, просто очень-очень большое помещение с высоченным потолком. Под ногами немного потрескавшийся бетон. И очень тихо. Пахнет пылью и почему-то корицей.

— Ничего не происходит, — пожал плечами высокий мужчина в кожаной куртке и кожаных штанах. Я такие в городе видела давно, они называются «рокерские». И со странными глазами. Тот самый, которого я встретила пять минут назад на тропинке, ведущей от тренировочного зала к дому. Он тепло улыбался, но от его улыбки дрожь пробирала тело. Он был похож на...

Приютившие меня родственники моего спасителя говорили что-то о том, что я — одно из воплощений смерти, так же как и они. И что должна отрабатывать свое проживание, очищая души. Я им не особо верила, но не хотела противоречить. А вот этот человек... не человек...

— Просто я решил, что тебе надо отдохнуть. Потому и привел тебя в это прекрасное место... — Он все с той же доброй улыбкой оглядел серые стены. — Здесь есть все, что тебе нужно. Рай для таких ленивцев, как я. А для тебя — отличный способ... — он снова широко улыбнулся, и мне стало совсем страшно, — понять, кто ты: человек... жнец... а может, и вовсе робот. Такой же, какие здесь смонтированы.

— Что?! — Мне было одновременно ужасно неловко и очень неуютно. И я совсем не понимала, что он несет... ой, то есть говорит. Нельзя даже в мыслях так разговаривать со старшими...

— Оглядишься вокруг, может, поймешь, — хмыкнул мужчина. — Это старая заброшенная станция терраформирования. Полностью функционирующая, но людей тут больше нет — работа закончена, а модель слишком громоздкая, чтобы ее перетаскивать в другую систему. И демонтировать оказалось дороже, чем просто законсервировать. Поэтому она брошена. Так бывает, знаешь... с тем, что, кроме создания бытовых удобств, больше ничего не умеет и не хочет уметь. Проще на новом месте новую поломойку соорудить.

— А...

— Да и прогресс не стоит на месте. Год-два — и появляются новые машины. А предыдущие становятся никому не нужной рухлядью, даже если полностью исправны и готовы к работе. Так и остаются вот такие места...

— Но зачем я тут?!

— Отдыхай. А то тебя настолько заездили, что ты, кажется, сама уже превратилась в такого дроида. — Он оставил свой несколько высокомерный и насмешливый тон, говорил теперь спокойно и даже печально. — Здешние дроиды повинуются голосовым командам. Прикажи — и тебе создадут все, от еды до дворца с фонтанами. Ни в чем себе не отказывай. Может, если отобрать у тебя функции робота, ты сумеешь наконец понять, где под ними спряталась ты сама? — Он совершенно по-человечески почесал затылок, будто вспоминая. — И вот еще. Если хочешь вернуться к... нему, тебе придется стать собой. И захотеть чего-то для себя. Не для других — поверь, Галахад не умрет с голоду и не зачахнет в одиночестве, если ты больше не придешь. Не для собаки твоей — о ней есть кому позаботиться. Ты сможешь вернуться, только если САМА для СЕБЯ захочешь этого.

— Но я уже хочу! — Поскольку мужчина повернулся, явно намереваясь уйти, я забыла о приличиях и кинулась за ним, пытаюсь схватить за руку. — Подождите! Я все равно ничего не понимаю! Что значит «для себя»? Я и так... я хочу вернуться!

— Нет, пока ты просто испугалась неизвестности, — вздохнул он, не оборачиваясь. Вроде бы не быстро шел, но я не могла его догнать. — Это пройдет, когда разберешься с дроидами. Тут все хитро устроено. На бытовом уровне и голосом управисься, а вот дальше... надо будет по-настоящему захотеть.

— Что значит «по-настоящему»? — Я нахмурилась. И остановилась. Толку за ним бежать? Он как-то жульничает с пространством, это я поняла уже.

— Хм, я и так тебе дал слишком много подсказок. Надеюсь, скоро увидимся! Или не скоро... от тебя зависит. Ресурсов-то тут лет на двести точно хватит. Развлекайся, детка.

И он исчез. Оставил меня одну в странном месте, выдав непонятное задание, неизвестно для чего нужное и совершенно бредовое.

А я села на серый бетон и застыла. Как заморозилась. Горный поток, который внезапно вышел из берегов, смыл мою глупую и не очень веселую жизнь еще там, возле оврага, в который упал светловолосый гость, все это время тащил меня через камни и водовороты, захлестывая ледяной водой и ударяя о стенки ущелья. А теперь наконец выплеснулся водопадом с огромной высоты, и я... полетела вниз вместе с радужной пеной. Пока длится этот полет — я не знаю, буду ли лететь так вечно или вот сейчас разобьюсь об острые камни у подножия гор.

Да... когда твои мама и бабушка — учителя литературы, это накладывает отпечаток. Даже мысли такие... А проще говоря, как началось все в тот день, так я и разу выдохнуть еще не успела. Только сжималась в комок или барахталась из последних сил, чтобы не утонуть. Старалась быть полезной, старалась всегда поступать правильно, как меня учили. А теперь вот сижу... и не знаю, что делать дальше. Что вообще происходит?! И как мне от всего этого не сойти с ума?

— Мамочка... — Слезы сами покатались по щекам, и я впервые не пыталась их сдерживать. Совсем. Все равно тут никого нет, можно не прятаться. Пусто. Ни-ко-го. Вообще. Никто не скажет... что... Наконец, наконец можно не прятаться! — Мама-а-а-а! — я закричала так, что эхо отразилось от высоченного потолка и вернулось ко мне, накрывая с головой лавиной истерики.

Громко плакать нельзя. Кричать нельзя. Требовать что-то для себя нельзя. Что скажут люди? Хорошие девочки думают прежде всего о других...

Хороших девочек не бросают в пустом сером месте как ненужную тряпку...

Значит, я плохая. Все же плохая. Зря старалась.

Значит, я могу наконец просто...

Орать!!!

Пока не охрипну. Пока ужас и боль внутри не выплеснутся вовне с этим криком. Я не знала, что ужаса и боли так много, мне казалось, что я справляюсь... а оно только оседало на дне души черной копотью и копилось, копилось... чтобы теперь прорваться дикими криками и неконтролируемой яростью, с которой я била руками по серому крошащемуся бетону.

— Мама-а-а-а-а-а! Почему-у-у-у?!

— Запрос некорректен. Объекта «мама» на складе не обнаружено.

Создать поисковый модуль в сети для выяснения ответа на вопрос «почему»?

Глава 38

Галахад:

— Ка-а-акой ты невежливый, Галахад. А я-то всего лишь хотел тебе помочь, передать слова высшего руководства, — продолжал издеваться надо мной Кайден. Я не понимал, отчего у него так блестят глаза, но мне это заранее не нравилось.

— Главы? Мастер Виктория бы сама написала мне на коммуникатор, — не поверил я паршивцу. Но тем не менее тщательно просмотрел все входящие вызовы и сообщения за последний час... коих не было.

— Ну, значит, тебя просто не известили. Девушка ведь еще не твой Мастер, нет даже намек на привязку, — развел он руками в воздухе. — И как бы мне ни было приятно смотреть на твою застывшую от страха рожу, я все же не бессердечен. — Рапира облокотился о стену и пожал плечами.

— О чем не известили?! — напрягся я. Подколки и словесные перепалки — это одно, но вряд ли соклановец желал мне по-настоящему навредить.

— Алико забрали на специальную тренировку, — все-таки ответил он, причем на удивление серьезно. — Прямо с полигона, как я понял. Вроде бы у вас там что-то такое случилось... что пришлось принимать срочные меры.

— Мастера Алико, — уже привычно поправил я, но меня проигнорировали.

— Это надолго. Очень надолго. Так что... — Кайден вновь принял самодовольный вид и торжествующе усмехнулся. — Кстати, ты слышал? Тебе было решено подобрать другого Мастера. Точнее, ты удостоен такой чести, что сам сможешь его выбрать. Скоро к нам прибудет некая особая делегация от кого-то из вышестоящих кланов, и поговаривают, они намекнули главе о своем желании...

Он сделал многозначительную паузу и усмехнулся особенно криво и гнусно, как мне показалось. Развернулся уходить и все же не удержался, бросил через плечо:

— А я могу и подождать. Я-то не первый клинок клана, к тому же еще слишком молод... для столь особой чести.

Что он сейчас сказал?! Кайдена? Сам? Признал себя вторым после меня? Да еще таким тоном... словно рад, что награда достанется не ему? Что вообще происходит с этой призмой?

Намек дошел до меня только через пару секунд, хотя он был таким же толстым, как стальная болванка на наковальне. Я идиот. Он сказал...

Он сказал, что у него есть время, чтобы дожидаться. В отличие от меня! И даже не надо произносить вслух, кого этот ржавый штырь собирается ждать. Так, не время для зависания и рефлексии, надо найти главу клана!

Ржа! Неужели совет Умбрайя решил, что, раз у нас так долго нет привязки, мы друг другу не подходим? Но почему тогда меня никто не предупредил и не велел поторопиться? А теперь, после того эпического провала, о котором я еще и сам разболтал... решили все же не отдавать меня дикарке и просто увезли Алико? Но я ведь только... ведь только сейчас начал все осознавать!

К рже Кайдена!

Я несея по аллее, не глядя по сторонам, и поэтому налетел на кого-то с разбегу. Едва не уронил, глаз зацепился только за светлые, собранные в высокий хвост волосы, раскосые синие глаза и голубой плащ с серебряными накладками.

— Простите... Мастер! — Едва удержав равновесие и того, точнее ту, на которую я налетел, попробовал обогнуть неожиданное препятствие и бежать дальше.

— Ну смотри, даже искать не пришлось, — раздался вдруг насмешливый голос чуть в стороне от тропинки. Я резко обернулся и увидел сидящего на камне мужчину в черном кожаном костюме с металлическими заклепками и цепями. Его лицо показалось мне знакомым... прародитель!

В смысле... Прародитель... это. Собственной персоной...

— Смотри, Никуш, какой красавец. Все как ты хотела, — обратился он к синеглазой блондинке, которую я едва не сбил с ног.

— Ух ты! — восхитилась та самая девушка в моих объятиях, глядя внутрь меня. Судя по всему, ее так впечатлила моя оружейная форма. Я аккуратно убрал руки, но она даже не заметила, сосредоточив

все свое внимание на моей сущности. — Да им здания крушить можно! Нет, города! А эти синие искры у рукояти, постой-ка, он еще и стихийной энергией может сражаться? Лед, ведь так? — Она несколько раз обошла вокруг меня, едва касаясь кончиками пальцев. — Так это не просто город разрушить, потом его еще и в ледник укатать! Как вообще такая прелесть может быть ничейной? — Девушка ухватила меня за плечи, пожирая откровенно вождедеющим взглядом.

— Не зря ж местные его сокровищем зовут, — хмыкнул Прародитель. Я кинул на него непонимающий взгляд, но скинуть с себя ладони чужого Мастера не посмел.

— Значит, решено? — спросила она, беря меня за руку. — Идем к главе, и я заявляю права. Как думаешь, пары планет в Красном секторе хватит, чтоб его выкупить?

Пары планет? В самом близком, густонаселенном и развитом секторе призмы?! Да у всего нашего клана в Красном секторе всего три планеты в собственности наберется! Они стоят невероятное количество кубов!

— Не жадничай. Накинь еще столько же — и он точно твой, — хмыкнул Прародитель. — А лучше пять. Для ровного счета и общего престижа. Все же моя родная дочь, даже вернувшаяся из другой призмы, должна соблюдать этот, как его... как его? — Мужчина почему-то посмотрел на меня, словно ожидая подсказки.

Я тоже взглянул на Прародителя практически в отчаянии. События развивались слишком быстро, рушились на меня какой-то бесконечной лавиной, я захлебывался в них и не успевал реагировать. Если бы это был бой, мне бы хватило скорости, я знаю. Но это был не бой! Это был... было... гораздо хуже.

— Тебя ведь Галахад зовут, да? — Ее вторая рука с плеча опустилась на мою талию. — Красивое, героическое имя. От него так и веет целомудрием и нравственной чистотой. И мифология подходящая. Для богини победы — вполне! Хоть ты и молод по сравнению со мной, но все же достаточно взрослый. — Рука на моей талии сжалась, и я почувствовал, как Мастер буквально прощупывает пальцами мою рукоять. — Менять тебе имя не стоит, хотя я и люблю что-то более классическое — Гелиос, Аполлон и все такое.

Она... она древняя! Она дочь Прародителя! Пять высокоразвитых планет на благо клана! Долг. Жизнь в качестве древнего Оружия,

крушащего мира... Даже если она сейчас разберет меня на гвозди прямо здесь, на поляне, разве я имею право ей отказать?

— Ну вот бери и веди, чего стоим, кого ждем? — Прародитель достал из накладного кармана жестяную банку с огненным рисунком по черному фону, звучно распечатал напиток и выпил его с заметным удовольствием. — У него прошлый опыт был неудачный, девочка попалась... слишком нерешительная. Так за рукоять и не взяла. А ему, судя по всему, нужно другое.

— Не-ет! — неожиданно прохрипел я, изумив этим даже самого себя, и... попытался выдернуть ладонь из крепкой руки древнего Мастера. Да, она была по-настоящему древней и сильной, ее аура слепила и вызывала оторопь. Я буквально чувствовал, как утопаю в этой силе, проваливаюсь, будто новорожденная звезда в черную дыру.

Служить такому Мастеру — мечта и высшая честь. Быть проданным семье Прародителя за такую сумму — отметиться в анналах истории на долгие тысячелетия.

А я сошел с ума, потому что как последний идиот пачусь от нее по тропинке и лихорадочно пытаюсь сообразить, как и где мне сейчас искать свою... овечку.

Глава 39

Мордред:

Я проснулся оттого, что вокруг витал запах какой-то выпечки, а место в кровати рядом со мной было пустым. Инстинктивно подскочив, уже готов был сорваться с места — ржа ее знает, куда могло унести с утра пораньше эту адреналиновую наркоманку, хорошо, если только на работу.

А вдруг прыгать башкой вниз откуда попало? За тварями в одиночку, не дай прародитель?! Додумается же, идиотка! С нее станется!

Тц, аж передергивает от собственного мышления курицы-наседки... Стоит признаться хотя бы самому себе: Мордред, ты влип. Ввинтили в неподходящую поверхность, как последний ржавый болт. И самое раздражающее, что ввинтили в одиночку. Бегаешь тут, как гусыня за неразумным выводком, переживаешь, оберегаешь. Да прародитель бы побрал эти чертовы инстинкты Оружия! Или уже не только инстинкты? Ржа-а-а...

А эта... дикарка... как жила, так и живет. Ну разве что удобная прачка-нянька-шлюха в моем лице под боком образовалась. Там настолько мозги набекрень, что ей, кажется, ничто по-настоящему не важно в этой жизни, кроме риска, даже с трудом отобранный ребенок. Ей наплевать на мои увещевания, на призму. Хорошо хоть, охотами можно будет увлечь. Из нее реально после тренировки выйдет отличный жнец. И у нас все шансы войти в историю, потому что ее фанатизм можно направить в нужное русло, и вообще не проблема будет сотворить из нее все, что я хочу. Только контролировать как следует, а там — призма у меня в кармане.

Только вот досада. Кажется, легкоуправляемой чокнутой куклы мне уже мало. Хочется... хочется чувствовать хоть какую-то отдачу, наверное. Пусть даже не любовь, но... сам не знаю.

Сильно разогнаться в своих мыслях я не успел, как и одеться. Потому что дверь в спальню отворилась и в нее неловко, как-то боком, протиснулась Аида. С подносом. На котором стояла тарелка со свежеиспеченными слоеными булочками-круассанами и кружка с

кофе, от которого поднимался сливочно-карамельный пар. То есть кофе точно был для меня. Такой только я и пью, сладкий, бархатный и с отдушкой. Сама Аида обзывает это извращением и давится черной бурдой без сахара...

Я аж дар речи потерял на секунду. Чего? Завтрак мне в постель? С какой радости? Да от нее хлеб передать не дождешься, если зависнет.

— И на сколько ты решила покинуть нас сейчас, расщедрилась аж на целый завтрак? — начал было я, но аромат любимого напитка ненадолго меня отвлек. Через пару глотков я наконец решил посмотреть на эту обнаглевшую... Темные круги под глазами и загнанный взгляд, торопливо опущенный в пол, все же дошли до моего сознания сквозь сонную одурь.

— Что? — Кажется, это называется «мороз по коже»? Да к рже сравнения, какие еще неприятности готовы свалиться на мою голову? А главное — за что опять?! — Что ты уже успела натворить, смертная? И когда?!

Аида очень аккуратно поставила поднос с оставшейся на нем тарелкой круассанов на кровать, села на пушистый коврик у моих ног и подняла на меня совершенно больные глаза. Мне стало не по себе настолько, что я едва скверной не подавился.

— Я... — И замолчала.

— Что ты?! — Через пару минут этой затяжной тишины у меня волосы на голове зашевелились от страха и злости. — С гвоздем что-то?! Ты решила сыграть с ним в одну из своих забав и уронила? Пролила на него кипяток?

Она отрицательно помотала головой и опять не сказала ни слова.

Да вашу ж пространственную дыру! Какого... она молчит, как примороженный к обшивке цвирк?! А знаете что? Мне надоело. Она в моей голове шастает как у себя дома, а я тут буду гадать на ромашках, из какого места ржа сыплется?

— Твою мать... ненормальная, — сказал я с чувством, переставил поднос на тумбочку, за руки вздернул эту... дикарку с пола, пихнул на кровать, прижал и навис сверху. — В глаза смотри!

И рванул по связи.

Аида:

Утреннее отрезвление было... это было гораздо хуже, чем все прошлые разы, вместе взятые. Этот чертов адреналин иногда хуже

алкоголя — я натурально пьянею, а потом закономерно наступает похмелье со всеми его прелестями.

На этот раз физически я была в полном порядке, к удивлению. А то ведь бывало, что меня и в теле корежило, не только в мозгах.

Но вот морально... словно полупрозрачную штору на окне отдернули, и я впервые увидела события последних недель без этого легкого флера безумия.

С самого начала, когда я поняла, что Анютки больше нет, а мне предстоит бой за Ваську и родительский дом, — с самого начала я начала скатываться в это состояние, нужно было... я пыталась, честно. Но любая стрессовая ситуация — это толчок к краю пропасти. И на этот раз я летела туда на всех парах без стоп-крана, даже не пытаюсь затормозить.

Отрезвление стало болезненным. Не знаю, почему оно настигло меня именно этим утром, но факт налицо. На хрен все эти заморочки с призой, охотами, тварями и прочей мистикой. У нас вчера в студии умер человек. Буквально на моих глазах. То есть я этого не видела, но почувствовала. И что?

А то, дорогуша, что вместо того, чтобы хоть как-то помочь или посочувствовать, да черт с ним, просто ЗАДУМАТЬСЯ О ПРОИСХОДЯЩЕМ, узнать, кто это, ты не глядя сунула собственного ребенка в руки кому попало и рванула на запах смерти, как чокнутая наркоманка на дымок кипящего амфетамина!

Если бы не Мордред...

Вот еще один повод умереть на месте от стыда. Какие бы у него изначально ни были мотивы, как бы он ни обзывался и ругался... разве это повод пользоваться им, как... как... удобной вещью? И даже...

Да, знаю, во время отката депрессивные мысли перекрашивают мир в черные тона и сейчас я несколько драматизирую. Но суть-то от этого не меняется.

Я брала у него все, что мне нужно, от сумасшедшего секса до ухода за ребенком, я прекрасно знала, что он уже просто физически не может от меня уйти. Я брала и не парилась, не обращая внимания на его желания и эмоции. А взамен еще пока не дала ничего, кроме эфемерной «свободы от семьи». И то, от одной кабалы спасла, в другую посадила.

И самое страшное... я не знаю, смогу ли дать ему что-то в будущем. И вообще, безопасно ли рядом со мной находиться ему и... ребенку?

Что, если в следующий раз меня все же сорвет в этот «боевой транс жнеца», которого он так боялся? Ладно, если только сама угроблюсь, я привыкла знать, что рано или поздно это все равно произойдет со мной. Но я не хочу утащить с собой его... и Ваську.

Глава 40

— Ржу тебе в башку, дура ненормальная, — ругался Мордред, кутая меня в одеяло и отпаивая своим приторным кофе. Меня же накрыло так, что я лишь покорно стучала зубами о край кружки и даже не давилась этой карамельной гадостью, а пила. — Хотя нет, не надо, она у тебя и так уже насквозь! Вчера еще все отлично было, скакала на тварь, как цвирчати́на на склад скверны, галопом. И ни о чем не думала. А сейчас тебя чего переклинило?! Адреналиновый откат? Ну да, он самый... Я уже не знаю, что хуже, когда ты чокнутая или когда трезвая!

Мор усадил-таки меня на кровать, обложил со всех сторон подушками, громко бурча, ушел в другую комнату и тут же вернулся, неся под мышками гуся и Ваську:

— На! Тискай, говорят, женщинам это помогает успокоиться. — С одной стороны в мой кокон заткнули птицу, с другой — довольного вниманием ребенка, тут же обслюнявившего мне руку. — Нет, я хотел, конечно, чтобы ты задумалась. Но, ржа! Почему с некоторых пор все мои желания исполняются настолько буквально и обязательно через задницу?!

Он огляделся, ища, где присесть, но потом плюнул и уселся на ту же кровать.

— Давай я немного облегчу твои муки... совести, или что у тебя там изъявило желание проснуться. — Вот вроде и пытался изобразить презрение во взгляде, но тем не менее голубые глаза Мора были на удивление теплые. — Другие Мастера — еще гаже тебя. Потому-то я и не хотел оставаться с дражайшей родней. Подобрали бы мне такую же гримзу, как они сами, и лязгнуть бы не позволили. Оно мне надо?

— Ну спасибо, — прохрипела я, пытаюсь улыбнуться сквозь гримасу неуверенности и страха. Прижала к себе пискнувшего мелкого, посмотрела в его блестящие глазенки и снова едва не заревела. Маленький, доверчивый... нежный такой, хрупкий... почти как Мордред. А я...

— Чего?! — охренел бессовестно подслушивающий мои мысли Мор. — Как я?! В каком месте я нежный и доверчивый?! И...

хрупкий?! Да ты мной тварь вместе со стенами крошила! Пришлось соврать про взрыв газового баллона! И это ты мной еще не в полную силу билась!

— Да не в том месте хрупкий, — поневоле хихикнула я сквозь слезы.

— А в каком же?! — недобро прищурился он в ответ.

— И не в том! — Я потихоньку отдышалась — между прильнувшим Васькой с одной стороны и толстым теплым гусем с другой и правда стало как-то легче. — Ты о чем вообще подумал? Я душу имела в виду!

— Души сами по себе достаточно хрупкая материя. Потому и существуем мы — жнецы, — как-то тяжело вздохнул он. — Если не очистить душу от налипших на нее негатива, злости, страха и переживаний — пройдут тысячи, а то и сотни тысяч лет, прежде чем она сможет восстановиться в мироздании. — Было видно, что столь длинные и серьезные рассуждения он не привык говорить вслух. — А насчет того, что рядом с тобой опасно, — выброси уже чушь из головы. Гвоздя никто на охоту не потащит, пока не вырастет и своего Мастера не найдет, а мы с тобой в любом случае должны работать по назначению. — Он махнул рукой куда-то в сторону.

Я невольно скосила туда глаза, ничего опасного не обнаружила и выдохнула. Почему-то сейчас мне очень даже нормально думалось, что я не хочу никакого риска у себя дома поблизости от моего... ребенка и моего мужчины. От моей семьи.

— Потренируешься пару лет и, может, будешь нормально в транс входить, без этих перепадов, когда сначала смерч в мозгах от азарта, а потом откат и истерика, — резюмировал тем временем белобрысый ментор. — Выдыхай уже, М-мастер мой недоделанный. Твои инстинкты — это нормально. Даже, наверное, круто. Просто надо ошейник надеть и вовремя тебя тормозить. Справлюсь! — усмехнулся он.

Я, все еще придерживая одной рукой Ваську и отпустив Ганса, подползла по кровати поближе к нему, устроилась под боком, взмахнула намотанным на мои плечи одеялом как крыльями, чтобы обхватить и затащить в теплый кокон мужчину, а потом положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

— Не бросай меня... пожалуйста... — Горячая капля обожгла щеку и упала куда-то в его волосы. И еще одна. — Я... я еще, наверное, не люблю... я не умею, и времени прошло мало. Но я уже... начинаю. Кажется.

— У нас привязка, дура. Куда я от тебя денусь?.. — У Мордредра покраснели кончики ушей, и он поспешно отвернулся, утыкаясь носом в плечо. — Да и не хочу я вечность ходить и о совесть спотыкаться. Ты ж без меня помрешь и гвозденка уморишь. Так что...

«Не уйду», — прошелестело у меня в мыслях.

Я прижалась еще крепче и почувствовала на плече его руку — он обнял нас с Васькой. Но буквально на полминуты — почти сразу отстранился, выпутался из одеяла и даже Ваську отобрал. Посмотрел оценивающе и хмуро. На меня, на беззубо улыбающегося пацаненка. Потом резко всучил мелкого обратно:

— Оголодал уже, ржавенок. И не на скверну, а на обычную еду. Займись дитем, я пойду кашу ему приготовлю. И... и потом одевайтесь. — Слегка подумав, он решил пояснить: — Надо идти регистрироваться, нечего дикаркой без карты по тварям скакать. Скверну мы, конечно, полной ложкой загребли, но второй раз этот номер может не пройти. Та парочка нам скорее от шока свою тварь простила, а некоторые и скандал организовать могут. И вообще... — Его выражение лица снова вернулось к высокомерно-стервозному, но от этого не менее привлекательному. — Я задолбался жить как в пещере. Теперь у меня есть полноценный Мастер — я хочу получить нормальный доступ к цивилизации. И к своим счетам!

«Раз уж мне в кои-то веки повезло и твое чувство вины сделало тебя такой послушной — надо пользоваться случаем».

— А это ты нарочно так громко подумал или само выскочило? — Как ни странно, его грубовато-приказной тон меня успокоил окончательно. Было в нем что-то такое... надежное.

— Ржа тебе... Не подслушивай! Блокиратор тоже в список внести надо, никакого личного пространства с этими необученными дикарками. Лезут в твою голову как к себе домой, а это, между прочим, невежливо.

— Я не виновата, что личное пространство у нас вдруг стало одно на двоих, да, Вась? Вот ты тоже так считаешь? Умничка!

— Вообще-то, этот гвоздь пока не только считать, но и думать связно не умеет, — ехидно ухмыльнулся белобрысый гад уже в дверях. — Так что неудивительно, что ваше мнение совпадает: ты в своем умственном развитии недалеко от него ушла. Иди памперс поменяй ребенку... общему!

Глава 41

Алико:

— Нет, не хочу. — Я раздраженно отодвинула тарелку. Еда пахла хоть и незнакомо, но очень вкусно. Беда только, что аппетита не было ровно никакого.

За прошедшую неделю я разобралась, как не умереть с голоду и обеспечить себе нормальную жизнь. Даже богатую, особенно по меркам нашего села. Было дико непривычно первые пару дней, но потом я перестала обращать внимание на невидимые силы, построившие мне посреди серого поля дом, засыпавшие округу землей и посадившие там целый ботанический сад.

То есть сначала было страшно. Потом немного интересно, хотя полностью насладиться этим чувством мне мешало беспокойство. Причем непонятно за кого — тот мужчина сказал, что с Галахадом и Кабато все будет хорошо, о них можно не волноваться и о них есть кому позаботиться. Я и не волновалась. То, что я чувствовала, называлось как-то иначе...

Потребовалось много времени, чтобы я поняла это странное ощущение. Жжение в груди и пустота — это не тоска, не волнение, не горе и даже не страх.

Это обида. Мне было ужасно, до слез, обидно за то, что меня выкинули, как половую тряпку, как... Собственно, родственники бабушки тоже так часто поступали, и я тоже сначала плакала от этой боли. А потом перестала — эти люди стали мне родней только на словах, к тому же я не представляла, куда от них уйти.

А сейчас... мне было ужасно обидно. Просто ужасно. Причем я не обвиняла никого, и меньше всего Галахада. Ну, это же как на Кабато обижаться, что у него теперь другой заботливый хозяин.

Обижалась я по большей части на себя саму. Я все же не дура и за время жизни в клане многое успела узнать. В частности — то, какие отношения связывают Оружие и Мастера. Отношения были странные и противоестественные, на мой взгляд, но я уже давно не ребенок и знаю, что жизнь не спрашивает нашего мнения, чтобы устроить себя так или иначе. Ее надо принимать такой, какая есть.

И получалось, что я сама кругом неправа. Чтобы владеть мечом, надо держать его за рукоять, а не только полировать и чистить лезвие. А я... я разве могу?

Я себя-то, как выяснилось, не очень знаю и понимаю, что уже про «владею» вспоминать. Тут вон первые дни боялась роботам сказать, что восемь комнат размером со школьный подвал — это перебор. И что мне не нравятся алые стены в спальне. И что...

Короче, после того, как мысли в моей голове, которые местные фантастические машины тоже слышали, окончательно вступили в конфликт с тем, что я могла из себя выдать в качестве команд, и я оказалась в пространстве безумного художника-экспрессиониста, все же в мозгах начало немного проясняться.

Если мне не нравится ломать глаза и ноги об острые углы всех цветов радуги — стоит для начала определить, чего же я в таком случае хочу. Не для удобства других — живых, кроме меня, тут не водилось, дроидам же было совершенно все равно, как и что строить. Не зажимаясь, чтобы никого не побеспокоить, — опять же дроидам было наплевать: просто бездействовать или выполнять задание. А лишь для себя. Чтобы для начала просто сесть и успокоиться. Не метаться в ужасе среди разноцветных кубов и ледяных сталактитов больного воображения. А дать четкие указания и команды.

Так непривычно... но я справилась, сделав себе вполне уютный дом, немного похожий на тот, в котором я провела детство. Именно немного — попробовав увеличить сходство, я поймала себя на мысли, что мне больно в него входить из-за воспоминаний, и на несколько часов просто замерла: и что делать?

Ответ оказался прост и сложен одновременно — делать все, что захочу. Как захочу. А как не захочу — не делать. Это оказалось так увлекательно и непривычно, что на несколько дней даже отогнало обиду и грустные мысли. Я устроила вокруг дома сад, даже с маленьким прудом, я вспомнила все кухонное оборудование, какое только бывает, и поставила его на кухне, я даже развлеклась, наводя уют в двух комнатах.

А потом все снова стало плохо. Потому что... потому что было совершенно нечем заняться.

Кухонное оборудование оказалось бесполезным. Сначала роботы просто генерировали уже готовые блюда. И даже когда я «научила» их

воспроизводить ингредиенты... оказалось, что мне просто некого кормить. И это чувство, кажется, больше всего привело меня к осознанию своего «я». Я не «должна» о ком-то заботиться, но мне... мне это нравится. Мне нравится видеть запачканные в масле от моих лепешек лица детей. Нравится, как сияют умиротворением глаза моего принца, когда он вдыхает пар от отвара. Нравится, какими большими становятся глаза домочадцев, когда они видят меня на кухне. Все эти глупые действия в клане... я делала не для того, чтобы кому-то понравиться. Вернее, не только для этого. Мне самой. Самой хотелось так поступать.

Конечно, я чересчур суетилась. Та же стирка, глажка... Галахад был прав: роботы сделают все идеальнее. Но знаете, это довольно символично: постирать и погладить рубашку своего мужчины. Это как оставить на нем свой след. Показать всем в округе, что это — мое. Вот только, наверное, я не умею это правильно объяснить.

А еще я поняла слова того пугающего мужчины. Вот суетятся роботы вокруг. Может, им и нравится меня обслуживать. И я даже благодарна. Но... но этого мало. Обидно, да?

Они всего лишь роботы. Но я-то нет. Правда? Я человек. Только... я, оказывается, не знаю, КАКОЙ я человек. Совсем-совсем не знаю...

Мне негде и некогда было об этом узнать. «Хорошая девочка и примерная жена» из меня не получилась. Точнее, выяснилось, что я уже не хочу ею быть. А кем тогда? Кто я?

А еще я... Нет, не так. Не «еще», а в самом начале я поняла: я все равно буду защищать того, кто от меня зависит. Это нетрудно. Ну, в смысле, все просто и понятно — мне легко было угадать, как действовать, чтобы защитить других. Только вот... кто тогда защитит меня? Дома считалось, что, если я что-то делаю для других, я не должна ждать благодарности, тогда все само собой как-то наладится.

Жаль, выяснилось, что так не бывает и не работает. А как?

Сейчас у меня все равно нет никого другого, чтобы его защитить и сделать его жизнь хорошей и счастливой. У меня есть только роботы и я сама.

Может, тогда... попробовать сделать что-то для себя так же, как я делала для других? Но для этого надо узнать, что мне нужно. То есть все вернулось туда, откуда началось.

Узнавать про других и угадывать их желания я умею. Если хорошо подумать, я же не сильно отличаюсь от остальных людей, значит, и желания у меня должны быть примерно понятные.

Осталось их выяснить. Пока я осознала лишь одно: не хочу быть одна.

Глава 42

Кажется, прошел уже месяц. Почему «кажется»? Потому что дни я считать не хотела. Хотя, как ни странно, ужас и одиночество первых дней постепенно отступили. Может, потому, что я слишком устала бояться и плакать?

А еще я очень много спала, ужасно много, гораздо больше, чем за всю предыдущую жизнь. Непривычно не вскакивать с рассветом, потому что надо заниматься домашними делами, кормить скотину, готовить завтрак... Для себя самой испечь лепешку — дело двух минут. Незачем торопиться.

А я ведь привыкла спать мало. Даже в клане старалась подняться ни свет ни заря, чтобы успеть многое. Мне казалось, это нормально. Но просыпаться тогда, когда глаза открываются сами, и чувствовать, что ты выспалась, — это было новое для меня.

— Мастер Алико, ванна с травами готова. Произведено сканирования вашего состояния здоровья. Сообщаю итог: хронический недосып почти ликвидирован, общее состояние на 67% соответствует норме, рекомендовано добавить в воду витаминные добавки Ar2437 и Ce5675.

— Ну добавь. — Я кивнула, раскатывая тесто тоненько-тоненько. Когда печешь одну лепешку, торопиться не надо и можно наслаждаться процессом. А разный кухонный скарб на свой вкус я уже давно придумала, как получить. И как отбиться от безвкусной каши, которой меня пичкали первые дни. А потом и от разных инопланетных деликатесов — кухонный дроид оказался обучаемым. Когда я сообразила, как подключить его к сети, он, похоже, вообразил себя шеф-поваром при дворе царицы Тамары и завалил меня экзотическими блюдами, две трети из которых выглядели так, что я боялась их пробовать.

Сначала мне казалось некрасивым отказываться, вбитые с детства правила гласили: угостили — значит, ешь и хвали. Потом я попыталась увилить, потом и вовсе взбунтовалась и с тех пор готовила себе сама и то, что я хочу. Это оказалось неожиданно не так страшно, как внушала бабушка, говоря о том, что невежливому человеку самому с

собой тошно. Так вот она, кажется, ошибалась. Настоять на своем даже... приятно. И для этого вовсе не нужно грубить. Нормальными словами тоже можно объяснить. Может, дело было в том, что угощал не человек? Хотя он тоже обижался и булькал, что ему не дают нормально работать.

Я упрямо делала все по-своему. Дроид только помогал. И все время пытался подsunуть мне новый рецептик из сети. Дундук горный, у него доступ был только в какие-то кулинарные архивы. Сколько я ни пыталась через него отправить сообщение — ничего не выходило. Система меня просто «не понимала».

Как и все другие системы: хочешь архитектурные архивы, чтобы распланировать возле дома двор с другими постройками, — пожалуйста, хочешь сказки и мультфильмы в свободное время (половину я опять же не понимала, совсем чужая культура) — нет ничего проще. Хочешь шить себе платье — без проблем, видеоуроки самых разных способов, любые материалы и инструменты. Хочешь посадить цветы у входа в дом — целый ботанический сад в семенах к твоим услугам. Только выбирай.

Несмело, постепенно, но я увлеклась. У меня никогда не было возможности устроить вокруг себя все так красиво и удобно, как я хочу, всегда что-то мешало — отсутствие денег, времени, сил, желание тех, кто жил рядом...

Я не перестала думать о Галахаде. Мне все еще было горько и одиноко. И обидно. Хотя я понимала, что обижаться не на кого. Но зато у меня появилась великолепная возможность отвлечься.

— Закончен анализ задачи № 569. На базе не содержатся ресурсы для постройки и установки стационарного телепорта, но по результатам психологического тестирования получен доступ к монтажным алгоритмам. Создать подзадачу 569.1 для закупки требуемых материалов? — внезапно выдал местный аналог старенькой искусственной души. Я даже не сразу поняла, что это она и есть, только спустя время догадалась, что «система» — не просто программа.

— Создать. — Сердце забилося в горле. Отчасти потому, что я вдруг опять испугалась. Я хотела увидеть Галахада... и в то же время вдруг подумала: а достаточно ли мне... отдыха? Или я хочу еще?

Хочу. Очень. Но... не одна. Я хочу... я хочу, чтобы он был тут. Со мной. Чтобы было спокойно и весело, чтобы настоящий дом, а не комната в общежитии Оружий, чтобы собака... и кошка. И редкие гости, которых можно угощать, водить по саду и устраивать в красивых просторных комнатах на ночлег.

Чтобы он тоже мог забыть о сотне правил и ограничений, снять вечную ледяную маску. Чтобы сидел без рубашки у пруда и ловил рыбу, которую я пожарю на ужин. Чтобы к нему прибежал... ребенок и нашумел, распугав всю добычу. И чтобы он принес этого неслуха на открытую веранду, где я накрою на стол, и улыбнулся мне, поднимаясь по ступенькам. Тепло-тепло. Только мне...

— Система нуждается в дополнительной информации и уточнении команд. Создать объекты «он», «собака», «кошка», «ребенок» и «рыба»? Какие параметры требуется заложить в каждый объект?

— Нет, нет... — Я почувствовала, как механический голос буквально разорвал вставшую перед глазами идеальную картинку. — Ты создавай телепорт. А все остальное... кроме меня, никто создать не может.

— Синтез слишком сложный? — Мне почудились участливо-задумчивые нотки в механическом голосе.

— Как повезет. — Я вздохнула. — Все зависит от того, захочет ли объект «он» ловить рыбу в моем озере. Раз меня не искали все это время... значит, и не хотели. Я же вспомнила этого мужчину в черном — он их главный... патриарх? Нет, не так, прародитель.

— Прародитель является высшим существом среди жнецов. Нерушимая директива номер 0-1, — подтвердил голос.

— Ну, в любом случае вряд ли он похитил меня и ничего не сказал всем остальным. И Галахад у тоже. Мне велено было выбираться самой, это мое испытание в новом для себя мире. А потом идти куда вздумаю. — В душу закралась нерациональная обида. — Но в клан мне вернуться тоже не запрещали, я попробую. Страшно, знаешь... очень. Но попробую. Раз уж я теперь знаю, чего я хочу.

— Расчет подзадачи № 569.1 выполнен. Закупка и доставка требуемых материалов возможна. Ориентировочное время сооружения стационарного телепорта — восемь часов двадцать девять минут сорок три секунды. Приступить к выполнению?

— Да...

Я пойду и спрошу. А потом... а потом подумаю, как жить дальше. Сюда я, если что, всегда могу вернуться. И это дает какую-то твердую опору под ногами. Может, именно его мне всегда не хватало? Места, куда я могу вернуться и побыть одна. Или не одна, если повезет.

Глава 43

«Хорошей охоты, ребенок. Надеюсь, прошло не слишком много времени с нашей последней встречи. Ты же не сидела в той дыре годами, ведь так? А то следить за всеми... тот еще геморрой, поверь мне. Потому я просто поставил это сообщение на воспроизведение в момент первого выхода из телепорта.

Так, о чем это я? Ты наконец додумалась построить телепорт и перенестись в другое место. Значит, готова прервать свое одиночество и, скорее всего, что-то для себя решила.

Неважно, решила ты вернуться в клан за Галахадом (если он тебя дождался) или вольно странствовать по вселенной, я не посмею тебя осуждать. У тебя появилась возможность выбирать, а это как минимум честно. В любом случае у тебя уже есть эта чудная станция и небольшой (ну, по моим меркам) запас кубов скверны. Около ста тысяч больших, что ли, я не помню... неважно. Но ты же не собираешься постоянно выезжать на моей шее, слишком хорошая девочка.

Так вот, ходи куда хочешь, к кому хочешь и занимайся своими делами, какие считаешь важными. Координаты клана Умбрайя и постоянный пропуск на их территорию уже забиты в ИД станции и в твой персональный браслет, попроси — выдаст вместе с картой Мастера. Там же куча всяких других координат, на Землю и не только. Потом глянешь, разберешься.

В общем, удачи.

Надеюсь лишь, я не навредил еще больше, а то психолог из меня тот еще. Пока-пока!

Твоя Смерть. В смысле, Прародитель»

Огонек на экране еще мигал, а мужской голос уже смолк. Искусственная душа услужливо вывела текст только что озвученного послания на мой браслет, выпавший из боковой ниши того, что я по смутным представлениям из книжек и фильмов обозвала пультом управления. Там еще карта была, похожая на кредитную, но потолще. Что это такое, я знала из уроков Галахада — это мой универсальный паспорт в призме, а по совместительству еще и кошелек.

Сто тысяч больших кубов — это много или мало? Господи, о чем я думаю? Я же должна пойти и найти Галахада. А он потом пусть разбирается, что нам оставил Прародитель... этот.

Да, я больше месяца училась быть самостоятельной, и вроде бы у меня получилось. Но я еще одно поняла: мне нравится быть замужем. Как положено замужем — за мужем. Чтобы он был сильный, добрый и умный. Как Галахад... А я — а я устала что-то... Пусть я немного побуду не только самостоятельная, но и любимая. Охотиться на тварей мне это не помешает — я уже все про это прочитала и даже немного потренировалась на полигоне, который создала для меня система станции.

— Портал на территорию клана Умбрайя, пожалуйста, — сказала я и почти решительно шагнула в открывшуюся арку перехода.

Клан моего... мужа встретил меня необычной суетой. Вокруг бегали дети с какими-то белыми ленточками, куда-то спешили взрослые. Они были настолько заняты своими мыслями и обсуждениями, что на вновь прибывшую меня даже не обратили внимания. А еще, помимо типичных белокурых представителей клана белых мечников, было множество гостей самых разных мастей. От угольно-темных до красно-рыжих и кудрявых.

— Ой! — Внезапно в меня врезалось маленькое Оружие, держащее пучок белых ленточек. — Ой, Мастер Алико! Держите! С праздником вас! — протараторил мальчишка, вручив мне часть своей ноши.

— С каким? — смогла я лишь крикнуть ему вдогонку, но ребенка уже и след простыл.

— Алико. Рад тебя снова видеть... Мастер. Приятной охоты. Ты уже закончила свои тренировки? — раздался сзади знакомый голос. Перебирая белые ленты в руках, я перевела взгляд на Кайдена. — Ты удивительно вовремя. — Он улыбнулся вроде бы открыто, но я буквально кожей почувствовала неладное. Это еще с тех времен пошло, когда родители были живы и все только начиналось. Я умела распознать, в каком настроении вернулась мать отца с работы, похвалит ли меня за хорошо вымытую посуду или сердито сдвинет брови и с белым платком пойдет придиричиво проверять все полочки на кухне — нет ли где пылинки.

— Здравствуй. — Я спокойно улыбнулась, стараясь выдохнуть и не позволить волнению отразиться на лице. Этому я тоже научилась рано — когда на тебя сердится взрослый, нельзя плакать или, не дай бог, показывать, что ты зла, если упреки несправедливы, на твой взгляд. Надо держаться спокойно и с достоинством, тогда бабушка, скорее всего, не станет ругать сильно и не отшлепает выбивалкой для ковров. А вот если разревешься или начнешь оправдываться... лучше не вспоминать.

— Пришли на праздник привязки? — понимающе хмыкнул собеседник. — Согласен, не каждый раз проводится настолько грандиозное торжество. Но выкуп за внука главы предложили действительно астрономических масштабов, она просто не смогла отказать.

— Внука? — переспросила я, чувствуя, как сердце отчего-то проваливается в желудок.

— Ага. Последнее время на нас буквально дождь из Мастеров свалился, один другого краше. Одна Галахаду даже флаер последней модели презентовала, не надеясь на взаимность. Дорогое вышло... сокровище. А этот вот Мастер, с которым и проводится церемония, не просто отказался от приданого, еще и сам отдал в качестве выкупа полностью терраформированную и оборудованную под курорт планету в Зеленем секторе. Готовый доходный бизнес! Это ж сколько кубов теперь будет клан загребать...

Кайдэн буквально лучился довольством, а мне что-то становилось все хуже и хуже. Прародитель... он тогда сказал... что о Галахаде и даже о Кабато есть кому позаботиться. И похоже, действительно есть... И эта тревожная строчка в письме: «Если он тебя дождался»...

— Тебя до зала проводить? — снова улыбнулся он. — Церемония вот-вот начнется. Глава клана намерена сама передать внука в руки его нового Мастера. Пойдем посмотрим? Это очень красиво.

— Спасибо, не стоит...

— Алико. — Кайдэн вдруг разом стал серьезным, словно его переключили с одной программы на другую нажатием на кнопку пульта. — Мастер Алико, я хочу разделить с вами одну охоту на двоих.

— Что?! — Мне с трудом удалось удержаться в рамках маски, которую я привычно натянула. Это он сказал... кажется, одну из торжественных, но неофициальных формул предложения? Но...

Во рту вдруг появилась горечь, и голова закружилась. Я посмотрела Кайдену в глаза и мягко покачала головой.

— Прости. Но если не он, то никто.

Развернулась и шагнула в арку открывшегося телепорта.

Глава 44

Галахад:

— Нечего сидеть тут с траурным видом. Иди и сам ищи своего Мастера! — рывкнул вдруг у меня прямо над ухом Кайден.

Вот так начался наш диалог. С какой ржи поутихший было в последнее время второй клинок на меня заорал, я совершенно не понял. Я всего лишь тихо сидел в сторонке от суеты и никого не трогал. Да мы с ним сегодня даже не встречались! Глава клана решила запрять меня в подготовку церемонии, «для получения практического опыта как принца-консорта», и, честно сказать, я успел выложиться практически до изнеможения. Не каждая охота так выматывает.

— Что ты ходишь с кислым видом, как будто ржавый лимон проглотил?! — продолжал ни с того ни с сего разоряться этот псих. — Какого хрена ничего не делаешь, если она тебе так нужна?! Чего ждешь?

— Кайден... поясни мне суть претензий. Какой цвирк тебя сегодня укусил? — устало спросил я. И без него тошно вот уже больше месяца. Я устал отбиваться от бесконечных предложений самых разных Мастеров и объяснять главе клана, почему опять «нет». Я устал ждать и искать ответ на вопрос, куда они дели Алико. Мне все равно никто так и не ответил. А этот ржавый недокованный гв... в смысле, Прародитель и вовсе начал бегать и прятаться, как мальчишка, уже на третий день после отвергнутого мною предложения леди Ники. Учитывая, что мне самому пришлось осторожничать и скрываться от внезапно возжелавших моего тела и металла Мастеров, наводнивших клан... скажем так, это было не самое легкое время моей жизни. Ржа побери, я даже в стойбище Ивановых добровольно побывал. И даже жил там несколько дней, потому что их глава покачала головой и велела мне пойти отоспаться, пока я из нормального меча не превратился в проволочную зубочистку.

Я пошел в тот самый шалаш, где в прошлый раз мы были с Алико, выпил то, что мне там подсунула очередная внучка главы, и отрубился на сутки. А когда вернулся домой, выяснил, что кто-то зачем-то поскандалил с Викторией, после чего на меня перестали давить хотя

бы с этой стороны... но присылать претендентов все равно продолжили.

Так и жил на последнем нерве. А сегодня еще и у Кайдена окончательно проржавело лезвие. Ну спасибо.

Неожиданно меня схватили за воротник и вздернули со скамьи, на которой я сидел, так, что я оказался нос к носу со злющим Рапирой. Какая ржа у него в мозгу на этот раз, интересно?

— Идиот! — прошипел он мне прямо в лицо. — Вот останешься без Мастера — так тебе и надо... Посылай запрос, придурок, пусть отследят ее телепорт, и вали туда, куда она ушла, бегом!

— Что?! — не сразу сообразил я. — Алико? Она была здесь?!

— Была да сплыла, — неприятно оскалился Кайден, отпустил мой камзол и резко отвернулся.

— Мне из тебя клещами каждое слово тащить? — чувствуя, как холодеет от бешенства и беспокойства душа, переспросил я. — Раз начал — договаривай.

— Я сказал ей, что мы празднуем привязку внука главы, и предложил ей себя в качестве второго Оружия. А эта... дикарка ударилась в слезы и портанулась, — недовольно сморщился Кайден.

Я пару секунд осознавал его слова, а потом коротко, без замаха, врезал ему в челюсть. Силу в удар вложил от души, и Кайдена отбросило на несколько метров, снеся одну из праздничных декораций. Ничего, железный, не сломается.

— Дословно. Где. Когда. И что ты ей сказал? — говорить было трудно, потому что губы как будто смерзлись. Ну, зато запрос ИД по менталу улетел почти мгновенно. Жаль, ответ не поступил так же быстро. И эту паузу, пока я его ждал, надо было чем-то заполнить, чтобы не сойти с ума.

Кайден криво усмехнулся, встал и вытер с подбородка кровь от прокушенной губы. Шагнул вплотную, устанавливая зрительный контакт, и буквально швырнул мне короткое воспоминание в ментале.

— Не оправдываюсь, — сплюнул он кровь. — Я реально думал, что она в лучших традициях слезливых голофильмов побежит тебя отбирать и оспаривать решение главы. Такая картина бы была! Ага, как же... и не скажешь, что она — Мастер. Слишком... — Кайден посмотрел на меня и, опасаясь еще одного удара, все же смягчил слова, — робкая и слабохарактерная.

— Слабохарактерным станешь ты с переломанными костями, если я не найду ее в ближайшее время! — рыкнул я, чувствуя, как завибрировал браслет. ИД наконец-то проснулся и включил поисковик.

— Нужен был бы ты ей по-настоящему — она бы хоть попыталась тебя забрать! — рявкнул раздраженный Кайден. — А не смоталась ржа поймет куда! Младенец знает, что, пока привязки нет, все можно оспорить, а у нее право первой очереди!

— Ты идиот. — Я сначала и сам задохнулся от боли после его слов, а потом вдруг дернулся от внезапной догадки. Ну конечно! Устало потер лоб и посмотрел на Рапиру почти с жалостью. — Каждый клановый младенец знает. Каждый. Клановый. Сам допрешь или разжевать?

— Ей же... преподавали...

— Месяц, да. Основные правила и устройство нашего мира. Остальное мы, жнецы, учим десятками лет. И впитываем, просто живя в клане столетиями. А ей всего восемнадцать, Кайден!

— Как восемнадцать? — Глаза у Рапиры стали большие и... очень большие. — Она что, совсем младенец? По-настоящему?! Но... она же выглядит как... и потенциал у нее есть, и...

— Дикарка, Кайден.

— Какого тогда ржа ты отпустил ее куда-то одну?!

— Да когда это я ее куда-то отпускал?! Мое мнение здесь ничего...

Внезапно меня осенило одной простой мыслью. А ведь нет. Очень даже значит. Я ведь смог отказаться от всех этих выгодных предложений, и никто даже глазом не повел. Ну, то есть сначала нудели и давили, но жестких приказов не было, потом вообще перестали. Неужели настолько... значит?

— Какого ржа ты тогда стоишь и думаешь, придурок?! — заорал между тем Кайден. — Да... запрос послал?! А-а-а-а... — Он махнул рукой и схватился за свой браслет. — Щас, я сам!

«Координаты точки выхода не зафиксированы».

Кажется, Рапира все же успел отправить сообщение ИД, потому что ответ пришел одновременно на оба браслета. Мне больше всего на свете хотелось удавить этого «претендента на место второго Оружия», но сейчас не время. Тем более если он готов помочь исправить

катастрофу, которую сам и спровоцировал, то все разборки однозначно откладываются на потом.

— Ржа-а-а-а... — выругался Кайден. — И куда она могла сбежать?

— Не знаю. Придется обшарить везде.

— Всю призму? — как-то зло и одновременно горько хмыкнул Рапира. — Точно как в мелодраме.

«Зафиксировано новое открытие портала на территории клана. Передать координаты?»

Повторно оживший браслет заставил нас обоих дернуться.

— Да! — заорали мы практически хором.

«Главный зал дворца привязки».

— Чего?!

— Она... и правда пошла отбирать тебя у другого Мастера, — улыбнулся было Кайден, но тут же побледнел: — А если со спины не разглядит, что это Вейн — вы же похожи как близнецы, — и сейчас нарвется на поединок с одной из древних?! Она ж маленькая! Ее же...

Глава 45

Мордред:

— Ты же этот... как его... дизайнер. Тебе должно быть прекрасно известно, что встречаются по одежке. А на тебе фигня из местного неразвитого мирка, — вынес я свой вердикт, осматривая своего Мастера перед выходом в большую призму. — И гвоздю тоже нужна как минимум гравитационная люлька. Совсем как побирушки. Хотя даже люлька не спасет, идти в инстанции с младенцем — уже показатель...

— Мордред, — Аида склонила голову к плечу и улыбнулась поверх гвозденкиного дурацкого чепчика с ушами, как у местного зверька зайца, — я надену все, что ты скажешь. Выбирай. — И она сделала широкий жест в сторону своего шкафа.

Ее доверие и готовность действительно сделать так, как я хочу, на мгновение вышибли весь воздух из груди. Я никогда не думал... нет, точнее, я думал, как это было бы здорово — уметь управлять людьми и своим Мастером. Но, ржа побери, я не знал, что такая абсолютная вера может обезоруживать лучше любого жесткого приказа и самой хитрой манипуляции.

— Ты меня вообще слушаешь? — упрямо продолжил я, ворчанием прикрывая собственное смущение. — Одежда из этого мира не подходит.

— Что ты предлагаешь? — Спокойно так, даже с интересом, но не с ехидным, а с таким... вот с тем самым, ржа. Который меня уже пугает. Пугает своей ответственностью за то, что я могу предложить.

— Сначала в салон. Наш салон. Немного скверны у меня есть, на один образ хватит. Обойдемся без люльки, — чуть подумав, решил я. В крайнем случае можно отыграть чокнутого папашу, который мелкого с рук не спускает.

— Хорошо. — Аида улыбнулась и встала с диванчика, на котором тетешкала одетого на выход гвоздя. — Ганса берем? Он как раз элемент престижа, так ведь?

— Фа-га! — «Элемент престижа» гордо вытянул шею и захлопал крыльями, покосившись на меня хитрым лиловым глазом. Вчерашнее

вливание скверны хорошо на нем отразилось — гусь снова стал лоснящимся и важным.

Сэвен. Хм, ну да. Она права. Их единицы на всю призму, Ивановы отнюдь не стремятся сделать из этих странных зверей бизнес, сэвен, тем более живой и анимированный по полной программе, можно получить только в подарок. А подарки кому попало не делаются. Только вот гусь... Мне по-прежнему видится в этом какой-то нехороший намек на мой характер. Хотя ладно. Вне Земли все равно никому не известны особенности местной фауны и предрассудков, так что намеками можно пренебречь.

— Однозначно берем. Приготовься, я открою портал.

— У-у-ух ты-ы-ы!

— Стоять! Блеск в глазах убрала, быстро! Во-первых, не смей выглядеть дикаркой на балу, а во-вторых, еще с прошлого раза суток не прошло, откуда опять этот адреналин по всей личности?! Сидеть! — снова рывком я на очередную попытку дернуться.

— Так стоять или сидеть? — Ее глаза уже открыто смеялись. А я вдруг вспомнил одно отличное средство, шагнул вплотную, отобрал гвоздя, посадил его между диванных подушек, а эту заразу чокнутую рывком притянул к себе и поцеловал. Не просто в губы, а через них в ауру, оттягивая на себя начинающий закипать азарт.

— М-м-м-м...

— Вот так. — Чужое возбуждение разлилось по венам и закружило голову. А теперь самому себе: стоять! Уф-ф-ф-ф... не отвлекаться! Сначала дело, потом... потом все остальное.

— Ну? Легче?

— Ага...

— Тогда идем. Ребенка не забудь! Благо хоть гусь в этой семье самостоятельный... — прошептал я, наблюдая, как сэвен подхватывает в клюв маленький детский рюкзачок с гвозденкиными пожитками. Присыпка, крем, бутылочка с отваром, если пить захочет, запасной памперс, кофточка с капюшоном на случай, если будет холодно, две игрушки и, естественно, еще одна бутылочка с молоком. Детям надо есть каждые два-три часа. Вроде ничего не забыл.

— Ыхы-хы-хы...

— Хихикай прилично, если уж удержаться не можешь, — тяжело вздохнул я. — Что за звуки? Ну и что опять смешного я сказал?

Аида:

А что, так можно было? Фига... ну, то есть целоваться с Мордредом мне нравилось с самого начала, но в этот раз он сделал что-то новое, отчего мне сначала чуть не сорвало крышу, а потом... а потом стало легче и спокойнее. Азарт и предвкушение никуда не делись, но они перестали пьянить, перестали тревожить и жечь изнутри.

И я шагнула в новый мир почти спокойно. Дальше, правда, все закрутилось цветным калейдоскопом, и к моменту, когда мы вышли из некоего официального заведения с картой Мастера в руках, я уже слегка ословела. Домой...

— На нашу кредитку похожа, только чуть крупнее и толще. — Уже в спальне я как следует рассмотрела добытый с таким трудом, в основном, конечно, со стороны Мордреда, местный аналог паспорта-пропуска-кошелька.

— Функций больше, — отмахнулся от меня он, укачивая в руках разволновавшегося и оттого непривычно буйного Ваську. Обилие новых впечатлений ребенка утомило, но теперь он почему-то ни в какую не хотел засыпать, капризничал.

Но честно сказать, впечатлений нахватался не только гвозденек, как называл его мой муж. Я и сама... Короче, бедному моему Посоху пришлось еще трижды срочно хватать меня за капюшон куртки, втаскивать в какой-нибудь закуток потемнее и целовать. Выглядел он после каждого поцелуя слегка безумно и краснел все больше, но держался железно.

А как можно не чувствовать возбуждения и удержаться от адреналина, когда ты оказался в самом настоящем будущем? Когда по торговой площади, парящей, кажется, посреди открытого космоса, рядом с тобой расхаживают разноцветные шарики с глазами и еще бог знает какие инопланетяне...

И даже не обращаешь внимания на то, что Мордред шипит над ухом, чтоб не смела здороваться ни с кем за щупальце и не глазела на чужие клыки, это неприлично — порядочным существам в рот заглядывать. И шуаршиков тоже гладить нельзя, иначе можно получить гаечным ключом по всем выступающим частям тела. И нет, он не готов рисковать даже моими пальцами, не говоря уже о своих. Вообще отставить риск!

— Нет, мы не пойдем смотреть гонки на астероидах! У нас дело.

— Нет, нам не надо на бои куаротов в грязи! У нас дело!

— Нет, мы не будем пробовать эту неведомую ржень, мне все равно, насколько завлекательно поджаристой она тебе кажется. У нас есть дело, и ты не привитая у меня еще... Ржа! Бегом в контору!

Вот так вот. Впечатлений море, устали до чертиков, но до конторы добрались сразу после инопланетной парикмахерской и огромного торгового центра с одеждой и обувью. Я себе в зеркале понравилась после всех процедур и переодеваний, а Мордред отказался делать пилинг тела, хотя я его и уговаривала, предвкушая разрекламированный «бархат вместо кожи».

«У нас есть дело! И нет денег на... меня. Тьфу!»

И посмотрел с такой обидой, словно я лично ему запретила на себя тратиться, а не он сам устроил аскезу на пустом месте. Предложение сэкономить на моих процедурах было отвергнуто с не менее гневным выражением лица: «Мне нужен приличный Мастер, а не эпиляция!»

Короче, не знаю, кто в итоге больше вымотался — я со своими впечатлениями или Мор, который всю дорогу пас нас с Васькой, как натуральный сторожевой пес.

— Дай мне мелкого и иди душ прими, на тебе уже лица нет. — Я забрала Ваську из его рук. — А потом падай спать.

Мор посомневался несколько секунд, потом строго глянул на гуся — тот моментально забрался на кровать и принял сбоку, что-то успокаивающе прошипев.

— Ладно... и правда устал. — Он вдруг улыбнулся мне. Так открыто, благодарно и красиво, что у меня перехватило дыхание.

— Дз-з-з-з-з-з-з! — громко зазвенел вдруг браслет на его руке, разрушая хрупкую идиллию.

Глава 46

Мордред:

— Кто это? — настороженно спросила меня Аида, заглядывая через плечо в коммуникатор. Браслет мигал ярко-красным, раздражая не только меня, но и гвоздя. О чем тот решил сообщить незамедлительно недовольным попискиванием.

— Неважно. — Я сбросил вызов от ИД клана. Наверняка родственники уже прознали про регистрацию моего Мастера и сейчас хотят либо саркастично «поздравить», либо напомнить о заблокированных карточках и потребовать возвращения в клан. С чего бы мне радовать этих гиен своим постным лицом? Жаль только, заблокировать их вызовы насовсем нет возможности — коммуникатор у меня еще клановый, и прошлую блокировку они сломали. А на новый я пока не заработал, игрушка пусть и повсеместная, но межспиральная модель все равно слишком дорогая.

— Ну тогда ползи в душ, счастье мое. — Аида легко приняла мое нежелание говорить на эту тему, снова улыбнулась и поцеловала меня куда-то между плечом и шеей, отодвинув воротник рубашки. — Весь мир подождет, пока ты отдохнешь.

Это было так непривычно, что сбивало с толку, и я на несколько секунд терял ориентацию в пространстве каждый раз, когда она открыто показывала, насколько я для нее важнее всего остального.

— После душа... надо в сеть зайти. — Ответить чем-то настолько же чувственным и нежным для меня было слишком... тяжело. Одно дело нежить и тискать мелкого, когда никто не видит, а другое — взрослого человека, Мастера. Где-то вне постели... и не в темноте, в которой удобно прятать все что угодно, от мыслей до жестов и выражения лица. И когда она не спит. Спящей я мог много чего сказать, не стесняясь, зная, что она не слышит. — Мы потратили достаточно скверны, надо взять пару официальных пустяковых миссий и одну покрупнее. Пускать такую, как ты, сразу на крупную тварь... Я жить хочу. Ржа знает, как тебя замкнет.

— М-м-м... на крупную? — Зрачки в ее глазах расширились, как у торчков от радужной пыли, а мысли явно покатались по наклонной.

— Нет, нет и еще раз нет! Даже не думай! — дал я ей ментальный подзатыльник. — Так, я пошел в душ, а ты, — пришлось посмотреть максимально строго и даже палец на нее наставить, — не смей даже носа за порог высовывать! Даже если что-то почувствуешь! Бесхозных тварей в округе нет! — Поняв, что ее разум снова поплыл на слове «твари», я решил обратиться к самому адекватному в нашем доме: — Ганс, проследи! Ну что опять смешного?!

Аида сначала отхохоталась, потом выпрямилась, вытерла слезы и за плечи развернула меня к большому зеркалу, стоявшему в комнате. М-да... безобразие. Что-то надо делать с собственным лицом и общим грозным видом. А то когда уши красные, брови перекошенные, прическа дыбом и зацелованные до пунцового состояния губы (а кто в этом виноват?!), вид вообще не грозный. Ни разу.

Зато смех отлично подействовал на состояние ее ауры — глаза снова стали нормальными, исчез адреналиновый блеск. Угу, хорошо, еще один способ привести Мастера в чувство отнюдь не помешает. Не обязательно же каждый раз именно себя выставлять клоуном, можно кого-то другого использовать. А то целовать, конечно, хорошо... только, ржа, она-то после поцелуя успокаивается, а я на стенку лезть готов от... кхм.

— Душ, да... — хмыкнул я, решив не только помыться, но и обдать себя пару раз ледяной водой. Закалка не помешает. А еще я могу поделиться своими ощущениями с одним чересчур перевозбужденным и слишком любопытным до чужих мыслей Мастером.

— Иди уже. — Аида подтолкнула меня в спину и вдруг душераздирающе зевнула. — А мы с Васенькой... подождем... на кровати.

Ну вот. Уснут, как пить дать, только улягутся. Какая досада, делиться ощущениями ледяного душа в такой ситуации — сто процентов разбудить. Причем не только Аиду, но и спящего рядом с ней гвоздя. Он только-только перестал верещать, крутиться и начал зевать куда-то в перья Гансу. Жалко... и его, и себя. И...

Так. В душ! И ни о чем не думать!

Охота в джунглях. Практически классика множества приключенческих жанров. Маскировочный артефакт прекрасно справлялся с нашей невидимостью и бесшумностью, позволяя

прекрасно рассмотреть вооруженных довольно примитивным оружием аборигенов, охраняющих вход в некое убежище или базу.

— Чувствую себя Ларой Крофт, — чуть ли не подпрыгивая от возбуждения, прошептала Мастер, уже слегка покачиваясь на волнах адреналина и проворно вытряхивая из рюкзака моток веревок с разными железными кольцами и защелками. — Так, нам нужно хорошее дерево... дерево. Вот это подойдет.

«Чувствуй лучше себя Мастером, у которого мало времени, — пробурчал я, напоминая самому себе старую ржавую бабку из воспитательского корпуса. — Гвоздя мы только на час к этой женщине пристроили! Она соседка, а не нянька, меня не успокаивает, что своих пятерых вырастила, наш — другое дело. Надо все успеть и не убится. Причем успеть желательно до того, как тварь опомнится от материализации и рванет от нас на первой космической. Мы для нее слишком тяжелые противники».

— Догоним, — уверенно заявила Аида, осторожно, надо отдать ей должное, подбираясь к краю оврага. Ржа, нужно было на карту местности лучше смотреть, прежде чем брать миссию... а то глянул одним глазом и эту дыру в земле за кронами не увидел. Сюрприз, ржа. У моей чокнутой проблемы с дырами в земле, она в них прыгает.

— Во, гляди! — вспылала энтузиазмом Мастер, звякнув своим веревочно-железным оборудованием и махнув рукой в сторону другого «берега» оврага. Точнее, целого ущелья. — Ломятся! Как ежи на водопой.

«На себя посмотри. Если б не артефакты, тебя б за километр обнаружили», — хмыкнул я.

— У меня ты есть, мне можно, — отмахнулась Аида, внимательно глядя, как вереница каких-то вооруженных огнестрельным автоматическим оружием смуглых людей гуськом спускается по незаметной тропе вглубь ущелья, стремясь попасть в замаскированную почти у самого дна пещеру. — А когда тварь появится?

«Да вот сейчас». — Я мысленно озабоченно сдвинул брови. Ржа, координаты-то у нас верные, но мы на другой стороне оврага. Буквально десять метров до точки, указанной в задании, и такие проблемы. Пока спустимся вниз, тварь запросто улизнет в заросли. Вот не повезло.

— Не бойсь, ща разберемся, — усмехнулась Аида, перекидывая меня в другую руку.

«Стой, куда?! Не смей прыгать!»

— Я и не собираюсь, не держи своего Мастера за совсем уж психованную. Ни парашюта, на тарзанки — как тут прыгать-то? — Меня закинули в перевязь за спину (откуда она у нее взялась?!) и эта дура ненормальная...

Глава 47

Аида:

«Что б я еще раз... взял задание, не рассмотрев карту в подробностях... чтоб еще раз... пустил тебя саму куда бы то ни было... чтоб еще раз!»

— Не ворчи, — прошептала я, деловито отстегивая карабин. — Что тебе вообще не нравится? Штатный спуск, вообще без риска.

«Без риска?! А кто только что взял и шагнул в пропасть?!» — не унимался Посох, отчего с намерения то и дело соскальзывали снопы синих искр.

— Мор, никто не шагнул. Я тебе говорю — штатный спуск на страховочном тросе, вообще не сложный, трасса как для первачков. Я такое в двенадцать лет делала, — успокаивающе погладила я теплый металл намерения.

«О боже... в смысле, о прародитель... Ржа! Почему, почему именно мне так повезло?!» — Искры стали бледно-голубыми и какими-то печально-тусклыми.

— Потому что ты самый лучший? — предположила я, пряча улыбку. — Ну, где тут тварь? Пока только колумбийскую наркоторговлю вижу. Вся живая.

«Подожди еще семнадцать секунд. Сейчас вон тот примитивный примат споткнется о корень дерева и растормошит какую-то местную ядовитую зверушку». — Посох крутанулся в моих руках и указал на одного вооруженного винтовкой мужчину в маскировочном костюме.

— Это от какого ж яда так быстро умирают? — Я действительно не могла вспомнить ни одно существо на суше, которое убивало бы ядом буквально за пару секунд.

«Не от яда. Его прибудут свои же, чтоб не мучился», — пояснил Мор.

— Какие добрые люди. Пулю не пожалели, а сыворотку заранее купить, отправляясь в джунгли с ядовитыми гадами, зажалили.

«Ну так организация явно не особо законная. Такие о жизнях черни редко пекутся». — Мне прилетел четкий мысленный посыл, как Мордред пожимает плечами.

— Сыворотку продают даже наркоторговцам, тем более на лбу у них не написано. Просто жмоты и сволочи, на миллионах сидят, а штуку баксов на медицину зажали, — решила я тоже поворчать для порядка. — Ладно... у нас той сыворотки все равно тоже нет. А жаль.

Бах! Выстрел раздался набатом в ушах, и тот, кто недавно был живым и здоровым, мешком свалился под ноги своим бывшим товарищам. Действительно... убили. Но ужаснуться от открывшейся мне картины зверства наркоторговцев и первого своего трупа мне не дал снова поднимающийся азарт.

— О! Лезет! Смотри, лезет! Ух-х! — Черная тварь, похожая на недоразвитую обезьяну-кляксу, начала медленно формироваться над телом.

«Ну вот, наша тварь только эта. Остальные — чужие. Помнишь, что надо делать?» — Голос Мордреда звучал уже чуть приглушенно, где-то на заднем плане сознания.

«Остальные?» — уловила я главное слово. Значит, их будет не одна? Хочу...

«Зря я это сказал. Бей свою, чего стоишь?!»

— Ех-ху! Стоять! Куда?! Мор, смотри, какая хорошенькая! Шустрая!

«Хоро... хорошенькая?! Ржа. Ржа. Рж... А! Больно же!» — вскрикнул Мор, когда в погоне за шустрой дичью я снесла им раздражающее препятствие в виде огромной секвойи, или как там местный древесный гигант называется.

— Сорри, это было дерево. Йе-е-ес-с-с! Х-ха! Готова!

«Предупреждай... Я хоть барьер успел бы поставить, садистка ржавая!» — прошипел он.

— Ладно! Если успею в другой раз. О! — удовлетворенно прищурилась я на пронзенную посохом черную дымную мартышку-кляксу. Клякса, секунду назад бодро драпавшая от нас в глубину ущелья, пищала и становилась все прозрачнее. — Смотри, у нее вторичные половые признаки как у самки обезьяны. А тот укушенный был мужик. Это значит, у него была нежная женская душа?

«Ы... тьфу! — Он тут же спохватился, и я аж почувствовала нахмуренные брови и желваки на скулах. — Нет у тварей пола как такового. Они формируются из остаточных образов и страхов.

Наверное, эта особь боялась женщин и каких-нибудь местных приматов».

— Что ты сказал? — Я аж остановилась и приложила ладонь к уху. — Мне не слышалось? А на бис?

«У тварей нет пола».

— Не, до этого! Такой забавный звук.

«Не дожدهшься. Домой пошли. Быстро!»

— Ну погоди-и-и... Она еще не переварилась даже, куда ты торопишься? Все равно нас тут никто не видит.

«Быстро, я сказал! Нам. Надо. Домой!»

— Ну ладно... Ой! Что это?!

«Ржопа. Домой! Это не наши твари! Сволочи, я засужу этих гребаных искателей, на одиннадцать секунд раньше! Нам пары секунд на телепорт не хватило...»

Я замерла, отчаянно стараясь побороть разгорающийся в груди безжалостный огонь. Там, за нашей спиной, в ущелье слышались выстрелы и крики, а потом потусторонний рев, от которого затряслись скалы и затрепетали листья на деревьях. Там... там высвобождалась какая-то мощная и ужасно злая тварь. Убили местного босса и нескольких его подчиненных.

«Аида! Аида, очнись! Эта нас раздавит и не заметит! — кричал где-то вдалеке Мордред. — Стоять!»

Тело само развернулось и потянулось в сторону рева и запаха твари. Неимоверным усилием воли я сдержалась и устояла на месте. Пальцы сжались на навершии посоха с такой силой, что стало больно.

— Мор...

«Тихо. Все хорошо, только не беги, не смотри туда и не принохивайся. Активируй портал, просто нажми на браслет. Аида! Слышишь? Просто. Нажми. На мигающий браслет».

Я застонала, потому что к руке, кажется, привязали пятитонный груз, пошевелить ею, чтобы дотянуться до браслета, почти не хватало сил.

«Яркий такой. Красненький. Мигает, — говорил он со мной как с Васькой. — Нужно пальчиком нажать, и всё. Вокруг нас тишина и покой».

— Да... сейчас... сейчас.

Закушенная до крови губа и яркий металлический привкус во рту немного отрезвили. Трясущаяся ладонь накрыла Мордредов браслет на правой руке, той, которой я продолжала сжимать посох. Ну!

«Умница. Умница...»

— Фа-га? — Звуки и запахи родного дома после экзотических джунглей показались такими настоящими, что меня почти отпустило.

— Уф, нет, хватит с меня такого адреналина. — Тяжело вздохнув, Мордред буквально рухнул на диван, я услышала, как скрипнули старые пружины. — С этих кубов купим телепорт для меня, чтобы мог в оружейной форме активировать. Они стоят до ржи, но мои нервы однозначно дороже...

Оказывается, я зажмурилась. А открыв глаза, увидела стены собственной квартиры, встревоженного Ганса и белого как снег Мордреда, все лицо которого было измазано в крови.

— Мор?!

— Тш-ш-ш, спокойно. Это твоя. Ты мое навершие с такой силой сжала, что поранилась. Дай руку, несчастье. — Он сам подхватил мою ладонь и осмотрел внимательно, а потом вдруг прижался к ней губами.

— Несчастье... ты молодец. Ты смогла.

Я даже вздрогнула от такого непривычного проявления нежности с его стороны. Что это с ним? Нервный срыв?

— Еще б крышу твою дырявую как-то залатать да руки кривые на место вправить, тогда точно будет толк. Пошли гвоздя у соседки заберем, мамаша бестолковая.

А нет, это все тот же Мордред. Здоров. Слава богу! Или, как тут у них говорят, — прародителю!

Глава 48

Мордред:

— Ну всё, всё, не реви, не так уж это и больно. Земные насекомые и то сильнее кусаются, — укачивал я нервничающего после прививок гвоздя, грозно поглядывая на бегущих туда-сюда дежурных целителей. Мелкий попискивал, но быстро успокаивался у меня на руках. А уж когда в ход пошла бутылочка с молоком белых кролов и нанокристалликами скверны, то и вовсе пришел в благодушное настроение. Помимо прививок, я успел проконсультироваться и заказать, наконец, на призме подходящее юному Оружию питание. А то аборигенским смесям доверия нет, ржа знает, что могли туда напихать эти недоразвитые.

— А меня успокоить? — очнулась рядом со мной Аида, только что вышедшая из кабинета. Слава прародителю, после очередного адреналинового всплеска она все еще была милой и послушной девочкой. Даже вопросов особо не задавала — зачем ей прививки. Хотя вполне возможно, что просто поняла их надобность. Что-то такое существовало и в ее мире, пусть и в примитивном исполнении.

Мастер недовольно запыхтела, требуя к себе внимания, на что я лишь окинул ее красноречивым взглядом и тяжело вздохнул.

— Я тоже маленькая и несчастная! — надула губы притворщица.

— Придем домой, дам тебе Васькину пустышку пососать, так уж и быть, — внешне на полном серьезе кивнул я, пряча блеск в глазах от бедных целителей. Они и так уже от нашей тройки натерпелись. Это ж надо, такой разрыв шаблона — не просто Оружие не соблюдает субординацию, так еще и Мастер ему в этом полностью потакает. — А если будешь хорошей девочкой, даже сказку на ночь расскажу.

— Эротическую? — Жаркий шепот у самого уха и заполошные взгляды дежурного целителя из-за стойки регистратора.

— Зависит от твоего поведения, — все-таки не удержался я от улыбки. Кажется, я нашел новый способ дразнить и бесить окружающих.

— Хм-м-м... хорошо-о-о... — многообещающе протянула Мастер и тут же послала мне прямо в голову настолько неприличную картинку

со мной, собой и наручниками в главных ролях, что я едва не споткнулся. Вот... извращенка! Так, надо ускориться с делами, а потом...

— Теперь можно и мою семью побесить. В смысле, выбить из них доступ к моим счетам. Я по сети проверил, у них там сегодня очередная привязка. Свадьба по-вашему. Так что народу как звезд в галактике, нас даже не сразу заметят, — хмыкнул я, перекидывая уже весело хихикающего мелкого в другую руку. Вообще, я тут посмотрел на других личинок. В парке, во дворе, в сети. У нас — подарочный. Почти все время улыбается, много спит и очень редко орет.

— Прямо так пойдем или домой заскочим?

— Домой? — Я сначала подумал, что неплохо бы ее переодеть подороже, потом всмотрелся в хитрющие глаза с искрами в зрачках, припомнил наручники и малодушно решил не испытывать свою выдержку лишний раз. — Нет, отсюда перенесемся. Лучше все закончить сразу. Твой аборигенский наряд лишь добавит перчинки в их и так кислые физиономии. А вот аксессуары у тебя достаточно дорогие, так что бедными родственниками мы смотреться точно не будем. — Я одобрительно покивал на элегантные украшения из натуральных камней, так удачно оказавшиеся у Аиды в шкатулке. Бабушкино наследство, как-то так. Я чуть гвоздя не уронил, когда увидел на первый взгляд примитивные кольцо и браслет из крупных квадратных камней, меняющих цвет в зависимости от времени суток и освещения. Александрит — кажется, на Земле этот камень так называется. И когда-то, если верить слухам, считался всего лишь полудрагоценным, потому его не особо изуродовали огранкой. А по факту — это один из самых редких минералов в призме. Да и на планете, как я узнал, сейчас практически не добывается, потому стоит дорого.

Короче, неизвестно еще, кто будет бедным родственником смотреться на фоне этой «простоты». Украшения, дорогая обувь, браслет последней модели (скандалить с искателями полезно, знать законы до запятой полезно, кто бы мне об этом сто лет назад сказал, когда я эту гадость из-под палки учил. Точнее, говорили, но я не верил). На руках упитанный, румяный и веселый гвозденек с уже появившимися каналами. Специально просканировали его у целителей: мелкий обещает быть сильным Оружием из разряда

ударно-дробящих. Так что теперь он у нас не гвоздь, а молоток. Иронично вышло. Ну и я бесподобный собственной персоной, с «ручным» Мастером на поводке. Пусть все подохнут от зависти и захлебнутся собственными нравоучениями. Особенно наставница по этикету, которая постоянно капала мне на мозги, что «такого, как я, ни один Мастер даже с многомиллиардным приданым не возьмет». Уже предвкушаю...

Так что прибыли мы на территорию родного клана Умбрайя хоть и без фанфар, но достаточно торжественно. И неожиданно поспели очень вовремя. Такое представление я точно не скоро забуду, ха.

Для начала я мстительно и с неким внутренним трепетом собрал настоящую коллекцию взглядов от родственничков — равнодушных не было от слова «совсем». В первый момент нашего появления многие смотрели просто с интересом, потом узнавали. М-м-м... Аида невозмутимо шла рядом и одновременно, бессовестно свернувшись мысленным калачиком прямо в середине моего ментала, щекотно хихикала и с удовольствием подыгрывала. Эта пляска на нервах сильных и могущественных «пришельцев» заводила ее не хуже прыжка с крыши.

«Как дразнить тигров на их территории. Хищники просто обалдеют от такой наглости “добычи” и подумают...»

«...Да ну ее во ржу, вдруг это бешенство заразно», — мысленно закончил за нее я, получив в ответ не совсем адекватный смех. Впрочем, она ловко балансировала на грани, держа контроль. А я был готов подхватить ее в любой момент, что дополнительно успокаивало Мастера.

Ну и апофеозом нашего визита послужило сказочное представление, которое неожиданно организовал мне собрат по несчастью. В смысле, брат мой двоюродный, на Галахада откликающийся. Вместе со своим Мастером.

Сначала, когда я увидел эту дикарку, то банально не узнал. Дело в том, что выражение лица аборигенки кардинально отличалось от того, что я запомнил. И лишь когда кто-то рядом шепнул, что это, кажется, та самая, с Земли, которой прочили первый клинок, — догадался. И удивился. Ничего себе перемены.

Она шла через толпу, даже не делая видимых усилий, чтобы ее раздвинуть, — гости и хозяева праздника сами расступались, реагируя

на острую сталь решимости во взгляде и ауре. И шла эта девушка напрямик туда, где сейчас опустились на одно колено один из моих старших кузенов и его будущий Мастер. Так, я не понял. А Гал где прохлаждается? И зачем эта ненормальная так рвется отобрать у древней Вейна?! Ей одного Умбрайя мало? Или, как и моей, просто захотелось адреналина от сражения с превосходящим ее в сотни раз противником? М-дэ... женщины с Земли однозначно все сумасшедшие!

Глава 49

Галахад:

— Здесь ее нет, — констатировал я факт, оказавшись на заданной ИД точке координат.

— Естественно, нет, — мотнул головой слегка запыхавшийся от бега Кайден, которого я буквально тащил за собой на буксире. — Не будет же она в одном месте стоять и ждать, пока «тебя» привяжут.

— Но церемония еще не началась, она должна быть где-то на площади. Пара выйдет только в полдень по времени призмы, я сам... составлял расписание мероприятия. — Я тщательно рассматривал окружающих нас людей, коих было огромное количество. Просто огромное. Праздничный стол рассчитан на тысячу триста восемьдесят шесть человек, не считая верхушки нашего клана и самих виновников торжества.

— ИД не дает более четких координат. — Рапира нахмурился, глядя на экран браслета. — Сволочь такая... Не член клана она, видите ли. На ней не стоит маркера.

— Если мы заметим ее только в тот момент, когда она бросит вызов древней, это будет поздно. — Я кусал губу, раздумывая. Потом решительно развернул Кайдена за плечи и легким пинком направил в сторону общежития. — Приведи Кабатю! А я буду пытаться все же выловить ее в толпе, вдруг повезет.

— Что?! — Кайден по инерции пробежал несколько шагов и с возмущением оглянулся. — Совсем оржавел? Ты...

— Он собака. Собаки вроде чувствуют хозяев. — Я припомнил описание этого вида. — А еще она может сама его заметить и подойти. В отличие от однотипных представителей Умбрайя, такая собака у нас точно одна. И Алико ее любила...

— Ты эту собаку когда в последний раз видел?! Он уже размером с транспортную платформу, и зубы у него как у хищной твари третьего уровня! — слегка сбледнул с лица Кайден.

— Он очень добрый пес. Послушный. — Я сам не верил, что говорю это, но мне было все равно, пожалуй. Я говорил это Рапире, а сам вытягивал шею, всматриваясь в толпу.

— Скажи это деликатесному окороку ти-рекса размером с меня, который твой добрый пес вчера нагло спер с кухни! И вообще, где я должен искать эту псину?! Он по территории шляется или спит где-нибудь под кустом! Я его до завтра не найду!

— Спроси ИД, на ошейнике точно маркер есть. — Я снова догнал и слегка пнул соклановца коленом. Нашел когда глупые вопросы задавать, сейчас точно не до его сарказма.

— Ну ты наглый... Я тебя не узнаю. — Кайдэн застучал пальцами по экрану, косясь на меня очень неодобрительно.

— Шевелись давай. Потом выскажешь свое мнение.

Рапира получил ответ от ИД и ушел, ругаясь себе под нос на чем призма стоит. А я выбрался на открытое место, плюнул на весь этикет разом и встал ногами на парапет белокаменного фонтана, а потом и вовсе на одно из резных мраморных украшений, чтобы возвышаться над толпой. Потом объясню каждому, кто меня спросит, что это было. Сейчас важнее разглядеть среди тысяч лиц и фигур одну.

— Вот это зрелище! Ты уже пьян, красавчик? От горя или от радости?

Рядом с фонтаном остановилась Мастер Ника в сопровождении Прародителя. Я с большим трудом подавил абсолютно несвойственное мне желание зажать одну из трубок декоративного фонтана и направить тугую струю ледяной воды прямо в ехидную физиономию первопредка. А потом сигануть в фонтан самому, чтобы избежать раздевающего взгляда древнего Мастера.

— Пх-х-х-х, — сказал Прародитель и вдруг подмигнул мне. — Смотри не свались оттуда, потомок. И вообще, раньше надо было просыпаться. Пойдем, дочка, я тебе покажу еще один клановый цветник, как раз гости прибыли.

Мастер Ника весело засмеялась, посмотрела на меня вдруг с непонятым одобрением, и двое древних скрылись в толпе.

— Ты, ржа, нашел куда залезть! — рывкнул Рапира, выныривая из-за кустов и проталкиваясь через тесный строй любопытствующих. Ржа, какого они все сюда набежали? На меня полюбоваться?!

— Собака где?

— Где-где... бежит... Или ты думал, я смогу эту махину на поводке сюда притащить? Этот полукуб-полутварь мне чуть руку не

откусил. Я вот... — тут он показал мне круглую поджаристую лепешку, которые так любила печь Алико, — сейчас, на счет три.

— Ра-а-аз...

Тут в толпе раздались взволнованные вскрики.

— Два-а-а...

Опрокинулся один из небольших фуршетных столиков метрах в двадцати от нас.

— Три!

Лепешка полетела в сторону шума и спустя секунду оказалась в пасти огромного лохматого пса. Прямо вот если не знать, что это тот самый пушистый умильный шарик, что я забрал из хлева вместе с Алико, — не догадаешься. Морда у пса мрачная, фигура внушительная, хотя и неуклюжая еще — он подросток. Страшно подумать, до какого размера этот сэвен еще дорастет...

— Кабато! — Я спрыгнул с фонтана и поймал собаку за ошейник. — Фу! Ищи! Ищи Алико!

На самом деле эта затея была бы обречена на провал, будь этот щенок обычным животным. Но он давно им не был — помимо функции храна скверны, Ивановы явно вложили в него дополнительные мозги. Не ИД и даже не биоид, конечно, но пес явно понимал гораздо больше, чем его самые умные и дрессированные соплеменники. Вот и сейчас глаза у сэвена вспыхнули вполне разумно, и он без дополнительных уловок в виде вещей с запахом хозяйки задрал нос к небу и на несколько секунд замер.

А потом рванул с места в карьер. Поскольку я держал его за ошейник — то и меня понесло в толпу. Где-то за спиной на бегу шепотом матерился Рапира, вслух бесконечно извиняясь перед разлетающимися в разные стороны гостями.

А еще в ушах внезапно раздался мелодичный звон. Красивая торжественная музыка наполнила праздничный колизей, а я с ужасом уставился на часы. Ровно полдень! Как только куранты пробьют двенадцать раз, к главе клана выйдет Вейн! Начнется официальная часть привязки!

Самое неприятное, что я быстро понял: Кабато тащит меня на буксире именно туда, где и должно развернуться основное действие. На центральную аллею.

Я увидел Алико буквально в последний момент, хотя мы с псом мчались со всех ног. И все равно опоздали. Вейн уже вышел к своему Мастеру, он стоял на аллее спиной к зрителям и готовился по знаку главы клана опуститься на одно колено. У меня аж зубы заломило, настолько он был похож на меня, особенно со спины, — тот же рост, прическа, плащ наш форменный, даже моторика и та похожа. Раньше я гордился, что мы все такие совершенные, а теперь... как же это бесит теперь!

Алико выскочила из толпы зрителей буквально в десяти шагах за спиной пары, празднующей привязку, и по ее решительно напряженным плечам и сжатым кулакам я понял — ржа. Сейчас будет ржа. Если она успеет хотя бы открыть рот...

Единственное, что я смог сделать, — это пролететь этот несчастный десяток шагов двумя гигантскими прыжками и...

Глава 50

Шум вокруг нарастал, я физически чувствовал, как взгляды всех присутствующих направлены на нас с немного растерявшейся Алико. Звуки, пятна света, люди вокруг — все смешалось в яростный калейдоскоп, из которого время от времени всплывали отдельные голоса, фразы и образы.

— Слуш, Ксан, я, кажется, чего-то не понимаю, — это произнес высокий красноволосый мужчина-Оружие, рядом с которым я поймал своего Мастера. — Где должна была происходить привязка? Вроде ж как там. — Он указал на обвитый белыми цветами подиум.

— Логично, — кивнул его темноволосый сосед.

— А тут тогда что происходит? — Невольный свидетель окинул взглядом нашу пару.

— Ну... не знаю. Любовь, наверное, — пожал плечами вышеупомнутый Ксан и тактично отвернулся, потянув за рукав друга.

— И вопиющее нарушение правил, — задумчиво добавила высокая женщина с русой косой, которую он держал под руку. — Чем больше узнаю Умбрайя, Баад, тем меньше верю в то, что они на самом деле такие чопорные. Смотри, как зажигают. А ты говорил, что ледышки.

— Пф-ф-ф! Ну не знаю... Валерия, ты только глянь, как парни похожи. Женщины Умбрайя реально как копирующие кристаллы, все дети под одну гребенку, — разорвался на заднем фоне первый гость.

— Тут не в их женщинах делах, а в твоём восприятии мира, — ответила ему русоволосая. — Для тебя полтолпы будет на одно лицо, а никого из двух десятков одинаковых черных котов никогда не спутаешь, — хихикнула она.

— Они все разные! Как вообще этого можно не замечать!

— Да в этом мире вообще все разные. В том-то и дело. Смотри, внешне на статую похож, а такой решительный. Поймал девчонку и с ходу захомутал. Очень непривычно видеть, как образцовое Оружие Умбрайя охотится на Мастеров. Успешно причем.

— Так вроде уже не первый инцидент «охоты»...

Гул вокруг стал громче, люди явно отреагировали на последние слова собеседников, но мне было все равно.

— Галахад? — прошептала мне прямо в губы Алико, и я опять перестал различать голоса и образы в общем хороводе. Остались только ее слова и взгляд.

— Ты же не слепая... — пробормотал я, отчаянно стараясь скрыть смущение. Наш поцелуй, которым я пытался остановить эту решительную овечку, разбросавшую половину гостей на пути к цели и чуть было не бросившую вызов древнему Мастеру, он был... Я не понял, как так получилось. Я просто схватил ее за плечи, развернул лицом к себе и поцеловал. А дальше не помню. Зато очень даже чувствую. Свежий канал привязки. — Как вообще могла спутать... у нас ауры и форма... отличаются.

— Да... теперь вижу. Все вижу! — улыбнулась она, устраивая голову у меня на плече. И вдруг прошептала в самое ухо, отчаянно краснея: — Возьми меня на руки, пожалуйста.

От изумления у меня расширились глаза, а потом я испугался:

— Тебе плохо?! Что-то болит? Я сейчас отнесу к целителям! — Чтоб эта девчонка да попросила что-то для себя, вот просто так? Да не может такого быть! Скорее всего, она не способна стоять на ногах! Надо быстрее...

— Нет, мне хорошо... даже слишком... — еще тише призналась девушка и вдруг поцеловала меня в шею над воротником, а потом попыталась отпрянуть и закрыть лицо ладонями, краснея еще больше. И уже из-под рук пробормотала: — Просто хочу, чтобы ты нес меня на руках. Как... как принцессу. Нет, не так! Как свою жену!

— Куда... нес? — не совсем осознал я.

— Не знаю... Мне все равно. — Она доверчиво взглянула в мои глаза и протянула руки, обхватывая шею.

— Вот... дубина! — В наш мир на двоих снова вторглась окружающая действительность в лице хохотнувшего красноволосого. Он все еще стоял совсем близко и смотрел на нас с таким интересом, будто мы пьесу отыгрываем. — Девушка романтики хочет, а он «куда нести», «к целителям». Валерия, а ты говорила, что не статуя...

— Не ваше дело! — не выдержал я и, подхватив на руки Алико, буквально побежал по аллее. Не знаю куда, просто... подальше. Туда,

где наш момент единения не станет общественным достоянием и никто не влезет с советом.

И глава клана, ментальное присутствие которой я чувствовал все сильнее, нас не найдет. Как минимум в ближайшие несколько часов.

Но сегодня в поместье Умбрайя было слишком много гостей. А где их не было, всюду сновали слуги, дети и еще ржа знает кто! Даже пройти по центральной аллее прочь от дворца привязки и то оказалось затруднительно.

— Давай... ко мне? — внезапно предложила расслабившаяся на руках девушка, проводя ладонью по моему плечу.

— К тебе? — Кажется, после пережитых эмоций я действительно туго соображал. Куда именно «к ней»? В нашу комнату? В аул? К Ивановым?

— Да... Ко мне в дом. — Она приподнялась и прикоснулась лбом к моему подбородку. В голове возник легкий, слегка размытый образ небольшого жилища с незамысловатым, но очень уютным интерьером и садом. — Я сама его создала... система и я... Там точно не будет никого, кроме нас. Хочешь?

— Да, Алико. Хочу.

Моя Мастер протянула руку, и на ее браслете зажглись какие-то совсем незнакомые координаты. Где это? Точно не Земля. Хм... а впрочем, мне все равно.

— Галахад Умбрайя! — Голос главы настиг нас в тот момент, когда портал в неведомый дом уже почти открылся. — Как все это понимать?! Что ты устроил?

Леди Виктория была похожа на карающую богиню, окруженную морозной свитой. Даже гости почтительно расступились, не мешая гневному взгляду пригвоздить меня к месту. Интересно, она от самого алтаря за нами бежала? И бросила там древнюю с Вейном, только чтобы сделать мне выговор?

Как недаленовидно.

— Да ничего особенного. — Это я сказал? Вслух?! — Просто мне надоело, что в мои отношения с выбранным Мастером все время кто-то вмешивается. Так что прошу меня извинить, госпожа Виктория. Я оповещу вас о своих планах позже. Сейчас состояние моей ауры слишком нестабильно для конструктивного диалога.

И шагнул в открывшийся портал.

— Фига отморозок зажигает! — сказали мне в спину.

— Мордред! Следи за языком! — возмутилась глава клана.

— Прошу прощения, бабуля. Мне и правда за этим первым клинком клана не угнаться, так что...

Дальнейшего разговора между язвой и бабушкой я не услышал. Портал закрылся. А я выдохнул и огляделся. Здесь... хорошо, намного лучше тех смутных образов, что возникли в голове.

На руках завозилась Алико. И я вдруг подумал: в этот раз она не стала закрывать меня грудью от главы клана. В этот раз я ответил за себя сам.

Кажется, за этот месяц мы оба сильно изменились. Но, похоже, далеко не в худшую сторону.

— Ваф! — подтвердил мои мысли непонятно как увязавшийся за нами щенок, весело прыгая прямо в траву у крыльца. — Ваф!

Глава 51

Аида:

Вообще, я не очень люблю разборки с родственниками. Мои, пока были живы, никогда не устраивали подобных шумных скандалов, хотя вовсе не пытались строить из себя ледяных королев. А вот две мои «свекрови» — ну, в смысле, маменька и бабушка Мордред, — увы, произвели на меня далеко не самое лучшее впечатление.

Сначала одна снежная королева зачем-то гналась за влюбленной парочкой по центральной аллее (ну, как гналась... решительно и величественно шагала во главе свиты, одним своим ледяным взглядом раздвигая толпу), но местные Ромео и Джульетта вовремя смылись от нее в портал. Затем вторая примчалась, когда Мор вступил в перепалку с первой, и с ходу включилась в разборки, причем, по-моему, совершенно зря.

Я, кстати, удивилась. Ну, не сто лет мы, конечно, вместе прожили, но своего мужа и свой Посох я успела неплохо изучить за это время. Так вот... Он никогда еще при мне ни с кем не разговаривал таким противным голосом и не кривил настолько отвратные и высокомерно-вредные выражения лица. Прямо как заколдовали. Даже во время того, первого разговора у нас в квартире, после чего парня вышибли из семьи, он был другой: сосредоточенный, напряженный и злой. В нем ни капли не было этой вот капризной разболтанности и откровенно детского вызова, как сейчас.

Если бы я не чувствовала его изнутри всей душой, я бы испугалась.

Мор веселился. Нервничал, порой даже выходил из себя, иногда проскальзывала злость, но больше всего в нем было некое злое, саркастичное веселье. Но веселье это было горьким...

— О прародитель! Сколько можно?! Держи. — Мор внезапно втиснул в руки своей матери Ваську, когда та снова открыла рот для обвиняющей тирады. — Удовлетвори уже свой материнский инстинкт с кем-то подходящим или хотя бы потрахайся, в смысле, своего такого заведи, в конце-то концов. Может, создашь новый смысл жизни. А я уже взрослый, мам.

— Зря ты так решил. Ты совсем не изменился, Мордред, — выдала на это с горечью старшая ледяная королева. — Мы зря рассчитывали, что спокойный взрослый Мастер приведет тебя в чувство и призовет к порядку, научит хоть какой-то ответственности и уравновесит твою буйную энергетику. Ты так и остался все тем же нездоровым ребенком...

Вот на этом месте я натурально вылупила на нее глаза. И на всех остальных вокруг. Толпу гостей к этому моменту уже деликатно оттеснили, так что возле нас остались только белобрысы клоны моего Посоха и его родительниц. И все они скорбно поджимали губы и смотрели на мое Оружие со смесью укоризны и сочувствия.

Они тут все ненормальные? Слепые?

— Кхм. Прошу прощения, — я впервые за все время этого балагана подала голос. Не сказать, что я прямо так уж неуверенно себя чувствовала среди роскошной обстановки явного иноземья или стеснялась величественной новой родни... Нет. Но на всякий случай я все же отступила на полшага и прижалась к плечу своего Посоха. Когда он вот так стоит за моей спиной, готовый подхватить и удержать в любой момент, я не боюсь даже себя саму. Что уж говорить о других? — Еще раз прошу прощения. Мы об одном и том же Мордредке сейчас говорим?

Снежная королева впервые обратила на меня внимание. Она меня, конечно, и раньше видела и вроде бы даже кивала, здороваясь, но все равно сейчас словно снова заметила и удивилась: оно еще и разговаривает?

— Мне жаль, что вам не удалось перевоспитать моего внука. Я надеюсь, вашего благоразумия хватит...

— Эм, простите, — совершенно невежливо перебила я старшую родственницу, покосилась на временно выведенную из строя младшую свекровь — Васька ей так улыбался, что тетка откровенно поплыла, — и позволила себе свою фирменную кривую ухмылку безумной Аиды, за которую меня побаивались даже матерые экстремальщики. — Зачем его перевоспитывать? Он идеален. А вот насчет моего благоразумия вы, кажется, что-то неправильно поняли.

— Ч-что? — удивилась бабушка моего мужа, понимая, что совершенно теряет смысл нашего разговора.

— Она отбитая. Конченная. Суицидница гребаная с мозгами не в том месте, — любезно разъяснил Мордред. Несмотря на то что муж поливал меня довольно нелестными словами, он делал это таким голосом и интонацией, будто осыпает изысканными комплиментами. — Сумасшедшая. Адреналиновая маньячка. У нее «синдром первых охотников». В полный рост. И от этого крайне нестабильная аура. Ну, если я правильно вычитал в архиве, до которого добрался буквально только что...

Он при этом совершенно недвусмысленным жестом сгреб меня за талию и прижал к себе, зарываясь носом куда-то в районе шеи. Может быть, немного излишне крепко прижал, но я была не против, опуская свои руки поверх его и чуть ли не довольно мурча.

— Правда, она крутая? — спросил он у родственниц с наивно-детской интонацией. — Ну просто псих моей мечты.

«Блин, а она Ваську не уронит?» — все же спросила я мысленно, глядя на потрясенно застывшую младшую свекровь.

«Не успеет, пока они стоят в ступоре, хватаем гвоздя и ходу! Ходу!»

«Погоди, куда ходу, мы зачем вообще пришли? Только родню твою подразнить? Нет уж! Забери у матери ребенка и давай дальше общаться. Фигу я им позволю тебя обидеть, успокойся».

«Вот этого твоего “фигу” я что-то больше всего и опасаясь. На всякий случай: тварей тут нет. Азарт не включай! На моих родственников охотиться тоже запрещено, пускай я и сам хочу пару раз съездить им на вершием по сопатке».

«Ну ты же хотел развлечься? Я только подыграю. Хочешь — будем дразнить дальше, хочешь — я буду серьезной и поиграю в этикет. Все только от тебя зависит».

«Опять я должен решать, да? И почему я не удивлен?»

— Мордред... — Оставшись без Васьки на руках, мать моего мужа, наконец, снова обрела голос. Но в ее глазах было столько ужаса, словно сыночка прямо вот на глазах сию минуту собрался отдать концы. Она и на меня посмотрела с таким же выражением лица и, кажется, едва удержалась от желания тут же схватить нас обоих и ощупать с головы до ног, чтобы убедиться, что мы живые и настоящие.

— Да не бледней ты, ма, нормально все. И гвоздь этому прекрасное доказательство. — Васька весело пискнул в его руках,

подтверждая слова приемного отца. — Мы не уморили его голодом, не скормили диким зверям, не подкинули в другую семью и даже не задушили в объятиях. Да вообще... Где ты еще видела настолько здорового и счастливого младенца? — с этими словами он слегка подкинул его в воздух, впрочем тут же аккуратно ловя.

— А если серьезно, — я, чувствуя, что у Мордредра поменялось настроение и он больше не хочет этого цирка, перестала ухмыляться, как маньячка, и посмотрела на новых родственников немного устало и грустно, — то я не понимаю, в чем ваша проблема. Мой муж... мое Оружие — самый спокойный, ответственный и надежный мужчина в этом мире. У него просто железная воля и абсолютный самоконтроль, которого хватает даже на мое сумасшествие. И я предположить не могу, как вы умудрились этого не увидеть за столько лет.

— Они просто смотрели немного не туда, — вмешался вдруг какой-то новый персонаж: средних лет мужчина с длинными растрепанными волосами и в потертом черном кожаном костюме, безумно симпатичный в своей небрежности. Он сидел за небольшим, непонятно откуда материализовавшимся посреди аллеи столиком, закинув ногу на ногу.

Я видела множество людей модельной внешности, еще больше — с изюминкой, но этот... Когда я смотрела на него, то просто не могла оторвать взгляд, настолько меня затягивала его харизма космических масштабов.

— Иногда, чтобы дети повзрослели и стали ответственными, их достаточно просто отпустить.

Глава 52

Мордред:

— Так... — Я закрыл Аиде глаза ладонью. Она послушно притихла, не пытаясь отстраниться, и в глубине души в очередной раз потеплело от такого абсолютного доверия. Но это только добавило мне решимости: — Знаешь что... прадедуля. А ну, харе соблазнять мою жену, древнее ты ископаемое! Она у меня слишком впечатлительная и вообще творческая личность!

— Все-все, больше не буду! — замахал на меня руками Прародитель. Прародитель, ржа его побери, самый настоящий! Бездна его принесла... — Я не нарочно, просто такой ярко выраженный синдром первых охотников я сто тыщ лет уже не видел. Ностальгии-ия... И не пускай в меня искры, потомок, ты же хочешь получить методики обуздания того, что изначально было даром, а вовсе не проклятием?

— И ты просто так их отдашь, безумный предок? — Скепсис в моем голосе можно было на хлеб намазывать, толстым слоем. Хотя, конечно, надежда в душе загорелась. Главное было не дать ей отразиться на лице.

— С чего это я безумный? Я поадекватней некоторых буду. — Прародитель, как всегда, был в своем репертуаре и дурачился с удовольствием. Именно поэтому я старался не показывать ему своей заинтересованности слишком сильно — это существо... опасаюсь я его. — А еще я добрый, милый и без-з-зумно симпатичный в своей небрежности. У малышки отменный вкус, скажу я тебе. — Он гордо выпятил грудь колесом, проводя рукой по и так растрепанным волосам.

— И поэтому она уже выбрала меня, — жестко отрезал я. — А по поводу адекватности... Тебе сколько лет? — Кажется, родственники уже несколько раз подавились от моей неучтивости. А сейчас и вовсе меняли свои цвета как галомедузы — то бледнели, то краснели, то и вовсе зеленели. — Это риторический вопрос, можешь не отвечать. До ржи. Ты думаешь, кто-то поверит, что за такой срок существования ты остался нормальным?

— Смотря что считать нормальным, — усмехнулся древний предок, на миг отразив в глазах вечность. Жутенькую такую — у меня холодок по спине побежал, примораживая ступни к мраморному полу. — Все познается в сравнении. Лучший пример перед нами. Оглянись — и увидишь, что все присутствующие прямо сейчас думают, что самый сумасшедший здесь именно ты. Просто потому, что смеешь со мной препираться и даже дерзить. И в их мыслях даже есть некая логика — разве тебе не страшно? Такому древнему безумцу, как я, достаточно щелкнуть пальцами — и «пшик», все и всё, что тебя окружает, растворится в бездне.

— Не легче ли просто растворить меня? — Я прищурился. Ржа такая, неужели заразился от Мастера? Почему я сейчас чувствую не страх, а холодный азарт? И это не ее азарт, мой. Собственный.

— Однофигиственно, — философски пожал плечами Прародитель и мило улыбнулся. — Затраты энергии не сильно различаются. Что тебе проще — раздавить ботинком стайку мурашек или пальцем одного?

— Вы для этого слишком добрый. — Аида наконец убрала мою ладонь от своего лица.

— Нет, милая, мне просто слишком скучно. — Прародитель переключил свое внимание на моего Мастера.

— А это не одно и то же? — удивилась она. Искренне так. — Когда богам весело, их созданиям обычно тужа приходится. А вы нас даже в межмировых войнах не ссравливаете, что уж говорить про остальные «эпические квесты».

— Тут ты права, — радостно захохотал древнейший. — Вы попали в удачную эпоху. Помню, около миллиона лет назад я отыгрывал Темного Властелина... и у меня получалось, знаешь ли. Но потом надоело. Потомки слишком быстро заканчивались, а перенимать за них работу совсем не хотелось. И жена проснулась... короче, пришлось переключаться в светлый режим. То бишь быть добрым, милым и безобидным.

— Вот это женщина! Познакомите? — восхитилась Аида. Похоже, родственники научились линять в новый цвет — бледно-фиолетовый.

— Нет, вы же наябедничаєте сразу, — надул губы Прародитель. — Мне не нравится рукоятью по макушке, знаешь ли. И по другим частям тела не нравится. А лезвием в одно место тем более. Ну так что,

мелкие? Чем вы можете заплатить за методику обучений прирожденного охотника? — Он постучал пальцами по столику, подумал и по-хозяйски закинул на него ноги.

— Ябедничать не будем? — сразу предложила Аида. Она вообще не боялась, но и пьяного кипения адреналина в ауре Мастера я не чувствовал, просто... просто было весело и не страшно. И это состояние было на двоих...

— Ну так нечестно!

— То есть ябедничать можно? Прямо сейчас начинать? — Аида весело улыбнулась, глядя куда-то за спину Прародителя.

— А?! — Древнейший заполошно оглянулся, явно ожидая увидеть загадочную и великую жену прямо за спиной. — Вот ржа. Блефовать умеешь, да?

— Азартные игры тоже входят в круг моих интересов, — солнечно поведала Мастер. А я мысленно дал ей подзатыльник — вот же ржа, только этого мне не хватало! — Но поскольку я редкая жадина и деньги проигрывать не люблю, пришлось научиться блефовать с каменным лицом.

— Хочешь сыграть со Смертью? Одобряю... — Мужчина покивал сам себе, вставая из-за стола. Мебель просто испарилась в воздухе, не оставив за собой даже пыли. Но вот на Прародителе внезапно оказался военный костюм и квадратные очки в тонкой оправе. Он поправил их двумя пальцами и продолжил: — Займусь вами лично. Обоими. Скажем... с завтрашнего дня и на ближайшие пару десятков лет ничего не планируйте. Тренировки каждый день. Приду к полудню по времени клана. Вот тогда и повеселимся, де-точ-ки.

После того как рассеялся световой след на том месте, где он исчез, мы еще пару секунд стояли без движения, а потом все вокруг словно очнулись. И моя мать первая.

— Мордред! — прошипела она страшным голосом, и я приготовился отражать громы и молнии. Но вместо этого первая дочь клана Умбрайя вдруг смертельно побледнела и начала падать на усыпанную белоснежным гравием аллею.

— Мама?!

Глава 53

— Какой ржи застыли, идиоты мороженые! — заорал я на собственных придурюшных родственников, едва успев подхватить мать уже у самой земли. Была секундная мысль, что она мне тут решила земной цирк устроить, но я от нее тут же отказался: ее кожа была по-настоящему холодной и очень бледной, а аура блеклой. — Ржа! Сам.

Хорошо еще, гвозденка успел Аиде сунуть в последний момент... а то был бы как эквилибрист-жонглер с двумя булавами. Ладно, все в бездну.

— Ко мне! — Аида мгновенно, без лишних вопросов, сама схватила меня за руку и прижалась к плечу, обнимая гвоздя, а я активировал аварийный телепорт. Ровно в ту клинику, откуда мы сюда прибыли.

Не успел развеяться свет от телепорта, как я уже ловил за шкуру целителя, требуя немедленного предоставления медкапсулы или медески.

— Но...

— Это дочь главы клана Умбрайя, улитки! Не дай прародитель, с ней что серьезное случится, от вашей шарашки и куба не останется! — решил я добавить скорости персоналу.

Целители забегали будто мураши в потревоженном муравейнике, олицетворяя собой хаос и имитируя бурную деятельность. Ну хоть медеску предоставили сразу.

— Каким рженом ты себя до такого состояния довела?! — кипел я через полчаса, сидя у полупрозрачной капсулы и читая бегущую строку на голографическом мониторе, висевшем над Аидиным браслетом. У нее поновее модель была, удобнее в использовании, так что я стянул девайс с руки Мастера и занялся изучением отчета целителей. — Взрослая женщина, ржа! Еще мне какие-то претензии предъявляла...

— Мор. — Аида пристроила гвозденка в розово-зеленый манежик с сеткой и игрушками, который после одного моего очень выразительного взгляда бегом притащил кто-то из младшего персонала, и подошла ко мне. Положила руки мне на плечи, заглянула

в монитор и вздохнула, поглаживая и разминая мне мышцы шеи. Я слегка прикрыл глаза, успокаиваясь. — Ты знаешь, а я не удивлена. Даже несмотря на то, что вы почти натурально железные, нервы у вас все же не из стали. Ты представь... если бы я погибла, а Васька лет через двадцать от тебя сбежал, наорав напоследок, что ты о нем слишком заботишься, а потом начал древнюю сущность дразнить у тебя на глазах, рискуя быть расплюснутым просто за дерзость...

— Ржу тебе на язык! — рявкнул я, содрогаясь от смутных, но уже достаточно страшных образов. — Только попробуй! Я сам тебя с того света достану и на цепь посажу, из дома нос не высунешь!

— Да я не собираюсь. — Аида наклонилась и поцеловала меня за ухом. — Просто... твой отец погиб. А ты сам говорил, что они с твоей матерью были не просто Мастером и Оружием. Ты — единственное, что у нее осталось от любимого человека. Да и сам по себе — ее сын. У которого серьезные проблемы со здоровьем.

— Да когда они были, те проблемы, — угрюмо буркнул я. — Сто лет назад. И не говори о том, чего не знаешь. Я был для нее памятью, согласен. Но скорее некой памятной вещичкой, которую, сокрушаясь о смерти отца, она ставила на полочку и сдувала пыль, чем живым существом.

— Ты дурак или прикидываешься? — Еще один поцелуй за ухом. — Из-за памятной вещички она себя довела почти до полного нервного истощения? Или таки из-за ребенка? С которым, конечно, отношения ни фига не сахар: послал к такой-то матери и урыл в неизвестном направлении. А потом явился, обрадовал тем, что все ее самые страшные страхи реализовались, и давай тигра за усы дергать у всех на глазах?

— Ну... прозрела, может, — буркнул я, не желая признавать свою неправоту. Хотя где-то в глубине души... нет, слишком глубоко. — Сама виновата: каким растила, таким и вырос. Васька нормальный будет.

— Да, если ты не станешь его излишне опекать. Тебе уже сейчас сложно это делать, ты все стараешься контролировать. И для Васьки, и для меня. В этом ты, кстати, пошел в маму. Она тоже старалась...

— Без моей опеки вы не заметите, как помрете... — тихо пробормотал я, старательно гоня прочь неприятные мысли. — А я без ее ухищрений хоть живым себя почувствовал.

— Они с твоей бабушкой очень серьезно прое... э... м-м-м... не правы, — сказала Аида. — Перестарались. Но ты больше не больной ребенок. Ты взрослый. Сам решай, как дальше строить отношения с семьей и с матерью. Теперь вы поменялись местами. Теперь ей нужна твоя забота и защита. Знаешь, я с башней своей давно не дружу. Собственно, с детства. Но всегда старалась сделать все, чтобы не волновать своих стариков. Это, если подумать, не так сложно.

Я молча положил руку на край медески. Говорить больше не хотелось. Пойти на перемирие, после стольких лет противостояния? Когда, наконец, отрастил себе колючую и непробиваемую броню язвительности и сарказма? Когда стал полностью независимым и теперь не нуждаюсь даже в милликубе подачек? Просто вот так взять и отказаться от всей своей... мести? Злорадства?

Пока думал, крышка капсулы мигнула и медленно поехала в сторону.

— Мор? — слабо удивилась открывшая глаза мама и попыталась сесть.

— Вот скажи мне, о чем ты думала?! — Все благие мысли мгновенно вылетели из головы. — Тебе отчет целителей дать почитать?! Ты когда спала нормально вообще?! А ела?! А энергетический обмен у тебя почему в жо... э... на таком низком уровне?! Мам, ты взрослая женщина, почему, стоило мне на несколько месяцев отлучиться, ты себя до состояния смертного трупа довела?! И не надо мне тут большие глаза делать — тебе антидепрессанты еще вместе с моим рождением прописали, принимала бы и горя не знала!

Мать несколько раз медленно моргнула, взялась за края медески, чтобы сесть, еще пару секунд смотрела, будто не верила, а потом вдруг закрыла лицо руками и разрыдалась.

У меня как-то разом исчезла твердая поверхность из-под ног. Я никогда, НИКОГДА не видел ледяную Артуруию плачущей.

— Это... новая тактика такая? — Было стыдно, но слишком уж нереально. Это опять спектакль, цирк, устроенный, чтобы посадить меня на поводок! Вот сейчас истерику устроит и не успокоится, пока не пообещаю вернуться в клан послушным Орудием, так? — Я не ребенок, чтоб вестись! Я...

Высказался и... получил подзатыльник от Аиды. Гневно оглянувшись, понял, что сейчас прилетит еще один, плюнул мысленно и

встал. Выдернул мать из медески и с нею на руках прошагал к кушетке, на которую и уселся. Растерянный, жутко недовольный и... мокрый. Пока нес, мне слезами успели залить всю рубашку на груди.

— Хм... — Я оглянулся вокруг в поиске... чего-нибудь. Взгляд наткнулся на Ваську. Идеально. Если рыдаешь из-за ребенка, то нет средства лучше, чем другой ребенок. Тем более — намного младше. Рыдать в младенца как-то не комильфо.

Но снова возникшая рядом Аида отрицательно покачала головой: «Сейчас не время прятаться за другими, Мор. Это ТВОЯ мама. И ей нужен ты, а не Васька. Просто... покажи ей, что ты уже вырос».

«И снова ты резко поумнела и тоже пытаешься мной манипулировать», — уже как-то устало огрызнулся я, тяжело вздыхая.

«Ради тебя я еще и не на такое способна, — подмигнула Мастер. — Ну же, я не верю, что самый совершенный мужчина этой призмы не сумеет успокоить одну плачущую женщину. Ты мои адреналиновые истерики на раз унимаешь, а это страшнее будет».

«Ее... обнять, да?» — неуверенно и, как мне самому показалось, слишком по-детски спросил я. Опасливо положил ладони матери на плечи, в любой момент готовый отстраниться. Несмело провел вниз по руке.

— Мам... ну что ты как маленькая. Все хорошо. Ну... — Даже самому себе мой голос казался жалким. — Ну ладно... плачь, говорят, это полезно. Мам?

Чтобы выдавить из себя самое важное и самое трудное, пришлось собраться с духом, мысленно взять за руку собственного Мастера и посмотреть на увлеченно грызущего погремушку гвозденка. И вдруг стало легко сказать:

— Мам. Я тебя люблю. Все будет хорошо, только хватит уже реветь, а?

— Что ты сказал, Мор? — Мать подняла на меня заплаканные и удивленные глаза.

— Выступать на бис не соби... Ай! Аида! Я сказал, что люблю тебя, ма! И хватит заливать слезами полы, вдруг целители поскользнутся, не доведя какого-то страдальца до медески. Незачем грех на душу брать!

Глава 54

— Очень уютно и в ретростиле первых галактических поселенцев, — сквозь зубы процедил я, глядя, как мать осматривает квартиру Аиды. Неважно, что сам я считаю это место убогой дырой... ну, считал еще недавно. Потом более-менее привык как-то, уже не придавая простоте особого значения. Тем более что в беломраморных покоех клана мне изначально было неуютно. Потому и сбегал постоянно, как только появлялась такая возможность.

— Да. — Артурия, от которой я ждал какого-нибудь замечания в духе высокой леди клана, только улыбнулась в ответ. — Чувствуется... что здесь тепло. — Под ноги матери как раз попалась детская игрушка-пищалка, которой гусь обычно отвлекал мелкого, пока я ударными темпами запихивал тому в рот не особо вкусную, но полезную кашу.

Я на пару мгновений потерял дар речи, а вместе с ним и вновь нахлынувший боевой задор. Привычка — вторая натура. Я все жду, когда она нападет с претензиями, а она не нападает.

Если честно, не очень хотел приводить мать сюда, но нам надо было забрать кое-какие вещи и Ганса, чтобы перебраться в клан на время тренировок с Прародителем. Оставлять ее в том состоянии, в котором она была после медески, я все же не рискнул. Отпускать телепортом Аиду за вещами одну — тоже, знаете, так себе идея. Мало ли какую тварь она встретит на лестничной клетке... ржа. В голове все время крутятся слова Мастера: «В этом ты очень похож на свою мать». Неужели правда? Тц, ну я ведь не ограничиваю Аиду... или ограничиваю? Вот это самое мать чувствовала, получается, когда не хотела меня одного отпускать даже в песочницу?

— Уф, я все собрала, — доложила Мастер, выбрасывая мне под ноги из двери спальни увесистый рюкзак, в котором что-то металлически брякало. Хорошо, уставший гвоздь спит в своей комнате так крепко, что его из пушки не разбудишь. А то бы он уже тянул руки к тому, что так весело гремит и звенит.

— Я тебя вещи просил сложить, а не твои дурацкие карабины! — Что за женщина, а? — И гвозденкины тоже!

— Васькины уже Ганс собрал, — отмахнулась Аида. — А здесь не столько карабины, сколько фотоаппаратура.

— И ты даже не проверила... гуся?! — На «оскорбление» Ганс возмущенно вскрикнул. — То есть для мелкого вещи животное сложило, а ты только свою ненужную гадость набрала? Тоже мне, мамаша.

— Сам его проверяй, он щиплется. — Аида показала мне язык, дернула Ганса за крыло и засмеялась. — Это твой гусь. А я собрала то, что мне необходимо. Остальное, типа запасных трусов, у вас там наверняка есть.

Во время этой перепалки я все время косился на мать — как онаотреагирует? Ну не может быть, чтобы ее не взбесило такое нарушение субординации. Нет? Не злится? Даже... улыбается? Это точно моя мама? Ей что-то в клинике в мозгу повредили или как? Или...

— Безответственная, — припечатал я, перетряхивая собранный сэвеном детский рюкзак. — Молодец, Ганс, почти все. Только еще б тех уток для ванны взять... с другой стороны, ванны в клане огромные. Сам можешь с гвоздем поплавать.

— Фа-га! — испугался Ганс и вперевалочку побежал за желтыми утятами. Купаться с цепким младенцем, который постоянно не прочь выдрать тебе пару-другую перьев, ему явно не хотелось.

— Зачем мне ответственность, у меня ты есть, — как обычно и уже привычно улыбнулась Мастер, запихивая в рюкзак здоровенный кофр с новейшей цифровой камерой этого мира. Потом встала и подошла ко мне за поцелуем. Это тоже вошло у нас в привычку: она ляпает что-то в таком духе, я фыркаю, делаю вид, что злюсь, и она лезет целоваться. Дурацкая игра. Но мне почему-то очень... нравится.

Аида привстала на цыпочки и потерлась носом о мой нос, а потом повернулась к все еще молча наблюдающей за нами Артурии.

— Ужасно ответственный, просто ужасно. И зануда страшная. За это и люблю, — поведала она, с веселыми искрами в глазах следя за нашим отражением в большом зеркале, вмурованном в стену просторной прихожей.

Я тоже невольно глянул туда и пожал плечами. Вид уже привычный: Аида откинулась на мое плечо, а я обнимаю ее за талию и хмурюсь. Потому что легкомыслия нам от нее хватает на четверых (включая Ганса и мелкого), хоть кто-то же должен быть серьезным?

Мать, вначале застывшая и слегка ошеломленная такой фамилльярностью, вдруг поднялась с маленького и чуть облезлого диванчика. Давно б выкинул, но Аида берегла и называла его «настоящий антиквариат». Мамино лицо стало... я затрудняюсь определить, что это было за выражение... не просто грустным, а словно беззащитным, и...

Она подошла к нам, но встала так, чтобы не отражаться в зеркале, потом нажала на свой браслет, и ровная стена рядом с потертой рамой украсилась еще одной картиной. Я не сразу понял, что это достаточно старый голоснимок. Я его никогда не видел. Только парадные портреты отца и матери, большие, помпезные и ненастоящие. На них они стояли привычными статуями в подобающих позах, с лицами, по которым наковальня плачет. В общем, не сильно отличались от окружения, и потому я их даже не разглядывал. Ну было когда-то у матери Оружие и было, потом умерло, мне от этого ни жарко ни холодно. Я тогда еще даже не родился. То есть я слышал разговоры об их необычной привязанности... но редко. И не вникал.

Этот голоснимок был другой. Сначала могло показаться, что наше с Аидой отражение просто раздвоилось и слегка выцвело на фоне стены. Очень уж поза у этих двух людей на картине копировала нашу с Аидой. А еще... а еще я действительно очень похож на отца. На вот этого, который сейчас чуть хмурится со старого снимка, глядя прямо на меня поверх мамино плеча. Он так же обнимает ее за талию, таким же точно движением, бережно, но крепко. А она...

Она была такой? Вот эта девчонка, у которой в глазах столько смеха и задорной бесшабашности, — это мать? В те-то времена, когда в клане от тысяч правил продыху даже не предполагалось? Такая счастливая, такая живая. Такая... какой я ее и не видел никогда.

Я смотрел не отрываясь, очень долго. И чувствовал, что мне, наверное, еще в жизни не было так больно и грустно, но не за себя, а за другого человека. Как так вышло, что мы жили рядом сотни лет, но вообще не знали друг друга? Ладно, я мелкий был и протестовал вполне справедливо... почти. Но не слепой же? А она вот вроде взрослая, но насколько живая вообще после того, как этот мужчина со снимка умер?

— Береги то, что у тебя есть, Мор, — сказала Артурия и, погасив снимок, шагнула к нам и коротко обняла сразу обоих. Потом

дотянулась и поцеловала меня в щеку. — Собирайтесь, я не буду вам мешать. Увидимся в клане, сын. Сообщи мне, пожалуйста, о своих планах, чтобы я случайно их не нарушила.

И исчезла в телепорте.

Глава 55

Аида:

— Гуся! Гуся-гуся! — лепетал младенец, летая в гравитационных ходунках вокруг свернувшейся клубком и спрятавшей голову под крыло птицы. — Гуся-гуся-гуся.

— Ну почему? Почему не «мама»?! Ну, в крайнем случае, «папа», — нахмурился Мордред, коршуном следя за ребенком. Ходунки были куплены всего пару дней назад и пока не вызывали у него доверия: мелкий в них был слишком активный и передвигался самостоятельно, что существенно утяжеляло присмотр.

— В твоем случае как раз «папа» было бы логичнее, — хмыкнула я, глядя на него снизу вверх. Моя голова лежала на его коленях, мы устроились на ковре, расстеленном по большой лужайке. Сегодня у нас был семейный пикник в честь редкого выходного, выделенного нам старым садистом. Э-э, то есть Прародителем. Чтоб он... был здоров.

Это Алико всех сблатовала, я поддержала с энтузиазмом, остальные Умбрайя приняли с некоторой настороженностью. Чтобы совсем не шокировать родню, решили далеко не ходить на первый раз и просто устроиться в саду. Подальше от центральных аллей, на большой поляне. Зато на это мероприятие удалось затащить не только свекровь, которую Мордред взялся опекать со всей ответственностью (Артурия, затерроризированная целителями, по-моему, уже готова от нас сбежать, но тут я ей не помощник, ибо пусть немножко поест той же каши, которой сына столько лет пичкала. Лучше дойдет, крепче запомнится), но и прасвекровь, которой тоже пару раз досталось от внука за безответственное отношение к своему здоровью.

По-моему, Виктория как в первый раз выпала в осадок, так обратно и не того... все в нем и пребывает. Задумчивая такая.

— Гуся! — особенно громко взвизгнул малыш, отчего даже индифферентная ко всему большая мохнатая собака по кличке Кабато подняла голову и посмотрела на нас всех с укором. Этот кавказец добросовестно пас кучу детей, если ему случалось их обнаружить, но очень не любил, когда они визжали ему в ухо.

— Ва-а-а, — восхитился гвозденек и сменил вектор кружения. Теперь уже пес прятал морду под лапу и тяжело вздыхал.

— Кому шашлык? — жизнерадостно спросил Галахад, подходя к коврику с букетом из шампуров в руках. Хороший у Алико Меч, в смысле муж. Спокойный и улыбочивый. Правда, некоторые в клане до сих пор застывают в ступоре, когда его улыбку видят. Тут я не поняла, но поверила на слово, что до женитьбы и побега в дом своего Мастера это было совсем другое Оружие. Кажется, даже Мордред считал, что лицевые мышцы, ответственные за улыбку, у Галахада отсутствуют. И был слегка фраппирован, увидев ее впервые. Но, кстати, он быстрее всех привык. Сказал только, что вековые дубольды — они такие. Вообще не поймешь, что из-под них оттаять может — древний клад или смертельный вирус.

— А вот и мы! — На ковер из пустоты спланировал большой розовый многоместный велосипед в зеленую полосу, с которого на нас посыпалась куча детей разных возрастов. И только потом степенно слез здоровенный мужик, похожий на Чингачгука, у которого в каждой руке было по Васькиному ровеснику, а на плече восседала мамаша этого выводка — девочка с розовыми волосами.

— Чем так вкусно пахнет? — осведомилась она, поведя носом. — Галахад, можно я уведу у тебя жену?! Это же невозможно, как она готовит! Почему мой кухонный робот, когда берет рецепт и те же самые продукты, даже близко такое не может настрять?!

— Нельзя, — спокойно отозвался Меч. — Иди лучше помоги ей, заодно научишься чему-нибудь полезному. Кетцаль, запасные ходунки вон там, отпусти своих, пусть летают. Кабат и Ганс присмотрят.

— Приветствую, леди Виктория, леди Артурия, леди Аида. — Чингачгук с занятым именем Кетцалькоатль сначала вежливо поклонился всем присутствующим дамам, потом поздоровался со всеми мужиками, потом рассадил детей на ковре — и собственного старшего, Цицерона, и парочку детей своего... м-м-м... праправнука? Господи, там черт ногу сломит в их запутанной родословной. Мяукающая через слово девочка Маша — это точно дочь Валерии и Ксана, а пацан с кошачьим именем Барсик вроде бы рыжего отцом называет.

— А где Валерия и Ксандр? И Баад с Дженной?

— Будут чуть позже, там дела какие-то нарисовались. Но обещали сильно не задерживаться, — пояснил Кетц, вынул из корзины велосипеда огромный сверток, пахнувший сдобой, и пошел туда, где около мангала и костра суежилась хозяйка праздника — Алико. Как эта женщина умудряется быть в десяти местах одновременно, готовить пять разных блюд, угощать сто человек, улыбаться каждому и при этом откровенно лучиться счастьем — для меня загадка. Но если бы Галахад позволил, на его жене бы двадцать четыре часа в сутки висела половина клана. И «портилась», по меткому выражению Виктории, которая все никак не могла понять, почему детей надо баловать. Ну ладно еще детей... но здоровых лбов зачем?! А дисциплина?!

К счастью, у нас умная бабушка. Она быстро поняла, что грести против течения бессмысленно, а если давить — Гал просто забирает жену «домой» на неделю и весь клан погружается в депрессию. Виктория на это посмотрела-посмотрела, да и навела порядок железной рукой, заменив большинство дисциплинарных наказаний для мелочи строгим отлучением от Алико и ее кухни. Подействовало на ура, нам уже докладывали, что успеваемость в младших группах повысилась на четыре процента, а в старших — на восемь.

— Гуся-гуся, — причитания мелкого шли каким-то уютным фоном. Ребенок развернулся в своих ползунках и вдруг затараторил совершенно другое слово: — Кися-кися!

— Ну ржа, опять не «мама»! — возмутился Мордред. — Да и где ты увидел ки...сю... — Голос мужа внезапно охрип, и он рванул в сторону ребенка на какой-то космической скорости.

И не успел. Никто из нас не успел, кроме Кайдена и Ланселота. Рапира ближе всех сидел и обернулся первым, а муж Виктории просто оказался самым быстрым и мощным Оружием среди присутствующих. И когда что-то похожее на получеловека-полузверя протянуло когтистые руки к Ваське, дед моего мужа просто в мгновение ока очутился между ребенком и чудищем и с силой толкнул ходунки в нашу сторону, не давая тому коснуться малыша.

А Кайден в этот момент уже перекрыл существу дорогу к испуганно сжавшимся на ковре Маше и Цицерону.

— Извините, — сказала чудовище мягким застенчивым голосом, от которого у меня волосы встали дыбом. — Но мне очень надо. Простите, пожалуйста... — с этими словами получеловек со

звериными ушами схватил того, кто оказался к нему ближе, — Кайдена — за руку и исчез. Я не сразу поняла, что вместе с ними пропал и Ланселот. Кажется, он тоже успел поймать похищенного, за другую руку, и его затащило следом.

— Лан! — вскрикнула Виктория и как подрубленная упала без сознания на ковер. А я почувствовала, что ее связь с Оружием словно... оборвалась.

Но это... это же невозможно!

Эпилог

Атмосфера в зале собраний была гнетущей. Никто не обращал внимания ни на сверкающие футуристические огни, ни на древнюю вязь на стенах. Лица совета Мастеров были хмурыми и озадаченными. И даже те, кто и в самой лютой дыре находил повод для радости, сейчас внимательно слушали доклады.

— Ситуация везде примерно одинакова. — Когда вышел очередной, уже десятый, глава клана с отчетом, Прародитель его прервал: — Просто скажите, сколько детей украли у вас.

— Троих, древнейший. И тоже все Оружия, — чуть склонил голову мужчина.

— Такое ощущение, что они решили отомстить нам за кражу маленьких Мастеров, — буркнул кто-то из многочисленных рядов.

— Тогда и крали бы у Ивановых! У самих одни Мастера, так они еще и всех чужих себе забрали, а страдают теперь наши дети. Из-за этих ненормальных малышей, наверное, уже убили... — женский голос произнес тираду на грани слышимости, но в зале советов всегда была слишком хорошая акустика.

— Молчать! — рявкнул Прародитель так, что всех буквально вжало в кресла силой его голоса. — Еще раз услышу подобную чушь... еще раз попробуете устроить свару... пожалеете. Всем понятно?!

— Да, Прародитель, — после долгой паузы, во время которой главы кланов пытались вспомнить, как дышать, все же высказался кто-то из задних рядов.

— Значит, замолчали все и слушайте. — Прародитель еще раз для острастки даванул аурой и вернулся к подчеркнуто спокойному тону:

— Итак, нам удалось установить, что это был не телепорт, а прямой разрыв ткани пространства. Вторжение из другого континуума. И да, ваши предположения верны. Это опять наши старые знакомые.

— Пожиратели? — Светловолосая женщина с длинной косой и синяками под глазами от недосыпа сжала подлокотник своего кресла с такой силой, что он треснул и остался у нее в руке.

— Спокойно, Лиерра, это не совсем они, — помахал у нее перед лицом Прародитель. — Это жители их мира, но... странные. Это были артефакты без операторов. В смысле, Оружия без Мастеров. И они пока ни одной разумной души не сожрали.

— Естественно, там ведь и разумной жизни-то толком не осталось! Вы думаете, наши дети понадобились им... для еды?! — не выдержал глава клана Норд, тоже присутствующий на собрании.

— Ржу тебе на язык, — шикнул на него Прародитель, торопливо сунув своей далекой прапрапра- и так далее внучке какую-то пахучую склянку под нос. — Ты нарочно, что ли? Успокойтесь все, прекратите истерику. Судя по тому, что мы с Таири и Дженсеном считали из межмирового инфополя, всё не так страшно, хотя довольно неприятно. Вряд ли детей собираются именно сожрать. Но вернуть их мы не можем.

— Почему?!

— Потому что ни один Мастер, ни одна швея и ни один... прародитель больше не могут проникнуть внутрь того мира. — В руке Прародителя появился небольшой стакан с янтарной жидкостью. Он слегка дернул его в руке, взбалтывая, но пить не стал. Лишь вдохнул запах, и стакан снова исчез.

— Значит, гулять туда-сюда способны только Оружия? — В голосе главы клана Ивановых, присутствующей на собрании вместе со своим костяным Копьем, не осталось даже намека на ее своеобразный акцент.

— Именно.

— Я не понимаю. Вы запечатали — вы и распечатайте, в чем проблема? — задала вопрос Артурия. Она заменила на собрании мать — глава клана Умбрайя так и не пришла в сознание после того, как оборвалась ее связь с Ланселотом.

— В том, что эта печать — не наша работа. Собственную защиту вскрыть — тут проблем никаких, а вот отключить «аварийку» умирающего мира извне даже десяток мне подобных не сможет.

— «Аварийка»? — задумчиво поинтересовался Кетцалькоатль, прижимая к себе перепуганную Зефирку. Девушка слишком

переживала за своих малышей. А вдруг бы похититель захотел кого-то из них?! И один из близнецов — маленькое Оружие.

— Каждый мир, оказавшийся на грани уничтожения, может использовать так называемый последний шанс. Встроенный в ткань континуума предохранитель, кнопку «SOS», если хотите. Это незыблемое правило. Я не знаю, кто из оставшихся в агонизирующей призме жителей сумел это повернуть и каким образом они вообще об этом узнали. Но они это сделали. И теперь их мир закрыт для вторжения любых сущностей, пока они не наведут у себя порядок или пока их родная призма не разрушится окончательно.

— Но Оружия они забрали! — выкрикнул кто-то из собравшихся.

— Не просто Оружия. Детей, — задумчиво выдала леди Гиттиннэвыт. — Кайден и Ланселот — исключения. Первого схватили потому, что не смогли добраться до ребенка, а второй вообще сам полез. Это говорит о многом...

— Думаю, поскольку в том континууме острая нехватка артефактов-Оружий, а какая-то часть их населения еще в незапамятные времена пересекла границу, вторгаясь в наш мир, эта же система считает возможным пропускать сквозь завесу жнецов с параметрами Оружия, — предположила Таири.

— Добавлю, что мощные артефакты либо им не нужны, либо им нечем их кормить, — кивнул Прародитель. — И по этой же причине мы не можем послать туда никого из свободных древних Оружий. А о привязанных вообще речи не идет — вы видели, что случилось с Викторией. Возможно, их связь не разорвана, просто заблокирована. Но от этого не легче ни Мастеру, ни Оружию. Это такой удар по ауре, что ни о какой разведывательной или диверсионно-спасательной деятельности даже речи быть не может.

После этих слов прилипшая к мужу Зефирка покраснела от стыда за свою эгоистичную радость, но при этом еще крепче вцепилась в куртку Кетцалькоатля и спрятала лицо у него на груди.

— То есть... туда должен пойти кто-то из молодых? Непривязанных, не слишком емких и... Да это все равно что самим отправить ребенка на съедение! — воскликнула Артура.

— Действительно. Никто из наших Оружий не может действовать без Мастера. Даже если такой самостоятельный найдется, если помните, в том мире расклад сил обратный нашему — очень много

одиноких Мастеров, — покачал головой глава клана Норд. — У любого нашего посланника сработает инстинкт. Он привяжется к первому «оператору», с которым у него будет более-менее устойчивое взаимодействие и достаточно высокий коэффициент совместимости. А после этого... вряд ли сумеет выступить против своего Мастера и продолжать выполнять задание.

— Итак, подведем итоги. Нам нужно молодое Оружие, способное работать на небольшом количестве скверны без Мастера и не желающее, а лучше и вовсе — не способное привязаться. В идеале — с опытом диверсионной работы, крепкой психикой и врожденным умением выжить в любой ситуации, — скептически выгнула бровь швея. — И где мы найдем такого уникама?

— Глава клана... а тебе не кажется, что... — внезапно подал голос молчавший до этого Скорп.

— Ядовитый клинок без рукояти, — сказала вдруг леди Гиттиннэвыт. — Подойдет?

Конец